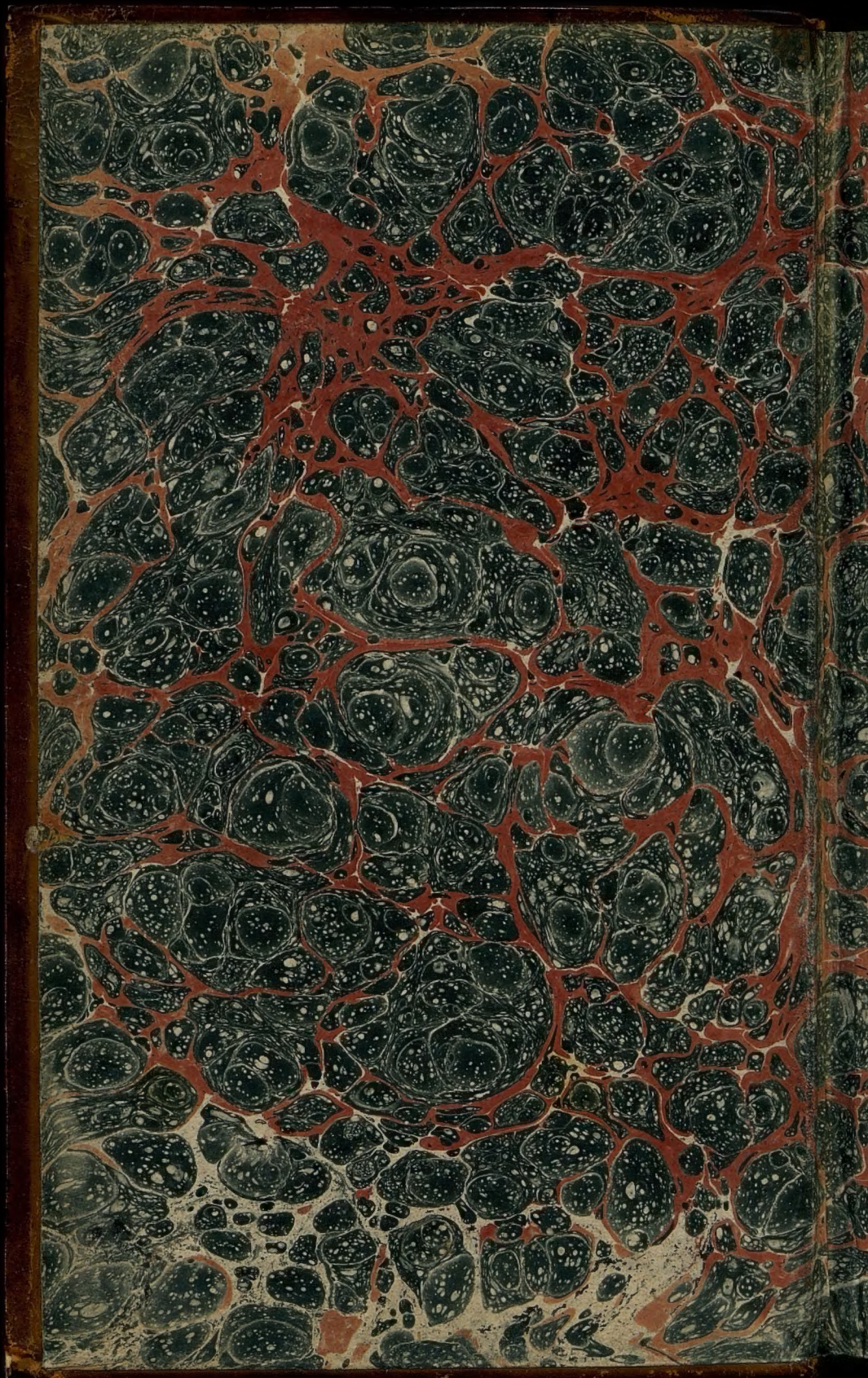

283391

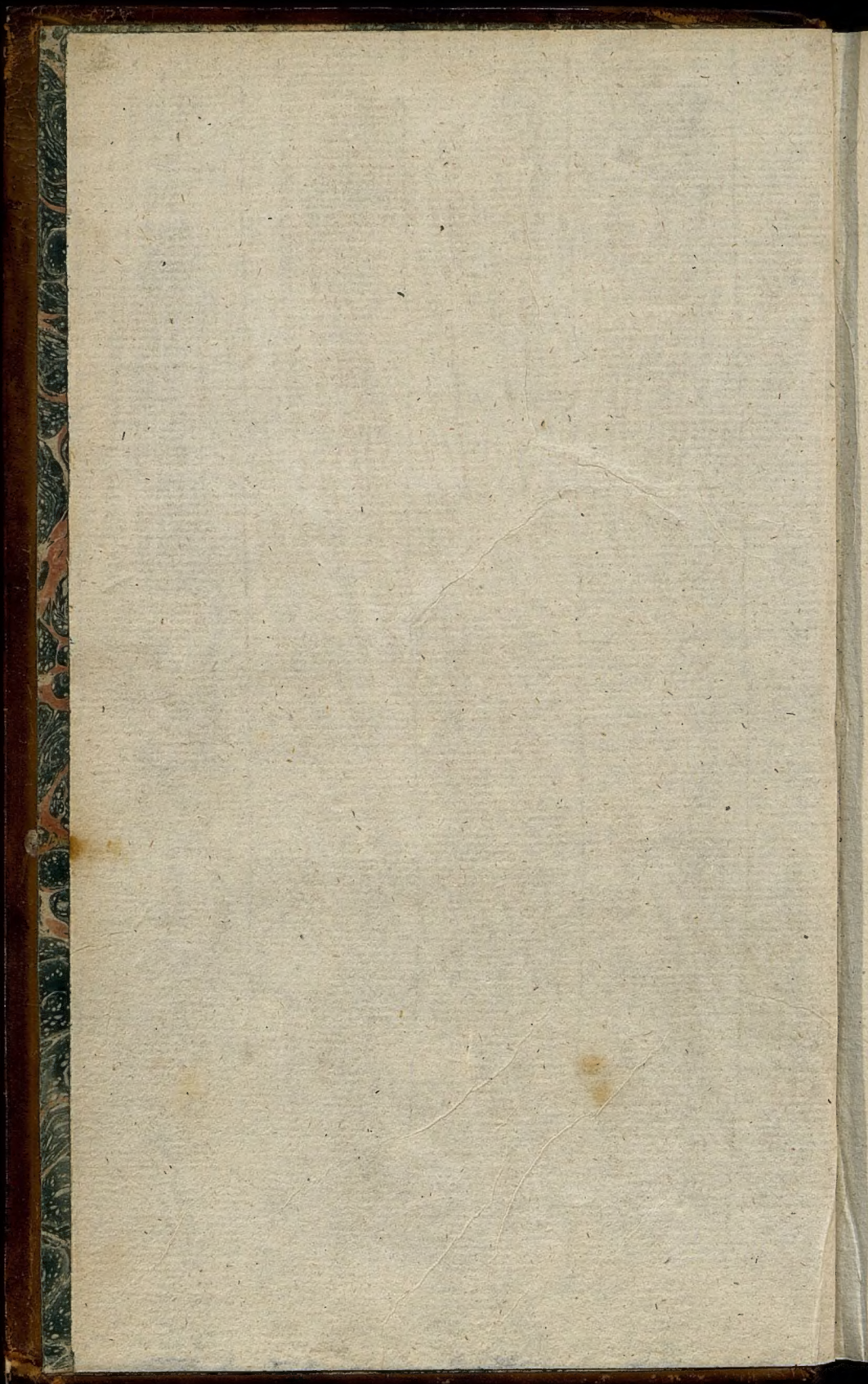
Р Рр V Р

Карамзин
сочинения
том. VIII
м., 1820

283391

the first of these is the fact that the

the second is the fact that the

the third is the fact that the

the fourth is the fact that the

the fifth is the fact that the

the sixth is the fact that the

the seventh is the fact that the

the eighth is the fact that the

the ninth is the fact that the

the tenth is the fact that the

the eleventh is the fact that the

the twelfth is the fact that the

the thirteenth is the fact that the

the fourteenth is the fact that the

the fifteenth is the fact that the

the sixteenth is the fact that the

the seventeenth is the fact that the

the eighteenth is the fact that the

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ОСЬМЫЙ.

59

7
№ 7028.
4628.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

БИБЛИОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губ. Земства

ТОМЪ ОСЬМЫЙ.

КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ,
исправленное и умноженное.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1820.

Красная Библиотека
№ 28339/р
Книгохранилище
Куйбышевскаго кр.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО:

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи до выпуска изъ
Типографіи, представлены были въ Цензурный
Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цен-
зурнаго Комитета, другой для Департамента Ми-
нистерства Народнаго Просвѣщенія, два экзе-
мпляра для Императорской Публичной Библиотечки
и одинъ для Императорской Академіи Наукъ
Санктпетербурга. Сентября 25 дня 1818 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковскій,

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНЪ II.

Сотраждане! дерзаю говорить о Екатеринѣ — и величіе предмета изумляетъ меня. Едва произнесъ Ея имя, и мнѣ кажется, что всѣ безчисленные народы царствъ Россійскихъ готовы выдаться словамъ моимъ: ибо всѣ обожали Великую. И шѣ, которые, скрываясь во мракѣ опдаленія — подъ шѣною сѣвернаго Кавказа, или за вѣчными льдами пустынной Сибири — никогда не зрѣли образа Безсмертнаго, и шѣ чувствовали спасительное дѣйствіе Ея правленія; и для шѣхъ была Она Божествомъ, невидимымъ, но благотворнымъ. Гдѣ только сіяло солнце въ областяхъ Россійскихъ, вездѣ сіяла Ея премудрость.

Щасливые Орапоры, могущіе украсить и возвеличить дѣла своихъ Героевъ! или вы, которые даромъ краснорѣчія воскрешаете шемные подвиги древности! ваша доля завидна. Не скажешь, что вы унизили предметъ свой. Кому судишь васъ строга? Но мнѣ должно изобразить Монархиню, которая Своимъ величіемъ удивила вселенную; мнѣ должно славить первую Героиню нашего времени, и въ присутствіи ихъ, для которыхъ слава Ея была щастіемъ. Она еще жива въ ихъ сердцахъ; Она еще и по смерти благодаритъ имъ! Черны мои должны казаться слабыми. . . . Но горе тому, кто, представляя себѣ Екатерину, можешь думать о пользѣ своего ничтожнаго самолюбія! Благодарность, усердіе есть моя слава. И я жилъ подвѣ Ея скипетромъ! и я былъ щасливъ Ея правленіемъ! и буду говорить о Ней! Истина сильнѣе воображенія; чувствѣо разительнѣе краснорѣчія — и ваше сердце, о Россіяне! возвыситъ дѣйствіе моего слабого таланта. — —

Зерцало вѣковъ, Исторія, представляешь намъ чудесную игру таинственнаго Рока: зрѣлище многообразное, величественное! Какія удивительныя перемены! какія чрезвычайныя происшествія! Но что болѣе всего пріивлечетъ вниманіе

мудраго зришеля? Явленіе великихъ душъ, полубоговъ человѣчества, которыхъ непоспѣшное Божество употребляетъ въ орудіе Своихъ важныхъ дѣйствій. Сіи любимцы Неба, разсѣянные въ пространствахъ временъ, подобны солнцамъ, влекущимъ за собою планетныя системы: они рѣшаютъ судьбу человѣчества, опредѣляютъ путь его; неизвѣстною силою влекутъ милліоны людей къ нѣкошорой угодной Провидѣнію цѣли; шворяшъ и разрушаютъ царства; образуютъ эпохи, которыхъ всѣ другія бывающъ только слѣдствіемъ; они, такъ сказать, составляютъ цѣпь въ необозримости вѣковъ, подаютъ руку одинъ другому, и жизнь ихъ есть Исторія народовъ.

Сотраждане! не только въ шѣни древнихъ опдаленныхъ временъ, не только среди песчаныхъ морей Африки, на поляхъ Маратонскихъ, подъ орлами державнаго Рима, видимъ такихъ избранныхъ и великихъ смертныхъ. О слава Россіи! подъ небесами любезнаго отечества, на его шронѣ, въ его вѣнцѣ и порфирѣ сіяли Петръ и Екатерина! Они были наши — и любовь Всевышняго запечатлѣла Ихъ Своею печатію! Они другъ другу, на величественномъ есагрѣ ихъ дѣйствій, подаютъ руку!.. Такъ, Екатерина двилась на прешолѣ ожи-

вишь , возвеличишь швореніе Петра ; въ
Ея рукѣ снова расцвѣлъ изсохшій жезлъ
Безсмертнаго , и священная Тѣнь Его ус-
покоилась въ поляхъ вѣчности: ибо безъ
всякаго суевѣрія можемъ думать , что ве-
ликая душа и по разлукѣ съ міромъ зани-
маешься судьбою дѣлъ своихъ. Екатерина
Вторая въ силѣ творческаго духа и въ
дѣятельной мудрости правленія была не-
посредственной преемницею Великаго
Петра ; раздѣляющее Ихъ пространство
исчезаетъ въ Исторіи. И два ума , два
характера , столь между собою различ-
ные , составляющіе въ послѣдствіи своемъ
удивительную гармонію для счастья на-
рода Россійскаго ! Чтобы *утвердить*
славу мужественнаго , смѣлаго , грознаго
Петра , должна чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ
Его царствовать Екатерина ; чтобы
предуготовить славу крошкой , человеко-
любивой , просвѣщенной Екатерины ,
долженствовалъ царствовать Петръ :
такъ сильные порывы благодѣтельнаго
вѣтра волнуютъ весеннюю атмосферу ,
чтобы разсѣять хладные осѣпки зим-
нихъ паровъ , и приготовами Нашуру къ
теплому вѣянію Зефировъ !

Чудесный Промыслъ Всевышняго , не-
постижимый для смертныхъ ! Кто бы
вздумалъ искать при одномъ изъ скром-
ныхъ Княжескихъ Дворовъ Германіи , въ

шихомъ семействъ Ангальтъ - Цербстскаго Дома — кто бы вздумалъ искать шамъ причины нашего благоденствія и славы народа Россійскаго? Какой Улиссъ могъ бы узнать сію новую Пирру въ Ея первой, нѣжной юности? Какой мудрый Астрологъ, видя утренняя зарю сего величества, предсказалъ бы въ Екатыринѣ восходъ лучезарнаго свѣтила для сѣверной Европы и Азіи? Казалось, что судьба опредѣлила Ей бытъ добродѣтельною супругою какого нибудь щастливаго Нѣмецкаго Князя. Нравственные скромныя достоинства нѣжнаго пола были единственнымъ предметомъ родителей при Ея воспитаніи. Часто, среди славы Ея царствованія, въ искреннихъ изліяніяхъ дружества (кошорымъ только великіе Монархи умѣютъ на шронѣ наслаждаться) Она съ Ангельскою улыбкою говорила достойнѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ: «Меня воспитывали для семейственной жизни: Провидѣніе открыло мнѣ науку царствовать» Провидѣніе! такъ конечно: непосредственные дары Его производятъ все чрезвычайное въ мірѣ. Первое воспитаніе опредѣляетъ судьбу однѣхъ обыкновенныхъ душъ; великія, разрывая, такъ сказать, его узы, свободно предаются внушенному стремленію, подобно Сократу внимаютъ тай-

ному Генію, ищущъ своего мѣста на земномъ шарѣ и образуящъ себя для онаго. Одна искра, и живошворный огонь Прометеевъ пылаетъ; одна великая мысль, и великій умъ, воскриляясь, паритъ орломъ подъ облаками!

Екатерина была извѣстна въ Германіи Своею красотою, разумомъ и скромною любезностію, когда Елисавета призвала Ее украситъ Дворъ Россійскій. Вы, которые имѣли щастіе видѣть тогдашнюю цвѣщую юность Ея, вы донынѣ говорите съ восторгомъ о первыхъ живыхъ чувствахъ удивленія, возбужденныхъ въ сердцѣ вашемъ Ангельскимъ видомъ Ея, рѣдкимъ соединеніемъ божественныхъ прелестей! Я зрѣлъ лучезарный западъ сего свѣтила, и глазамъ моимъ не представлялось ничего величественнѣе. Она рождена была для Самодержавія. Крошечность, пріятность ума, врожденное искусство плѣнять душу людей, единымъ словомъ, единымъ взоромъ, произвели всеобщую къ Ней любовь Двора. Онъ былъ училищемъ для Екатерины, которая имѣла выгоду примѣчать его волшебную игру, не будучи еще на тронѣ. Тутъ Ея пронизательный взоръ открылъ слабости стороны человѣческаго сердца, опасности Царей, и хитрые способы, употребляемые лукавствомъ для ихъ оболь-

щенія: открытіе важное для науки царствовашь! Тудѣ прочишала Она въ добрыхъ сердцахъ всѣ тайныя желанія истинныхъ сыновъ отечества; тихій гласъ Памрюшовъ доходилъ до Ея нѣжнаго слуха.... Они съ восторгомъ говорили о Петрѣ Великомъ и Его великихъ намѣреніяхъ. Екатерина хотѣла узнать сего полубога Россіянъ, и всѣ дѣла, всѣ законы Его, вмѣстѣ съ древнѣйшими лѣтописями нашего государства, были предметомъ Ея живѣйшаго любопытства. Сего не довольно: славнѣйшіе иностранные Авторы и Философы, подобно благодѣтельнымъ Геніямъ, ежедневно украшали разумъ Ея новыми драгоценностями мыслей; въ ихъ швореніяхъ (*) искала Она правилъ мудрой Политики, и часто, облокотясь священной рукою на безсмертныя страницы *Духа законовъ*, ра-

(*) Родительница Екатерины, зная любовь Ея къ чтенію книгъ, въ завѣщаніи своемъ отказала Ей свою библіотеку — симъ словами: „Любезной, „моей Государынѣ Дщери Внучернѣ Алексѣевнѣ отдаю всю мою библіотеку, какъ здѣшнюю, „такъ и Дорнебургскую, собранную мною нарочно для Ея Высочества; ибо я знаю Ея великую „охоту къ чтенію. Всевышній да поможетъ Ей „украстись плодами онаго, и да пріобрѣшетъ „Государыня, любезная Дщерь моя, всѣ добродѣтели, пужныя для Ея высокаго сана! Черезъ что „исполнятся наши родительскія наставленія, „прежде данныя Ея Высочеству.“

скрывала въ умѣ Своемъ идеи о народномъ
щасіи, предчувствуя, что Она Сама бу-
детъ шворцемъ онаго для обширѣйшей
Имперіи въ свѣтѣ!... Воображая сію ду-
шевную дѣятельность, я вижу, кажется,
предъ собою юнаго Аякса, который,
въ пишинѣ собирая силы, утврждая
мышцы и рамена свои, готовился пред-
пріять геройскіе подвиги... Ахъ! подвигъ
мудраго Царя есть самый труднѣйшій
въ мірѣ!

И Екатерина на тронѣ!... Уже на
безсмертномъ мраморѣ Исторіи изобра-
женъ сей незабвенный день для Россіи:
удерживаю порывъ моего сердца описать
его величіе... Красота въ образѣ воинст-
венной Паллады!... вокругъ блестящіе
ряды Героевъ; пламя усердія въ груди
ихъ!... предъ Нею священный ужасъ и
Геній Россіи!... Опираясь на Мужество,
Богиня шествуетъ — и Слава, гремя въ
облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея
вѣнокъ лавровый!....

Съ Екатериною возсѣли на престолѣ
крошкая мудрость, божественная любовь
ко славѣ (испочинавъ всѣхъ дѣлъ вели-
кихъ), неутомимая дѣятельность, зна-
ніе челоѣческаго сердца, знаніе вѣка,
ревностное желаніе довершивъ начатое
Петромъ, просвѣтивъ народъ, образо-
вать Россію, утврдивъ ея щасіе на

столпахъ неизблемыхъ, согласишь всѣ
части правленія, и купишь безсмертіе
дѣлами Матери Отечества. Сей обѣщъ
произнесла Монархиня во глубинѣ души
Своей, и небесный Сердцевѣдецъ даровалъ
Ей силу для исполненія.

Сограждане! Екатерина безсмертна
Своими побѣдами, мудрыми законами и бла-
годѣтельными учрежденіями: взоръ нашъ
слѣдуетъ за нею на сихъ трехъ пущахъ
славы.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

Сколь часто Поэзія, Краснорѣчіе и
мнимая Философія гремѣтъ противъ сла-
волюбія завоевателей! Сколь часто уко-
ряютъ ихъ безчисленными жертвами сей
грозной страсти! Но истинный Философъ
различаетъ, судитъ, и не всегда осуж-
даетъ. Прелестная мечта всемірнаго со-
гласія и братства, столь милая душамъ
нѣжнымъ! для чего ты была всегда меч-
тою? Правило народовъ и Государей не
есть правило честныхъ людей; благо
сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы пер-
вые болѣе всего думали о виѣшней безо-
пасности: а безопасность есть — могу-
щество! Слабый народъ шепчетъ;

сильный, подъ эгидою величія, свободно наслаждается полипическимъ бытіемъ. Сія истина рождаетъ правила для Монарховъ. Исчезни память кровожадныхъ Аштилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣши имя Героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и Екатерина хотѣли приобрѣщеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и вѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо не надежно. Монархія знала, что Имперія Османская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ, и что единственный способъ утвердить покой нашего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля Христіянъ — знала, и совершила. Но Европа видѣла, что Екатерина, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же мечъ, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукъ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархія успѣла привести въ лучший порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа

оскорбилъ величіе Россіи; объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мяшежниковъ; претовалъ, чтооы войско наше оставило Спанислава имъ въ жершву; и наконецъ, презирая священное право народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ Екатерины!

Уже Ея войны разили Опшомановъ; уже на берегахъ Днѣспровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена... но взоръ Екатерины еще искалъ Полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписатьъ законъ Року. Искала, и нашла—Румянцова! Сей великій мужъ славно опличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитроспи искусства Фридриха, но часто угадывалъ его тайныя замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣтъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и Екатерина, избравъ Румянцова, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

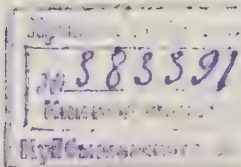
Герой, пріавъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя оспорожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ

арміяхъ чужеземными военачальниками. Не рогатки, а огонь и метъ защита ваша, сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Ошшомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи спращныя завоеватели востока, ужасъ Европы, истребили славныхъ армій ея, не могущъ споять предъ лицомъ Румянцева! Восемдесятъ тысячъ отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезло какъ прахъ на берегахъ Пруша; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало — шуда, гдѣ рѣка Прутъ вливаетъ быстрыя воды свои въ величественный Дунай; шуда, гдѣ Великій Петръ, окруженный невѣрными, опчаялся бытъ побѣдителемъ и требовалъ мира — шуда Геній Екатерины привелъ Румянцева, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить сшѣдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сограждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Рускаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему

повѣспованію, Герои имениные, щасливые сподвижники Румянцева! и никогда въ моемъ воображеніи не зашмѣлся сія величественная картина. 17 Тысячь Рускихъ, на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идушъ умереть со славою противъ 150 тысячъ непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были опданы, и вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. — Вдругъ громы возвспитили явленіе солнца, и пучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленныя? Я вижу пророки наши, и среди ихъ Героя Румянцова, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монарху донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. Духъ Петра Великаго! Ты ушѣшился. Опынѣ сліяніе Прута съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памяникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ Екатериной славы мірѣ увидѣлъ другое, не менѣ чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на половину года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны моря Средиземнаго пбнѣлись подъ рулями Россійскими. Свя-

щенныя воспоминанія Исторіи волновали
 сердце нашихъ плывущихъ Героевъ, ко-
 гда они узрѣли берега Италіи. Имъ каза-
 лось, что великія шѣни Фабриціевъ, Ка-
 милловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ
 древней Республики, съ любопытствомъ
 и удивленіемъ взирали на гордый, и симъ
 морямъ неизвѣстный флагъ Екатерины;
 и мѣ казалось, что Россія есть новый
 Римъ своимъ величствомъ. Съ такими
 чувствами наши Аргонавты приближались
 къ спранамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣто-
 писяхъ славы, и равно богатымъ велики-
 ми идеями; они надѣялись воскресить
 шамъ героизмъ Ликурговыхъ и Солоно-
 выхъ питомцевъ; надѣялись именемъ но-
 вой Аѳиней воззвать къ жизни и вели-
 кимъ дѣламъ потомковъ Мильшіада, Ари-
 стида,Themistocles. Но долговременное
 рабство навѣки умершило шамъ сердца
 людей; грубый слухъ не внималъ уже
 сладкому имени свободы, и Герои Россій-
 скіе увидѣли, что имъ надлежало думать
 только о славѣ Екатерины. Не за шѣмъ
 окружили они Европу, не за шѣмъ оста-
 вили за собою берега Африканскіе, что-
 бы шворить дѣла обыкновенной храбро-
 сти. . . . и море Эгейское пылаетъ! . . .
 О зрѣлище, для самаго воображенія ужас-
 ное! мысль смѣлая и великая! исполне-
 ніе дерзостное и щастливое! Молніе-

носные Россіянне повѣлѣваюшъ спихіями: огонь и волны испребляюшъ врага! вѣками угошованныя морскія силы его исчезаюшъ съ дымомъ! Все Опшоманское гибнетъ, кромѣ однихъ профеевъ для побѣдителя — и Монархія возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Чесма безсмертна, подобно Полсавѣ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы (*).

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Чшо началъ Іоаннъ Грозный, шо довершила Екатерина Великая. Сіи славные глубокіе окопы, которые ошъ Чернаго моря проспираюшся до Азовскаго, не могли остановить торжешвеннаго печенія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего опечества, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія. — Берега Дуная не прешавали обогряться кровію невѣрныхъ, и Конспаншинополь препешалъ, внимая близкимъ громамъ нашего флоша. Мустафа смирился: Румянцевъ опушилъ мечъ свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдспвіямъ Опшомановъ. Мирные переговоры не имѣли щасшли-

(*) Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

ваго успѣха, и Полководецъ Екатерины украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, испреблялъ, очисти́лъ себѣ пушкѣ Адрианополь, отрубилъ, окружилъ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный трактатъ, который открывалъ намъ моря Турецкія и Дарданеллы, даровалъ независимость Крыму, обогатилъ казну государственную милліонами, утвердилъ за Россіею Азовъ и Таганрогъ. Никогда еще опечесство наше не заключало столь блестящаго мира съ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянства пріема именами славы. Римъ имѣлъ Сципіоновъ Африканскихъ, Азіатскихъ: Екатерина воскресила сію награду, достойную Ея величія — и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжествомъ Румянцева былъ тотъ день, когда Екатерина именемъ опечесства изъяснила ему благодарность. Опятченный лаврами, онъ сходилъ съ шеатра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во священище безсмертія. Такъ, она скажетъ Россіянамъ: «Во дни Екатерины Румянцевъ открывалъ вамъ тайну «всегда побѣждаютъ невѣрныхъ, малымъ

«числомъ безчисленность; усѣвать поля
«шрупами ихъ, и сохраняшь цѣлость ря-
«довъ вашихъ!» — Есльли шаланшы изб-
лснися сь сравненіемъ, шо Задунайскаго
можно назвашъ Тюреномъ Россіи. Онъ
былъ *мудрый* Полководецъ; зналъ своихъ
непріятелей, и сисстему войны образовалъ
по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому
случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ
разсудка; казался опважнымъ, но былъ
шолько проицашеленъ; соединялъ рѣши-
тельность съ шихимъ и яснымъ дѣйстви-
емъ ума; не зналъ ни спраха, ни за-
пальчивости; берѣгъ себя въ сраженіяхъ
единственно для побѣды; обожалъ славу,
но могъ бы снести и поражение, чшобы въ
самомъ нещастіи доказать свое искусство
и величіе; обязанный Геніемъ Нашурѣ,
прибавилъ къ ея дарамъ и силу Науки;
чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ шоль-
ко другихъ; отдавалъ справедливость под-
чиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ
сердца, есльли бы кто нибудь изъ нихъ
могъ сравняшь сь нимъ шаланшами: судь-
ба избавила его отъ сего неудовольствія.
—Такъ думаютъ о Задунайскомъ бла-
годарные ученики его.

Теперь обращаешь взоръ нашъ на шу,
нѣкогда мощную Республику, которой
имя и бытіе уже исчезло въ Европѣ.
Давно ли еще наглая и злобная Польша

перзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владиміра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя Сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему исполину, возсала въ гнѣвъ своемъ: врати ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвращили похищенное. Такъ, Монархія взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ вѣхія Республики не могъ управлять ея просвіщенствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества Екатерины и любви Ея къ Россіи. Полоцкѣ и Могилевѣ возвращились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра щастливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбойниковъ, опасныхъ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ Природа столь щедро награждаетъ прудолубіе, и за каждое, лону ея вѣренное зерно даетъ богатыи класъ земледѣльцу; гдѣ на пучныхъ паствахъ разсыпаются сѣмена безчисленные; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни весе-

лыхъ пастырей, простота нравовъ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминають воображенію щасливые берега Ладона — Малороссія не могла быть покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. Екатерина повелѣла — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ Исторіи и въ самой Мифологіи. Монархія еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвращило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутороканское или столицу его, которая скрывалась доселѣ (*) отъ любопытства нашихъ Историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозныя набѣги Татаръ, столь бѣдственныя для нашего отечества. — Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и граничныя горы Швейцаріи и плодотворныя долины Пиемонтскія; страну, гдѣ творческая Природа съ нѣжными красотою соединила величественныя; гдѣ въ

(*) На островѣ Таманѣ. — См. любопытное сочиненіе Графа А. И. Пушкина о семъ предметѣ.

одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбається; гдѣ мудрый наблюдатель Природы находишь для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Опшоманская Порша содрогнулась; и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный прахтанъ съ Россією, но скоро тайная злоба ея воспылала. . . .

Здѣсь напомнимъ вамъ, сограждане! славное путешествіе Монархини въ страны Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новыя плоды своего щасливаго царствованія. Зрѣлище восхищительное, достойное Екатерины! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понша Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упали предъ Нею какъ предъ Божествомъ благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своихъ величіемъ и щедростями! . . . Какъ сладостно было сердцу Монархини,

когда искреннее усердіе вѣщало Ей: «Сіи
 «спрудолюбіемъ и художествомъ украшен-
 «ныя мѣста недавно были горестною
 «пустынею, дикою степью; гдѣ сіи об-
 «ширные сады зеленѣющъ и гордые па-
 «лашы возвышающся, тамъ одни песча-
 «ные холмы представлялись унылому
 «взору! Въ семъ юномъ городѣ (*), Тобою
 «созворенномъ, уже цвѣшетъ торговля.
 «Здѣсь Востокъ и Западъ мѣняются сво-
 «ими богатствами. Здѣсь все исполнено
 «и мени и славы Твоей!» Тамъ два Вѣнче-
 носца вѣрѣшили Монархиню, какъ бы для
 того, чтобы еще болѣе украситъ Ея шор-
 жество. Екатеринѣ обязанъ былъ Спа-
 ниславъ короною, и славился шѣмъ предъ
 свѣтомъ. Іосифъ внималъ Ея премудрымъ
 намѣреніямъ для блага человѣчества, ко-
 гда Она чрезъ волны Эвксинскія устре-
 мляла священный взоръ на градъ Кон-
 стантина. Цари Италіи спѣшили Посоль-
 ствами извѣститъ радость свою о при-
 ближеніи Сѣверной Царицы къ спранамъ
 ихъ.

Сіе путешествованіе и догадки Европы о
 свиданіи Екатерины съ Іосифомъ по-
 служили Опшоманскому Двору предло-
 гомъ къ разрыву мира. Война снова воз-
 горѣлась. Уже Румянцевъ не былъ глав-

(*) Въ Херсонѣ.

нымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его жилъ въ Россійскихъ арміяхъ — и невѣрные, увидѣвъ ихъ, вострепетали: они узнали прежнихъ своихъ разишелей, узнали по ихъ быспрымъ движеніямъ, смертоноснымъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни Искусство, ни Природа не могли защитить ихъ — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и щасливыми приступами. Только Россіане могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ: Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитросціями Искусства. Теперь падаетъ онъ во всемъ своемъ величїи, чтобы шѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ члѣвѣколюбія Екатерины и доказательствомъ непоколебимаго перифнїа нашихъ воиновъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархія щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда Военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ

армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ!.. казалось для того, чтобы видѣть неприсущность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россійца на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ увидитъ смятеніе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства! Ночь прошла — и Суворовъ въ Измаилѣ! 20000 Опомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины, подѣ начальствомъ Героя, превращаются въ фалангу Македонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но счастье и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши, не хотѣли его признавать своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго воцѣ невѣрныхъ и страшнаго имени Алла, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннакъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ нещастій. Опоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Іосифа, шѣхъ, которые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ.

Украшенный лаврами старецъ , совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти опечесство. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но крашковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовъ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны Австрійскіе; одинъ *Рымникскій* могъ принести славу и щастіе въ станъ ихъ — и принесъ. Семь тысячъ Рускихъ указали имъ путь къ побѣдѣ... Австрійцы сразились храбро... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена Екатерины, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ пылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова; и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ прошивъ храбрыхъ Республиканцевъ поставивъ Вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали Героя Рымникскаго.

Екатерина въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Англія и Пруссія обольстили Гуспава: онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ опечесству и къ Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага

вѣроломнаго и ревностію наказать его ; всѣ мирные граждане гошovy были лѣтъ на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане — воспоминаніе незабвенное и радостное для Папріотовъ! Могли ли Гошovy, неохотные исполнили беззаконной воли (*), стоятъ прошивъ сыновъ обожаемой Екатерины, сильныхъ любовію къ отечеству и ненавистію къ виновнику сей войны несправедливой? Гусавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ препетъ Россію, и опшкруетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи Герои спремались возобновить прежнюю славу свою въ каменищомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что спража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Гошovy сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Гусавъ истощилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! Екатерина внимала грому флотовъ его, но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ, Король,

(*) По законамъ Швеціи Король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ Властей, то есть, Сейма.

ослабленный высокоуміемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнувъ къ великодушію Монархини: Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

Порта Опшоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; спрашныя Янычары спрашились одного имени Россіянъ; море, опверстное для нашихъ флотовъ, всякой день могло представить очамъ Султана флагъ Екатерины.... Но Монархиня желала успокоить Своихъ воиновъ, и не опвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія истребился на семь берегу Днѣстра. Всѣ Дворы удивились Ея умѣренности; но Екатерина знала время, обстоятельство; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнъ (*), и опсрочила дальѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Республики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные Екатериною;

(*) Французской Революціи.

собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заслушанія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: полпы мятежниковъ были разсѣяны горстію нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь Россійская обогрѣла спягны Варшавскія. Слабодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициланскіе!... Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ея бросила въ урну сей недостойной Республики жребій уничтоженія, и Суворова, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечъ истребленія; пошелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ опочаиномъ, дымишя въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ стопамъ Екатерины. Совершилось!... Польши нѣтъ; но ея мятежные и несчастные жители, упроставъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою прехъ

союзныхъ Государствъ. Республика безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спаршанская, Римская, имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игрищемъ гордыхъ вельможъ, есапромъ ихъ своевольства и народного униженія. . . . Богатѣйшія сѣпраны ея достпались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при Ека-теринѣ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не кипарисами; ибо смерть великаго Воина, который цолвка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ щастливѣйшихъ Полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю, ставилъ себя выше Рока, и Рокъ не смѣлъ избличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а летѣлъ ко Славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пуши. Вся военная теорія его

состояла въ трехъ словахъ (*): *взоръ*, *быстрота*, *ударъ* — но *взоръ* сей даетъ Природа не многимъ; но *быстрота* сія была шайною для самыхъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разишеленъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ любилъ побѣжденных непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный Полководецъ спасаетъ ошашки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бѣ ему могилою. — Изображеніе Героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію Екатерины: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ стоящіе: тамъ юные воины отечества будуще произносятся общи геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта да

(*) Написанныхъ имъ въ его тактикѣ, крапкомъ, но любопытномъ сочиненіи,

сіяютьъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ Военачальниковъ !

Уничтоженіе Польской Республики возвращило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ Рыцарей, странъ плодотворной извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнымъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ несчастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать Екатеринѣ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми Портами, драгоценными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили надъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, по подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ шуманныхъ, по опускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ вратъ Каспійскихъ; уже стѣна Кавказская, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріялъ серебряные ключи Дербенша изъ рукъ старца, который въ юности своей вручалъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ,

осѣнился знаменами Екатерины. . . когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и печеніе побѣдъ Ея. Таинство великой Души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла Екатерины могли бытъ увѣнчаны новымъ чудомъ; война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открытъ путь въ Россію несмѣннымъ богатствамъ Востока; могла успокоить народы мятежные, которые, подъ вліяніемъ щасливѣйшаго неба, служашъ примѣромъ бѣдснвѣй; могла. . . Но, повторяю: таинство великой Души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россію на высшей степени геройскаго величія, обогащенную новыми спранами, таванями и милліонами жителей; безопасную внутри, спрашную для внѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіяны, и Россіяне не знали, какъ не сокрушить врага. Ихъ спихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги достойнымъ ихъ образомъ; опличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ — и Герой, который имѣлъ щастіе лобызать Ея державную руку, слышалъ восхищительныя слова Милости, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами рос-

коши, среди столицы усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки Грацій, и стремились на поле чести искаше опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время Екатерины видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи Россійскихъ Альцибиадовъ!—Европа съ благоговѣніемъ взирала на Тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо въ слѣдъ за нимъ гошovy были лишныя непобѣдимые!

Не только благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магомедъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи Ошманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый Паша Виддина презираетъ могущество Порты!... И сія безопасность есть дѣло Великой Екатерины, Которая потрясла и опчаси разрушила сей колоссъ ужасный.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Екатерина Завоевательница стоишь на ряду съ первыми Героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ Ея оружія — но Россія обожаетъ Ея успавы, и воинская слава Героини зашмѣвается въ Ней славою Образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго щастія; и находя множество Героевъ въ Исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нешерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняется всѣмъ другія, и которое всѣми другими изъясняется; означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни Ея — сію печать, сей духъ всѣхъ Ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для щастія въ гражданской жизни. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степенъ просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ

людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ Владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единого слѣпнаго повиновенія, не даетъ отчета въ поступкахъ своихъ — гремишь, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая возрѣшь на всемогущество. Екатерина преломила обившій молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣщъ любви, и не только объявила торжественно, что Владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долготѣннымъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая оныиъ будетъ правиломъ Россійскаго Трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Щасливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните сстрогихъ, опасныхъ временъ, когда спрашно было наименовать Вѣщеносца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! чистиай въ сердцахъ нашихъ; мы не боимся, «ибо мы любимъ Тебя!» Хотя и оспа-

валясь еще нѣкошорая тѣнь мрачнаго, Тайнаго судилища; но подѣ Ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами (*). Хотя Великая предославила Августѣйшему Ея внуку безсмертную славу *искоренить* навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда щастіе Монарха и подданныхъ составляютъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ: но въ царствованіе Екатерины одни пресупники, или явные враги Ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, спрашились пустынь Сибирскихъ; для однихъ изверговъ отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія, и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства: ибо Она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо, и что безъ нее жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ щастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей крошкій духъ правленія, доказательство Ея любви и самаго почтенія къ че-

(*) См. Указъ объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи въ 1762 году, Октября 19.

ловѣчеству, долженствовало бытъ и главнымъ характеромъ уставовъ Ея.

Монархиня, самымъ первымъ Манифестомъ открывъ подданнымъ дальнѣе виды Своей мудрости и государственнаго блага, сѣбѣ сама утвердила правосудіе, защиту собственности въ гражданскомъ обществѣ. Ей извѣстно было спрашивное зло лихоимства, которое превращаетъ святое мѣсто Суда въ поспѣдное торжище, гдѣ бѣдная невинность безгласна, и гдѣ богатство есть обожаемый, всемогущій идолъ. Какое хладное сердце можетъ бытъ нечувствительно къ Ея краснорѣчивому, убѣдительному, прогашельному Указу о семъ предметѣ (*)? Любовь Свою къ правдѣ спавила Она въ примѣръ симъ недостойнымъ судіямъ, которые, вмѣсто славы бытъ орудіями истины, щипомъ невинности, ужасомъ злодѣйства, пекутся только о гнусной корысти! —

Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ для управленія государствомъ; Сенатъ, который въ отсутствіе Монарха имѣлъ всю власть Его, но который по кончинѣ Петра утратилъ свое могущество — будучи замѣненъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, а послѣ Кабине-

(*) Указъ о лихоимствѣ въ 1762 году.

шомъ Императорскимъ — хопя и былъ возстановленъ со всѣми правами Императрицею Елисаветою, но безчисленныя дѣла, спекаясь въ семъ главномъ судилищѣ, шакъ сказать, исчезали въ его архивахъ, къ неизвѣстному вреду частныхъ людей и государственной экономіи. Екатерина раздѣлила Сенатъ на Департаменты, каждому изъ нихъ предписала особенный родъ дѣлъ, и симъ порядкомъ оживила ихъ шеченіе. Вы знаете, избранные мужи, преемники Долгорукихъ и Головиныхъ, друзей Петровыхъ — вы знаете, чего Монархиня отъ васъ требовала! Тамъ, въ собраніи вашихъ священныхъ харшій, блюдецца, на память вѣкамъ, сіе собственной руки Ея начертаніе (*), въ которомъ Она говоритъ съ вами какъ съ именитыми опцами древняго Рима, извѣляя пламенную ревность Свою ко благу Россіи, заклиная васъ любовію къ отечеству быть достойными орудіями законовъ, и спавя вамъ въ примѣръ Исторію! Отъ васъ единыхъ всегда зависѣло быть подобными тому величественному Совѣщу, который Царямъ казался *Совѣтомъ Царей*. Великая Сама засѣдала съ вами, и разсуждала о пользѣ

(*) Отъ 6 Іюня 1763.

народной. Единый изъ васъ (*), мужъ достойный почтенія Россіянъ, дерзнулъ представить Ей возраженіе въ дѣлѣ важномъ и государственномъ, уже рѣшенномъ Монархинею; не шепсаль голосъ его, и видъ спокойный не измѣнялся: онъ зналъ Екатерину — и державная рука Ея предрала бумагу, Ею подписанную. Сей день для него славенъ — еще славноѣ для Монархини!

Желая, чѣобы духъ ревности, вліянный ею въ главное Правительствѣ Имперіи, распространился и во всѣхъ частяхъ ея, Она обнародовала Свое мудрое *Наставленіе Губернаторамъ* (**), въ которомъ предписываетъ имъ бытъ окомъ и душою правосудія, чѣобы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, имъ подчиненныхъ, обила свящанная истина, и чѣобы ни знатность вельможъ, ни сила богатства не могли обольщать совѣсти, а вдовы и сироты не проливали слезъ бѣдствія!

Торговля, ошрасъ государственнаго благосостоянія, была особннымъ предметомъ Ея вниманія. Она даровала ей всѣ способы цвѣсти и распространяться: Она даровала ей свободу. Гавани откры-

(*) Пётръ Ивановичъ Панинъ. — Сей случай всѣмъ извѣстенъ.

(**) 1764 году, Апрѣля 21.

лись для вывоза богатыхъ произведеній Россіи, богатыхъ своею необходимостію для другихъ народовъ. Обрадованное купечество могло уже по волѣ мѣняться товарами съ Кашаеми, съ Востокомъ и съ Европою (*). Архангельскій Портъ преспалъ завидовать Пешербургскому, и всѣ исключительныя права для общей пользы уничтожились. Въ правленіе Екатерины чудесныя успѣхи вѣншей торговли были слѣдствіемъ ея мудрыхъ коммерческихъ уставовъ.

Россійское государство представляло взору Монархини многія обширныя сѣпаны, обогащенныя Приурою, но пустыя, ненаселенныя: она благодѣтельными законами (**) привлекла трудолюбивыхъ иностранцевъ въ Россію, и звукъ сѣиры раздавался въ дикихъ лѣсахъ; пустыни оживились людьми и селеніями; плугъ углубился въ сѣжую землю, и Природа украсилась плодами трудовъ человѣческихъ. Уже давно путешествующіе иностранцы въ отдаленныхъ предѣлахъ нашихъ съ удивленіемъ находятъ своихъ единосемцевъ, которые говорятъ имъ о щедротахъ Екатерины, и которые, по мѣрѣ ихъ искусства и прилѣжности, бла-

(*) Указъ 1762 году, Августа 10.

(**) Указы 1763 года, Іюля 22; и 1764, Марта 10.

годенствуютъ въ нашей Имперіи, не жалѣя о своемъ опечесствѣ. Такъ среди волнистыхъ степей Царицынскихъ цѣвѣтъ теперь мирная Колонія Евангелическаго Братства, подобно щасливому острову среди Океана; плѣняетъ глаза всѣми драгоцѣнностями ремесла, а сердце картиною добрыхъ нравовъ; дѣйствуетъ своимъ просвѣщеніемъ на сосѣдственные дикіе народы, и платитъ намъ долгъ признательности ласковымъ гостепріимствомъ,

Учрежденіе Монархини въ разсужденіи Духовныхъ имѣній есть также одно изъ достопамятныхъ дѣлъ Ея законодательнаго разума. Она знала, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообразныхъ съ его святостию, и совершила намѣреніе Великаго Петра, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей Духовенства, для благолѣпія церквей, и повелѣвъ употребить прочіе доходы съ его милліона душъ на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и содержаніе духовныхъ училищъ (*). Такимъ образомъ исполнилось желаніе благочестивыхъ людей, ко-

(*) Манифестъ 1764 году, Февраля 29.

шорные, отдавая монастырямъ свое богатство, безъ всякаго сомнѣнія хотѣли, чтобы оно употреблено было на благотѣшельныя заведенія; — чтожь можетъ быть свяще призрѣнія изувѣченныхъ Героевъ и основанія училищъ, въ кошорыхъ образуются служители Олшарей и достойные проповѣдники Божественнаго Слова? Знаменишѣйшія Духовныя Особы изъявили въ семъ дѣлѣ напріютическое свое усердіе. Имена Митрополиша Новгородскаго и Архіепископа Санкшпетербургскаго будутъ всегда извѣстны, вмѣстѣ съ именемъ Теофана, сотрудника Петрова.

Я не буду говорить о безчисленныхъ Указахъ, изданныхъ Екатериною въ первые три года Ея царшвованія, и доказывающихъ ту неусыпную ревность къ опечесиву, ту непонятную дѣятельность, кошорая обвемлетъ всѣ часши цѣлаго, и кошорыя примѣры находимъ въ Петръ Великомъ. Но пошомство замѣтимъ, что внушреннее превосходное образование нашихъ армій есть дѣло Екатерины. Она опредѣлила ясно (*) всѣ должности отъ перваго Начальника до послѣдняго воина, и спрогую, необходи-

(*) См. Указъ о военной дисциплинѣ и Инструкцію Полковнику.

мую для усѣховъ подчиненность основала на правилахъ разума; Она Своимъ Уставомъ вліяла въ легіоны наши духъ чесши и благородства; Она произвела, что воины одного полку считали себя дѣльми одного семейства, гордились другъ другомъ и стыдились другъ за друга; Она, шребуя отъ однихъ непрекословнаго повиновенія, другимъ предписала въ законъ не только челоуколюбіе, но и самую привѣшливость, самую ласковую учтивость; извѣляя, можно сказать, нѣжное попеченіе о благосостояніи проспаго воина, хотѣла, чтобы онъ зналъ важность сана своего въ Имперіи, и, любя его, любилъ отечество.

Теперь представляется мнѣ славнѣйшая эпоха славнаго царшвованія! Россія имѣла многіе часпные, мудрые законы, но не имѣла общаго Уложенія, которе бываешъ основаніемъ государшвеннаго благоустройства. Обыкновенные умы довольшвуются временными, случайными посшановленіями: великіе хотяшъ системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, шо рѣшилась исполнить Екатерина. Чувшвуя важность сего предпріятія, Она хотѣла раздѣлить славу Свою съ подданными, и признала ихъ достойными быць совѣшниками Трона. Поведѣвъ собратъся Государшвеннымъ Чинамъ или

Депушатамб избъ всѣхъ судилищъ, избъ всѣхъ частей Имперіи, чѣобы они предложили свои мысли о полезныхъ услугахъ для государства — Великая говоритъ: «Наше первое желаніе есть видѣть народъ Россійскій столь щасливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можешь на сей землѣ простираешь. Симъ учрежденіемъ даемъ ему опытъ Нашего чистосердечія, великія довѣренности и прямыя материнскія любви, ожидая со стороны любезныхъ подданныхъ благодарности и послушанія (*).» Воображеніе мое не можешь представишь ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣровъ различныхъ: попомки Славянъ-побѣдителей, Нормановъ, ужасныхъ Европѣ, и Финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацишовымъ; мирные пасырки южной Россіи, Лапландскіе Ихтиофаги и звѣриными кожами одѣянные Камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе Россійскихъ Депушатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю Монархини — и Самоудъ уди-

(*) Манифестъ о собраніи Депушатовъ.

вился, слыша, что нужны законы людям (*)! Имъ торжественно вручили сей славный Наказъ Екатерины, писанный Ею для избранной Коммисіи Депутатовъ, переведенный на всѣ Европейскіе языки, зеркало Ея великаго ума и небеснаго челоуѣколюбія. Никогда еще Монархи не говорили съ подданными такимъ пѣвни-пешельнымъ, прогашельнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдѣщихъ на тронѣ столь премудро не извѣснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управ-лять людьми, о средствахъ народнаго щастія. Сograждане! сіе швореніе такъ достопамятно и священо, что сердце мое пылаетъ ревностію представить вамъ главныя чершы его.

Монархія прежде всего опредѣляетъ образъ правленія въ Россіи — *Самодержавный*; не довольствуется единымъ всемогущимъ изрѣченіемъ, но доказываетъ необходимость сего правленія для неизмѣримой Имперіи. Только единая, нераздѣльная, державная воля можетъ блюсти порядокъ и согласіе между частями столь многосложными и различными, подобно Творческой Волѣ, управляющей вселенною; только она можетъ имѣть сіе быстрое,

(*) Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли извѣстны, что такое законъ.

свободное исполненіе, необходимое для пресѣченія всѣхъ возможныхъ безпорядковъ; всякая медленность произвела бы несчастныя слѣдствія (9, 10, 11 (*)). Здѣсь примѣры служатъ убѣдительно-шимъ доказательствомъ. Сограждане! Римъ, кошораго именемъ цѣлый міръ назывался, въ единомъ самодержавіи Августа нашелъ успокоеніе послѣ всѣхъ ужасныхъ мятежей и бѣдствій своихъ. Что видѣли мы въ наше время? Народъ многочисленный на развалинахъ трона хотѣлъ повелѣвать самъ собою: прекрасное зданіе общественнаго благоустройства разрушилось; неописанныя несчастія были жребіемъ Франціи, и сей гордый народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, проклиная десятилѣтнее заблужденіе, для спасенія полишическаго бытія своего вручаетъ самовласіе щасливому Корсиканскому воину. Не за тѣмъ оставилъ человекъ дикіе лѣса и пущыни; не за тѣмъ построилъ великолѣпныя грады и цвѣшущія селы, чтобы жить въ нихъ опять какъ въ дикихъ лѣсахъ, не зная покоя и вѣчно рабоборствовать не только со внѣшними непріятелями, но и съ согражданами: что же другое представляеть намъ Исторія Республикъ? Видимъ

(*) Сія числа означаютъ отдѣленія Наказа.

ли на семъ бурномъ морѣ хотя единый мирный и щасливый оспровъ? Мое сердце не менѣ другихъ воспламеняется добродѣтелию великихъ Республиканцевъ; но сколь врашкременны блестящія эпохи ея? Сколь часто именемъ свободы пользовалось шираншво, и великодушныхъ друзей ея заключало въ узы? Чье сердце не обливаеся кровію, воображая Мильтіада въ темницѣ, Ариспида, Семи-стокла въ изгнаніи, Сократа, Фокіана, піющихъ смертную чашу, Катона самоубійцу и Бруша, въ послѣднюю минушу жизни уже не вѣрящаго добродѣтели? Или людямъ надлежитъ бытъ Ангелами, или всякое многосложное Правленіе, основанное на дѣйствіи различныхъ волей, будетъ вѣчнымъ раздоромъ, а народъ несчастнымъ орудіемъ нѣкопрыхъ властолюбцевъ, жертвующихъ отечесствомъ личной пользѣ своей. Да живешъ же сія дикая Республиканская независимость въ мѣстахъ, подобно ей дикихъ и неприступныхъ, насѣжныхъ Альпійскихъ громадахъ, среди острыхъ гранишовъ и глубокихъ пропащей, гдѣ отъ вѣчныхъ ужасовъ Природы безмолвствуюшъ спраши въ хладной душѣ людей, и гдѣ чловѣкъ, не зная многихъ пошребностей, можетъ довольствовашся немногими законами Природы!

Сотраждане! признаемъ во глубинѣ сердецъ благодѣтельность Монархическаго Правленія, и скажемъ съ Екатериною: «Лучше повиноваться законамъ подъ единымъ Властелиномъ, нежели угождать многимъ» (12) «Предметъ Самодержавія, «въщаетъ Она, есть не то, чтобы опиять у людей естественную свободу, «но чтобы дѣйствія ихъ направить къ «величайшему благу (13).» Сія утѣшительная истина въ устахъ Монаршихъ плѣняетъ сердце — и неизмѣримая Имперія, подъ скипетромъ Вѣщеносца, слѣдующаго правиламъ Екатерины, кажетъ мнѣ щасливымъ семействомъ, управляемымъ единою волею отца, по непрѣмнымъ законамъ любви его. Сіе Правленіе шѣмъ благошвориѣ, что оно соединяетъ выгоды Монарха съ выгодами подданныхъ: чѣмъ они довольнѣе и щасливѣе, шѣмъ власть Его святѣе и Ему пріятнѣе. Оно всѣхъ другихъ сообразнѣе съ цѣлю гражданскихъ обществъ: ибо всѣхъ болѣе способствуеѣ тишинѣ и безопасности.

«Государь есть источникъ всякія власти въ Монархіи (19); но сія власть «должна дѣйствовать чрезъ нѣкоторыя «посредства, нѣкоторымъ опредѣленнымъ «образомъ: раждающія Правительсва и «законы, которые дѣлають швердымъ и

«неподвижнымъ установание всякаго го-
 «сударства (20, 21). Сенатъ, главное
 «Правительство, но зависящее отъ Мо-
 «нарха, есть въ Россіи хранилище зако-
 «новъ (26). Онъ принимаетъ ихъ отъ
 «Государя для исполненія; но можетъ
 «представлятъ Ему, еслии найдетъ въ
 «нихъ что нибудь вредное, шемное или
 «противное Уложенію (21, 23, 24). «
 Такимъ образомъ Сенатъ въ отношеніи
 къ Монарху есть совѣтъ Его, а въ от-
 ношеніи къ народу рука Монарха; вообще
 же онъ служитъ эгидою для государства,
 будучи главнымъ блюстителемъ порядка.

Монархія, сказавъ, что Самодержавіе
 не есть врагъ свободы въ гражданскомъ
 обществѣ, опредѣляетъ ее слѣдующимъ
 образомъ: «Она есть не что иное, какъ
 «спокойствіе духа, происходящее отъ
 «безопасности, и право дѣлать все доз-
 «воляемое законами (38, 39); а законы не
 «должны запрещать ничего, кромѣ вред-
 «наго для общества; они должны быть
 «столь изящны, столь ясны, чтобы вся-
 «кой могъ чувствовать ихъ необходи-
 «мость для всѣхъ гражданъ: и въ семъ-
 «то единственно состоятъ возможное
 «равенство гражданское (34)! Законода-
 «тель сообразуется съ духомъ народа;
 «мы всего лучше дѣлаемъ то, что дѣла-
 «емъ свободно, и слѣдуя природной нашей

«склонности. Когда умы для лучших
«законовъ не готовы, то приготовьте
«ихъ; когда же надобно для щастія народа
«перемѣните его обычаи, то дѣйствуйте
«однимъ примѣромъ. Одно необходимое
«наказаніе не есть тиранство, и зако-
«намъ подлежатъ только явное зло
(57 — 63).»

Монархія раздѣляетъ всѣ возможные
преступленія на особенные роды, и му-
дросъ Ея, обогащенная мыслями Фило-
софовъ, которые занимались симъ важ-
нымъ дѣломъ, опредѣляетъ для каждаго
рода особенныя наказанія, извлеченныя
изъ самаго естества вины: мысль свя-
тая! новое свѣтило для Законодателей!
Такимъ образомъ «нарушитель благонра-
«вія да лишится выгодъ, сопряженныхъ
«съ благонравіемъ; да ознаменуется сты-
«домъ, всенароднымъ безчестіемъ; да уда-
«лится отъ общества, которому онъ
«служитъ поношеніемъ; да загладитъ
«раскаяніемъ дѣло свое, и да исправится!
«Такимъ образомъ нарушитель общаго
«покоя да лишится мирныхъ его насла-
«жденій, и губитель другихъ да погиб-
«нетъ (68 — 79)!»

Премудрая доказываетъ умомъ и опы-
тами, что «излишно строгое наказаніе
«не удерживаетъ людей отъ злодѣяній;
«что умѣренное, но продолжительное,
Сог. Кар. Т. VIII.

«дѣйствуетъ на душу сильнѣ жестокаго,
 «но *маловременнаго*; что законы *ис-*
 «*правительные* и крошкіе *благотворнѣ*
 «*строгихъ, искоренительныхъ*; что ужас-

«ная привычка къ казни ожесточаетъ
 «сердце, и опшимаеѣ у Законодателя
 «способы къ исправленію нравовъ; что
 «стыдъ долженъ бытъ главнымъ его ору-

«діемъ; что не умѣренность наказанія,
 «а совершенное упущеніе вины раждаетъ
 «дерзость и необузданость (81 — 91). «

Нѣжная душа Екатерины могла ли безъ
 пренебреженія вообразить лютую казнь смер-

ти, уничтоженіе существа, одареннаго
 чувствомъ? Монархія отрицаетъ ея не-

обходимость въ спокойное царствованіе
 законовъ, и крошечная Философія порже-

ствуетъ надъ жестокимъ обыкновеніемъ
 вѣковъ (210 — 213). Ко славѣ вашей,
 Россіяне! скажешь нѣкогда Исторія, что

у васъ первыхъ престала лишь кровь
 человѣческая на эшафотахъ! И одно нѣ-

жное, женское сердце, подкрѣпленное не-

обыкновенною силою ума, могло согла-

сить правосудіе съ человѣчествомъ! Зло-

дѣйство наказано; но единый Богъ рас-

полагаетъ жизнь людей въ Россіи!

Законъ, утвердивъ наказаніе, долженъ
 опредѣлить и способы открывать пре-

ступленіе. «Въ странахъ, гдѣ человѣче-

«ство угнетено, судъ простъ и рѣшите-

«ленъ: гордый Паша выслушиваетъ рас-
 «прю, и судимый оправданъ или наказанъ.
 «Но въ государствѣ просвѣщенномъ, гдѣ
 «жизнь, честь и собственность гражда-
 «нина священны, пребудешь основатель-
 «наго разысканія истины (112 — 114.)»
 Монархия исчисляетъ всѣ необходимыя
 осторожности въ судопроизводствѣ; оп-
 редѣляя случаи, въ которыхъ многія со-
 гласныя вѣроятности рождаютъ увѣре-
 ніе, опровергаетъ всѣ сомнительныя до-
 казательства; ставитъ неясное пресуппо-
 зицію еще на ряду съ невинностію; ща-
 дитъ судимаго до послѣдней возможно-
 сти оправданія, избавляя его отъ всѣхъ
 ужасовъ, предшествующихъ наказанію, и
 спрашиваемъ врагамъ темницъ позволяетъ
 опровергаться единственно для обличен-
 ныхъ (116 — 192.) Съ какимъ прогатель-
 нымъ краснорѣчіемъ изображаетъ Она
 ужасъ сего варварскаго обыкновенія шер-
 засть людей прежде осужденія, сей адомъ
 вымышленный способъ допросовъ, спра-
 шившій самой казни, вину безчислен-
 ныхъ ложныхъ показаній и неправедныхъ
 приговоровъ (193 — 198)! Сердце всякаго
 чувствительнаго, содрогаясь вмѣстѣ съ
 добродѣтельнымъ сердцемъ Монархини,
 увѣрено, что въ Ея царствованіе ни въ
 какомъ случаѣ не могло быть шерпимо
 сіе лютое и безразсудное изпытаніе.

Съ такимъ же Ангельскимъ челоѣко-
любіемъ судишъ. Она то преступленіе,
котораго имя всего спрашише въ Само-
державіяхъ — «оскорбленіе Величества —
»и которое часто бываетъ предлогомъ
«несправедливыхъ жестокостей, един-
»ственно отъ темнаго и ложнаго поня-
»тія о существѣ онаго. Такъ въ Римѣ
«наказывалось смертію неуваженіе ко
«спашуямъ Императора (475); такъ по
«древнему закону Англіи надлежало каз-
»нишъ врача, который дерзнулъ бы ска-
»зашъ о больномъ Королѣ, что жизнь
«его въ опасности (476).» Монархія го-
воришъ, что истинное оскорбленіе Вели-
чества есть только злодѣйскій умыселъ
противъ Государя (478); что не должно
наказывать за слова какъ за дѣйствія
(481), кромѣ случая, въ которомъ воз-
мушилъ проповѣдуетъ мятежь и бунтъ,
слѣдственно уже дѣйствуетъ (480); что
слова всего болѣе подвержены извѣснені-
ямъ и толкамъ; что безразсудная нескром-
ность не есть злоба (481); что для сама-
го безумнаго поносителя имени Царей дол-
жно опредѣлишъ только исправительное
наказаніе (482); что въ «самодержавномъ
«государствѣ хотя и нестерпимы язви-
»тельные сочиненія, но что ихъ не дол-
»жно вмѣнять въ преступленіе: ибо из-
«лишняя строгость въ разсужденіи сего

«будетъ угнетеніемъ разума, произведетъ невѣжество, опшнмаетъ охоту писать и гаситъ дарованія ума (484).»

Означивъ такимъ образомъ свойство и дѣйствіе законовъ, Монархія пребудетъ отъ ихъ сочинителя ясности въ слогахъ, убѣдительной силы, доказательствъ пользы; они не шерпятъ никакихъ излишнихъ тонкостей ума, будучи писаны для всего народа; они суть не логическія хитрости, но простое и здоровое сужденіе отца, певущагося о дѣтяхъ и домашнихъ своихъ; языкъ ихъ есть языкъ добродѣтели и благости; слогъ ихъ совершенъ не высокопарностію, не вишнствомъ, но чистотою, благородствомъ, необходимостію каждаго слова. Они должны быть свѣтлымъ зеркаломъ, въ которомъ всякій гражданинъ, правый и неправый, видѣлъ бы ясно судьбу свою; чѣмъ бы добродушный судія не усомнился въ ихъ смыслѣ, и чѣмъ бы самый лукавый не могъ находить въ нихъ двумыслія, благоприятнаго для ябеды и неправосудія (448 — 462).

Но Екатерина не довольствуется тѣмъ, чѣмъ всѣ возможные преслупленія въ обществѣ были судимы и наказываемы по ихъ истинной важности: Она желаетъ опсврашить зло. Солоны и Ликурги временъ грядущихъ! внимайте сло-

вамъ Ея! «Хошите ли предупредить злодѣянія? сдѣлайте, чѣобы законы благошворили равно всѣмъ гражданамъ; чѣобы люди спрашились только законовъ и ничего болѣе не спрашились; чѣобы законы уничтожили только бѣдственную свободу вредить ближнему; награждайте добродѣтель, просвѣщайте людей, усовершенствуйте воспитаніе (243 — 249)!» Екатерина открываетъ вамъ тайну челоѣческаго сердца и государственнаго благополучія. Дайте способы челоѣку въ каждомъ гражданскомъ отношеніи находить по щастію, для котораго Всевышній сошворилъ людей: ибо главнымъ корнемъ злодѣяній бываетъ нещастіе. Но чѣобы люди умѣли наслаждаться и быть довольными во всякомъ состояніи мудраго политическаго общества, то просвѣщите ихъ! Они увидятъ необходимость гражданской зависимости, необходимость нравственнаго добра для щастія, и будутъ довольнѣе, добрѣе и щастливѣе!

Но просвѣщеніе пребудетъ хорошаго воспитанія (348). Оно должно быть двойное: нравственное воспитаніе челоѣка, общее во всѣхъ странахъ, и политическое воспитаніе гражданина, различное по образу Правленій. Религія, любовь къ добродѣтели, къ трудамъ, къ порядку,

чувствительность къ несчастію ближнихъ, разсудительность или повиновение сердца уму, принадлежишь къ первому; любовь къ отечеству, къ его учрежденіямъ и всѣмъ свойствамъ, нужныя для ихъ цѣлости, входяшь во второе (351 — 352). Пусть Спаршанецъ или житель дикихъ Кантоновъ Гельвеціи не терпитъ самовласти! Въ Россіи, при самомъ начальномъ раскрытіи души, должно вкоренишь въ челоѣка благоговѣніе къ Монарху, соединяющему въ себѣ государственный власти, и, такъ сказать, *образу отечества*. «Каждое особенное семейство должно бытъ управляемо примѣромъ большаго семейства (349),» которое есть государство. «Хотя въ пространной Имперіи общественное или народное воспитаніе невозможно, однакожь Законодатель долженъ предписать нѣкоторыя правила, которыя могли бы служить по крайней мѣрѣ совѣтомъ для родителей» (350). «Монархія предписываетъ оныя — и философъ, посвятившій всю жизнь свою на образованіе сердца, не могъ бы сказать ничего премудрѣе.

Екатерина обращаетъ взоръ на три государственный состоянія: земледѣльческое, торговое или ремесленное, и воинское. «Первое есть самое необходимое и труднѣйшее: тѣмъ болѣе должно обо-

«дряпъ его (297).» Монархиня ставитъ въ примѣръ обычай Кишя, гдѣ Императоръ ежегодно возвышаетъ прилѣжнѣйшаго земледѣльца въ санъ Мандарина. Сообразуясь съ уставами нашего государства, Она предлагаетъ иные способы награды для тѣхъ, которые, попомъ лица своего орошая землю, извлекаютъ изъ нѣдръ ея истинныя сокровища людей, гораздо драгоценнѣйшія Перуанскаго злата и Бразильскихъ діамантовъ; «главное же ободреніе сельскаго трудолюбія есть, по словамъ Ея, право собственности: всякой печется о своемъ болѣе, нежели о томъ, что другому принадлежитъ, или что другіе могутъ опинять у него» (295, 296).» Ея челоуѣколюбивое намѣреніе ясно (261); Ея желаніе также (260). Чувствуя, сколь нужно размноженіе народа для Россіи, Екатерина спрашиваетъ: «Отъ чего болѣе половины младенцевъ, раждаемыхъ въ нашихъ семьяхъ, умираетъ въ дѣтствѣ?» Она угадываетъ источникъ сего спрашнаго зла: «порокъ въ физическомъ воспитаніи и въ образѣ жизни. Люди, не могущіе о себѣ самихъ имѣть нужнаго попеченія въ болѣзняхъ, могутъ ли имѣть хорошій присмотръ за слабыми существами, находящимися въ безпрестанной болѣзни, то есть во младенчествѣ? Ка-

«кое щастіе для Россіи, естли найдешся способъ опвратишь такую гибель «(266 — 276)!» Однимъ словомъ: Она хошбла благоденствіа земледѣльцевъ; хошбла, чшобы, осыпанные изобиліемъ Природы, среди многочисленныхъ семействъ своихъ, они прудились для наслажденія, и подв смиреннымъ кровомъ сельскихъ хижинъ, гдѣ любилъ обиташъ спокойшвіе, не завидовали великолѣпнымъ градскимъ паламамъ, гдѣ часто праздноств и скука изнуряетъ сердце; Она хошбла, чшобы прудолубіе, зернистые класы, злашыя нивы, полныя жишницы, были для нихъ истинною роскошью!

Какъ отъ успѣховъ земледѣліа цвѣшущъ поля и селы, такъ *среднее политическое состояніе* украшаетъ грады (377). Обогащая государство шорговлею и художествами, предшавляя ему новыя испочники общешвеннаго избышка и силы, оно не менѣ полезно и для успѣховъ земледѣліа, имѣя нужду въ его плодахъ, и щедро награждая за нихъ селянина (377). Премудрая чувствуетъ необходимость особенныхъ законовъ для градскихъ жителей, для опредѣленія ихъ правъ и выгодъ (393), для одобренія ихъ промышлености и прудолубія. Каждая мысль Ея о семъ предмешъ есть важная истина для Законодательей. «Торговля бѣжитъ

«отѣ приѣхненій, и царствуетъ тамъ,
 «гдѣ она свободна; но свобода не есть са-
 «мовластіе торгующихъ въ странахъ воль-
 «ныхъ; на примѣрѣ въ Англіи, они всего бо-
 «лѣе ограничены законами (*); но законы
 «сіи имѣютъ единственную цѣлю общее
 «благо торговли, и купечество въ Англіи
 «процвѣщаетъ (317 — 322).» — Сей же
 родъ людей прославляетъ государство
 науками (377), имѣющими вліяніе и на
 благо другихъ состояній.

Цвѣтущія села и грады должны быть
 безопасны отъ внѣшнихъ непріятелей,
 которые огнемъ и мечемъ могутъ пре-
 вратить ихъ въ гробы богатствъ и лю-
 дей: образуется воинское состояніе,
 училище Героевъ, древній источникъ
 гражданскихъ отличій, названныхъ пра-
 вами Благородства или Дворянства (365).
 Гражданинъ, для общаго блага жертвую-
 щій не только спокойствіемъ жизни, но
 и самою жизнію, есть предметъ государ-
 ственной благодарности; ея мѣра есть
 мѣра услугъ его. Герои, спасители оше-
 чества, были вездѣ первыми знамениш-
 ми гражданами, пользовались вездѣ осо-

(*) О свободѣ торговой можно сказать то же, что
 о свободѣ политической: она состоитъ не въ
 волѣ дѣлать все полезное одному человѣку, а въ
 волѣ дѣлать все не вредное обществу.

бенными правами (361). Но чѣмъ же наградишь воина умирающаго на полѣ славы? Народная признашельность изобрѣла средство бытъ *въгнкою*, награждая опца въ сынѣ: почешъ важнѣйшая мраморныхъ памятникѣвъ! И такъ право наслѣдственнаго Благородства есть священное для самаго разсудка, для самой Философіи — и *полезное* для общества: ибо дѣши знаменитыхъ мужей, рожденные съ великими гражданскими преимуществами, воспишывающся въ долгъ заслужить ихъ личными своими достоинствами (374). Чесъ и слава, по словамъ безсмершнаго Моншескье, есть сѣмя и плодъ Дворянства. Хопя первымъ источникомъ онаго были издревле однѣ воинскія добродѣтели; но какъ правосудіе нужно не менѣе побѣдъ для государственнаго благоденствія, шо оно также можетъ бытъ опличенъ сего рода людей (368), сихъ главныхъ спражей общества внѣ и внутри его. Но славныя права Дворянъ, ихъ не менѣе славныя обязанности всегда ли будутъ только жребіемъ нѣкошорыхъ щасливыхъ поколѣній? Нѣтъ: добродѣтель съ заслугою сообщаютъ Благородство (363), вѣщаетъ Екатерина — и такимъ образомъ открываетъ путь славы для всѣхъ состояній. Что можно приобрѣсти достоинствами, шо можно упрать по-

роками: Монархія означаетъ и тѣ и другіе. Еслили человѣкъ, который долгое время былъ для согражданъ примѣромъ нравственнаго совершенства и любви къ отечеству, рукою Государя возводился на степень Дворянства: то можно ли стоятъ на ней измѣннику, вѣроломному, лживому свидѣтелю? Онъ свергается въ толпу народную, гдѣ гражданское правосудіе знаменуетъ его стыдомъ и безчестіемъ (371).

Глава о государственной Экономіи служить наставленіемъ для всѣхъ Монарховъ, утѣшеніемъ для всѣхъ гражданъ, доказывая первымъ, что они суть только хранилища общественнаго сокровища, и могутъ употреблять его единственно для блага народнаго; доказывая послѣднимъ, что они, удѣляя Государю часть своего избытка, утверждаютъ тѣмъ собственное ихъ благосостояніе; что они платятъ дань не Государю, а самимъ себѣ, или другъ другу. Еслили пастыри и земледѣльцы хотятъ, чтобы стада и поля ихъ были цѣлы, то нужно воинство для опраженія вѣшнихъ хищниковъ; еслили купечество желаетъ безопасности для кораблей своихъ, то надобенъ флотъ, готовый наказатъ дерзостнаго оскорбителя ихъ флаговъ. Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пуши для

сообщенія людей, соединеніе рѣкъ, наконецъ самое великолѣпное Двора, изображающаго величіе народа — однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ имѣютъ въ предметѣ общую пользу (576 — 580). Но Монархія желаетъ облегчить сію необходимость для народа, и предписываетъ Законодателью искать новыхъ, удобнѣйшихъ способовъ для раздѣленія налоговъ, сравнивая ихъ съ легкими парусами, долженствующими ускорять плаваніе корабля, а не бременить его (601). Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государственныхъ богатствъ есть умножить народъ и привести въ цвѣтущее состояніе земледѣліе, ремесла, торговлю, художества, науки (603 — 618).

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною подвѣдѣнною перомъ Екатерины. Она первая изобразила всѣ великія должности оберегательной власти или Благочинія. Во многихъ земляхъ имя Полиціи означаетъ единственно наущниковъ Правительства и ужасъ не только злыхъ людей, но и самыхъ добрыхъ. Монархія превращаетъ ее въ благотворительное судилище нравовъ и порядка для всей Имперіи. Полиція, соблюдая тишину, обуздываетъ вредную роскошь, старается искоренять, и даже предупреждать нрав-

спвенное зло, безчинство, обманы; печется о безопасности, физическомъ благосостояніи народа, чистотѣ воздуха, здоровой пищѣ, твердости зданій, украшеніи городовъ и селъ, о пріятной удобности путешественниковъ, — наконецъ печется о бѣдныхъ и больныхъ. Сія дѣятельная часть Правительства, — сей, такъ сказать, неусыпный Аргусъ его, не присвоивая себѣ уголовного и гражданского суда, исправляетъ людей легкими наказаніями, и спасаетъ порокъ отъ преступленія (553 — 565).

Предложивъ въ семъ Наказѣ самую лучшую основу для политическаго образованія Россіи, Екатерина заключаетъ его священными, премудрыми мыслями, которыя, подобно Фаросу, въ теченіе временъ должны осерегать всѣ Монархіи отъ политическаго кораблекрушенія. Сograждане! да обновится вниманіе ваше: се гласъ вѣчной Судьбы, открывающей намъ причину государственныхъ бѣдствій!

«Имперія близка къ своему паденію, какъ скоро повреждаются ея начальныя основанія; какъ скоро измѣняется духъ Правленія, и вмѣсто равенства законовъ, которое составляетъ душу его, люди захотятъ личнаго равенства, не согласнаго съ духомъ законнаго повинно-

«венія; какъ скоро преспанутъ чшипъ
 «Государя, начальниковъ, спарцевъ, ро-
 «дителей. Тогда государственный пра-
 «вила называющіяся жестокою, ушавы
 «принужденіемъ, уваженіе страхомъ. Пре-
 «жде имѣніе частныхъ людей составляло
 «народныя сокровища; но въ то время
 «сокровище народное бываетъ наслѣд-
 «емъ частныхъ людей, и любовь къ оте-
 «честву исчезаетъ (502—506). — Чшо
 «испребило наши двѣ славныя Династіи?
 «говоритъ одинъ Китайскій Писатель:
 «то, что онѣ, не довольствуясь главнымъ
 «надзираніемъ, единственно приличнымъ
 «Государю, хотѣли управлять всѣмъ не-
 «посредственно, и присвоили себѣ дѣла,
 «которыя должны бытъ судимы разны-
 «ми государственными Правительствами.
 «Самодержавство разрушается, когда
 «Государи думаютъ, что имъ надобно
 «изъявлять власть свою не слѣдованіемъ
 «порядку вещей, а премѣною онаго, и
 «когда они собственныя мечшы уважа-
 «ютъ болѣе законовъ (510—511). — Са-
 «мое вышнее искусство Монарха состо-
 «итъ въ томъ, чтобы знать, въ какихъ
 «случаяхъ должно ему употребить власть
 «свою: ибо благополучіе Самодержавія
 «есть ошчаси крошкое и снисходи-
 «тельное правленіе. Надобно, чтобы Го-
 «сударь только ободрялъ, и чтобы одни

«законы угрожали (513—515). Нещас-
 «ливо по государству, въ которомъ ни-
 «кто не дерзаетъ представить своего
 «опасенія въ разсужденіи будущаго, не
 «дерзаетъ свободно объявить своего
 «мнѣнія (517). — Все сіе не можетъ по-
 «нравиться ласкашелямъ, которые без-
 «престанно швердятъ земнымъ Влади-
 «камъ, что народы для нихъ существу-
 «ютъ. Но Мы думаемъ, и за славу Себѣ
 «вмѣняемъ сказать, что Мы живемъ для
 «нашего народа. Сохрани Боже, чтобы, по
 «совершеніи сего законодательства, на-
 «койнибудь народъ на землѣ былъ щас-
 «ливѣ Россійскаго! Тогда не исполнилось
 «бы намѣреніе нашихъ законовъ: — не-
 «щастіе, до котораго Я дожишь не желаю
 «(520)!»

Я вѣрю своему сердцу: ваше конечно
 по же чувствуетъ. . . . Сograждане! серд-
 це мое шрепещетъ отъ восторга: удив-
 леніе и благодарность производятъ его.
 Я лобызаю Державную руку, которая,
 подъ божественнымъ вдохновеніемъ души,
 начершала сіи священныя спроки! Какой
 Монархъ на шронѣ дерзнулъ — такъ,
 дерзнулъ объявить своему народу, что
 слава и власть Вѣщеносца должны быть
 подчинены благу народному; что не под-
 данные существуютъ для Монарховъ, но
 Монархи для подданныхъ? Мы удивляемся

Философу, который проповѣдуетъ Царямъ ихъ должности; но можно ли сравнивать его смѣлость съ великодушіемъ самодержавной Екатерины, которая, утверждая престолъ на благодарности подданныхъ, торжественно признаетъ Себя обязанною заслуживать власть Свою? Ядовитая лестъ, которая вѣсится и шипитъ вокругъ Государей, могла ли уязвить такое геройское сердце? Нѣтъ! гнусный гадъ, пресмыкаясь во прахъ, не ужалилъ орла, подъ небесами парящаго!... И сіе великое движеніе пылкой души, сіи въ восторгъ произнесенныя слова: «сохрани Боже, чѣобы какой нибудь народъ былъ щасливѣе Россійскаго!» не суть ли изліяніе и торжество страстной добродѣтели, которая, избравъ себѣ предметъ въ мірѣ, спремится къ нему съ пламенною ревностію, и самую жизнь въ разсужденіи его ни за что считаетъ? Такъ, Екатерина преломила бы скипетръ Царскій, свергла бы вѣнецъ съ главы Своей, возненавидѣла бы власть Свою, если бы они не служили Ей средствомъ ошасливать Россіянъ!

Ея Наказъ долженствовалъ быть для Депутатовъ Аріадниною нитью въ лабиринтѣ государственнаго законодательства; но онъ, открывая имъ путь, означая все важнѣйшее на семъ пути, содер-

житѣ въ своихъ мудрыхъ привилахъ и душу главныхъ уставовъ, полипическихъ и гражданскихъ, подобно какъ зерно заключаетъ въ себѣ видъ и плодъ растѣнія.

Уже Депутаты Россійскіе сообщали другъ другу свои мысли о предметахъ общаго Уложенія, и жезлъ Маршала гремѣлъ въ торжественныхъ ихъ собраніяхъ. Екатерина невидимо внимала каждому слову, и Россія была въ ожиданіи. . . . Но Турецкая война вспыхнула, и Монархиня обратила Свое вниманіе на внѣшнюю безопасность государства.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ; скажемъ — что Великая не нашла, можешь быть, въ умахъ той зрѣлости, шѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбишься шѣмъ справедливая гордость народа Россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ Душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о Нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ Генія. Сколько мудро-

спи по пребно Законодателью? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣшь всѣ возможныя дѣйствія спрассей, обратишь къ добру ихъ бурное стремление, или останоновишь швердыми оплошами, согласишь частную пользу съ общею; наконецъ — послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ кошорыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ Синайской, съ невидимымъ Божествомъ сообщается — спустишь въ обыкновенную сферу людей, и шончайшую Метифизику преобразишь въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе Депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли Монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю Свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ Ея благошворныхъ намѣреніяхъ, Она рѣшилась Сама быть Законодательницею Россіи. —

Едва умолкли громы войны, въ самый первый годъ щастливаго мира Екатерина обнародовала новое Учрежденіе для Губерній, кошорое составляетъ вторую важную эпоху въ Ея правленіи, и кошорое, мало по малу, удивительнымъ образомъ премѣнило Россію какъ въ умахъ, такъ и во нравахъ.

Государства, подобно человеку, имѣюшъ разные нравственныя возрасты: мудрый Законодатель слѣдуетъ взоромъ своимъ за ихъ измѣненіями, и отъ времени до времени обновляетъ систему свою, прибавляя или иначе располагая части ея. Что въ вѣкъ Петра Великаго было достаточнo для скорого производства дѣлъ, то во дни Екатерины уже не опившисъ новымъ потребностямъ Россійнина. Сograждане! опыты и размышленіе открываютъ намъ сію любовную истину: «что быстрые шаги «человѣка къ Философіи и къ гражданскому совершенству до нѣкотораго отдаленія бываютъ самые безпокойные.» Разумъ, помраченный невѣжествомъ, есть тихое, заросшее правою благодатью, котораго сонныя воды не знаютъ никакого бурнаго волненія; но первые лучи Философіи, пробуждая мысленную силу, рождая сомнѣніе за сомнѣніемъ, которыя волнуютъ душу въ Океанъ неизвѣстности: время заблужденій и дерзкихъ системъ! Но вихрь наконецъ утихаетъ, и разумъ, обогащенный идеями, находитъ для себя щастливую пристань, гдѣ тишина и мирныя наслажденія ожидаютъ его. Такъ и въ гражданскихъ обществахъ. Легко Законодателю управлять народомъ грубымъ и полудикимъ, котораго нужды,

понятія и спраспи малочисленны; котораго душа недѣлительна и разумъ дремлетъ. Тогда новый гражданинъ въ случаѣ обиды скорѣе прибѣгаетъ къ человѣческой управѣ, нежели къ гражданской; тогда бываетъ болѣе ссоръ, нежели дѣлъ тяжбныхъ. Но когда гражданинъ, такъ сказавъ, *осмотрится* въ политическомъ обществѣ; когда, узнавъ новыя потребности, новыя выгоды спяжанія, онъ уже привыкнетъ ко власти законовъ, *отнимающихъ и дающихъ*: тогда рождаются охота къ тяжбамъ, рождаются ябеда, *сія хитрость простыхъ*, которая, безпокоя другихъ, сама себя изнуряетъ, и спремляется къ неправымъ приобрѣщеніямъ, ведетъ за собою разореніе. Дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія исцѣляютъ гражданина отъ сего болѣзни, открывая каждому пользу справедливости, честности и мирной жизни; но пока сія щасливая премія не совершилась, Законодатель умножаетъ способы правосудія для скорѣйшаго успокоенія невинности и наказанія ябедника. Со временъ Петра Великаго до царствованія Екатерины число тяжбныхъ дѣлъ безпрестанно возрастало, и Монархиня должна была установить новыя судилища (*).

(*) См. Манифестъ при Учрежденіи.

Но шворенія великихъ умовъ, подобно швореніямъ Природы, не ограничиваются благомъ единого рода, и новое Учрежденіе Екатерины представляеиъ намъ въ своемъ намѣреніи различныя пользы для Россіи. Одна изъ великихъ мыслей сего Учрежденія естъ ввести въ правленіе всѣ при гражданскія состоянія, приучить людей къ законовѣдѣнію, утвердить правосудіе на собственномъ ихъ благомъ. Всякой можеиъ быть судіею для равныхъ ему, и долженъ знать уставы государственныя; всякой для своей безопасности избираеиъ достойнѣйшаго, поручая ему нѣкоторымъ образомъ жребій свой; всякой, зная тяжбу, знаеиъ и судящихся, будучи товарищемъ ихъ въ гражданской жизни; всякой боится употребить во зло общую довѣренность, ибо чрезъ три года возвратишся онъ въ состояніе частнаго гражданина, и будетъ наказанъ общимъ презрѣніемъ, еесли не исполнииъ обязанностей чести.

Монархія повелѣла — и Россія, дошолъ не соразмѣрная въ частяхъ своихъ, подобно дикому произведенію Натуры или слѣпнаго случая, пріяла видъ гармоническаго размѣра, подобно шворенію совершеннаго Искусства; части сравнились между собою, и каждая Губернія ограничилась удобнѣйшимъ для нее простран-

ствомъ. Монархія повелѣла — и гласъ Ея, какъ лира Амфііонова, шворишъ новыя грады, естли не великолѣпнѣмъ художества, по своею пользою украшенные. Уже земледѣлецъ не принужденъ на долго разставаться съ мирными Пенашами, чѣобы въ опдаленіи искашь защиты отъ приѣхшителя, суда на хищнаго сосѣда, или попребностей для жизни своей. Уже каждое селеніе означаетъ близость города, гдѣ правосудіе беретъ подъ свою эгиду пасыря и ораша; гдѣ торговля удовлетворяетъ ихъ главнымъ попребностямъ, и гдѣ свободно мѣняющся они плодами прудовъ своихъ. Благоразумный Полишкѣ видѣшъ въ начальномъ недостаткѣ сихъ юныхъ заведеній будущіе ихъ успѣхи и богатство. Такъ юное древо, съ прудомъ пробиваясь сквозь твердыя глыбы земли, едва, едва примѣшно на ея зеленой поверхности; но время возвышаетъ его — и величественный дубъ осѣняетъ землю.

Сіи округи, заключая въ средоточіи своемъ столицу Губерніи, которая управляетъ ихъ полипическими дѣйствіями, представляютъ образъ различныхъ семействъ подъ начальствомъ единого, главнаго, и Государевъ Намѣстникъ имѣлъ

благословенную власть отца (*). Ходатай за пользу общую и государственную, заступникъ угнетенныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ, но не судья, онъ наблюдалъ печеніе правосудія, движеніе вѣсовъ его, и могъ остановить беззаконіе, относясь или въ Сенатъ, или къ Самой Монархинѣ; пресѣкалъ всякаго роду злоупотребленія, излишнюю роскошь, тиранство и жестокости. Доброхотство и любовь къ народу должныствовали быть его главнымъ свойствомъ (**). — Монархическое Правленіе требуетъ такого соединенія блюстительныхъ властей въ одномъ человѣкѣ, для храненія порядка въ разныхъ удѣлахъ государства — и когда Франція вышла изъ бурнаго хаоса безначалія и снова заняла мѣсто свое между Европейскими Державами, тогда хитрый властелинъ ея, наученный опытносцію, долженъ былъ для лучшаго благоустройства устроить Префектовъ, которые суть не что иное, какъ Намѣстники Государевы.

Учрежденіе Губернскаго Правленія было собою новое и безпримѣрное въ Россіи: мѣсто ограниченное исполнительною

(*) Сія благодѣтельная должность есть нынѣ должность Губернашпоровъ.

(**) См. Учрежденіе.

власшію, безъ всякой судебной. Монархія чувствовала, сколь нужно отдѣлишь сію власть, чшобы главное Мѣсто въ Губерніи не присвоило себѣ опаснаго самовласія; и такимъ образомъ оно не можетъ предписать рѣшенія нижнимъ Судамъ, кошорые въ совершенной свободѣ дѣйствуютъ по усшавамъ; но пребываетъ отъ нихъ скорости, наказываетъ пеней нерадивую медленность; и въ случаѣ неисправленія предаетъ виновнаго законамъ: слѣдственно имѣетъ всѣ способы благошворишь обществу, не вмѣшиваясь въ права Судейскія.

Прежде въ Губернскихъ и градскихъ судилищахъ соединялись дѣла всякаго роду, и своимъ множествомъ, своимъ разнообразіемъ зашрудняли ихъ: Монархія оплчала гражданскія отъ уголовныхъ, частныя отъ государственныхъ, и предписала имъ особенный путь, какъ для скорѣйшаго, такъ и для лучшаго производсва: ибо единство упражненій научаетъ Судію быстрому соображенію обстоятельствъ и вѣрнѣйшимъ способамъ открывать истину. Два Департамента Магистратовъ, Верхнихъ Расправъ и Земскихъ Судовъ, Уголовная и Гражданская Палаты, образуютъ двѣ ниши правосудія, кошорыя соединяются между собою только въ дѣлахъ смѣшенныхъ или двоякихъ. Сіи

Палаты, имѣя права Коллегій, судящѣ въ средоточіи Губерній; нѣтъ дальнихъ переносовъ; всѣ нужныя объясненія могутъ бысть доставляемы скоро, и медленность, первое зло по неправдѣ, пресѣкается. — Государственныя пользы, ввѣренныя Казенной Палатѣ (которая дѣйствуетъ, шая сказать, на мѣстѣ, знаетъ обстоятельство, знаетъ особенныя выгоды своей Губерніи, и не развлекается уже никакими другими предметами) составили лучшую систему хозяйства; Казна обогатилась новыми доходами и вѣрнѣйшимъ сборомъ прежнихъ.

Дворянская Опека и Сиротскій Судъ, которые, подобно небесному Провидѣнію, пекутся о беззащитныхъ младенцахъ и вдовахъ — Общественное Призрѣніе, которое благотворитъ несчастнымъ жертвамъ бѣдности и недуговъ, воспитываетъ сирыхъ, управляетъ рабочими домами (гдѣ бѣдный гражданинъ, лишенный всего, кромѣ силъ, трудами своими живетъ и другимъ пользу приноситъ) мѣстами наказанія, или, лучше сказать, исправленія гражданскихъ пороковъ — и наконецъ Совѣстный Судъ, который есть *теловѣколюбіе правосудія* божественная и безпримѣрная мысль въ законодательствѣ!) останутся въ Россіи вѣчнымъ памятникомъ того, что нѣ-

когда Добродѣтель въ лицѣ Монархини управляла ею.

Политическое и нравственное дѣйствіе такого новаго, всеобъемлющаго Учрежденія должноствовало скоро означиться въ государствѣ.

Многочисленное Россійское Дворянство со временъ Петра Великаго служило мечемъ опечеству до изнеможенія силъ своихъ; тогда подъ знаменами воинскими, въ шумныхъ сранахъ, среди опасностей и сраженій, надлежало искать почтенныхъ сыновъ Россіи. Великій Императоръ, образуя армію, хотѣлъ, чтобы оплеченные гражданскими правами оплелись ревностію и служили до послѣдней возможности: необходимость сего требовала. Но обстоятельства перемѣнились. Уже Россія могла обойтись безъ сего принужденія, и Петръ III заслужилъ благодарность Дворянства, оказавъ довѣренность къ его свободной патристической ревности. Съ того времени провинціи и села оживились присущимъ многимъ Благородныхъ, которые могли съ честью оставивъ воинскую службу; они вели спокойную, но праздную и для государства мало полезную жизнь; хозяйство и ловля звѣрей, копорая пріятнымъ образомъ напоминала имъ воинскую дѣятельность, были единственными ихъ заня-

тіємъ. Россія, особливо въ ошдаленныхъ часпяхъ своихъ, представляла каршину *Феодалныхъ* вѣковъ Европы; когда всякой владѣлецъ казался ошдѣленнымъ ошъ государства составомъ; и еспьли бы тяжбы, раждаемыя грубымъ корыстолюбіемъ, и самою праздностію, не давали иногда чувствовашъ нашимъ дворянамъ зависимости ихъ ошъ Правленія, шо они могли бы нѣкоторымъ образомъ забыть опношенія гражданина къ государству. Такое состояніе конечно не благопріятствовало духу общественности и патриотизма.

Но отккрытіе Намѣстничествъ отккрыло Дворянамъ новое поле дѣятельности, вывело ихъ изъ произвольнаго започенія, соединило въ общество, болѣе познакомило между собою и возвысило цѣну добраго мнѣнія о челоѣкѣ. Прежде любопышныя иностранцы находили въ Россіи пусшыя, унылыя города, гдѣ пять или шестъ Судей составляли все общество; но теперь въ каждой Губерніи находятъ они цѣвущую столицу, украшенную новыми зданіями, оживленную присуствіемъ многочисленнаго Дворянства, которое призываетъ ихъ къ весельямъ лучшихъ Европейскихъ городовъ, и своимъ пріятнымъ гостепріимствомъ, ласковою учтивостію доказываетъ имъ, что об-

ширные степи и лѣса не служатъ въ Россіи преградою для успѣховъ свѣтской людкости.

Прежде какая-то грубая восточная пышность отличала богатыхъ Дворянъ въ провинціяхъ: теперь общій вкусъ въ жизни сближаетъ состоянія, безъ роскоши украшаетъ посредственность и самому недоспадку даетъ видъ довольства.

Прежде Дворяне наши гордились какою-то, можно сказать, дикою независимостию въ своихъ помѣстьяхъ: теперь, избирая важныя судебныя власти, и чрезъ то участвуя въ правленіи, они гордятся своими великими государственнымъ правами, и благородныя сердца ихъ болѣе нежели когда нибудь любятъ свое отечество.

Прежде челоѣколюбивый родитель, удаленный отъ столицы, въ сельскомъ уединеніи не имѣлъ средства достойнымъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей: теперь, въ новомъ порядкѣ вещей, нашелъ онъ болѣе возможности образовать умъ и сердце ихъ. Пребываніе многихъ дворянскихъ семействъ въ Губернскихъ городахъ и старанія Правительства способствовали вездѣ заведенію благородныхъ училищъ.

Сія перемѣна, столь благопріятная для государственнаго просвѣщенія, не имѣла вреднаго дѣйствія и на сельское хозяйство. Великая Законодательница все предвидѣла, и почти для всѣхъ Дворянъ, избираемыхъ въ должность, назначила мѣсяцы отпусковъ въ самое то время, когда сельскія работы пребываютъ глазъ помѣщика. Ссылаясь на опытъ, спрашиваю: не процвѣло ли въ наше время и самое земледѣліе въ Россіи? Сіе извѣщается двумя причинами: во первыхъ открылись новые способы для торговли, всегда имѣющей вліяніе на хлѣбопашество; во вторыхъ Дворяне, чрезъ взаимное сообщеніе свѣдѣній, узнали лучшіе способы земледѣлія, и старинныя предразсужденія (ибо оно также имѣетъ ихъ) уступили мѣсто новѣйшимъ полезнымъ опытамъ.

Дерзну ли еще сказать истину? Новое Учрежденіе пресѣкло многія злоупотребленія господской власти надъ рабами, поручивъ ихъ судьбу особенному вниманію Намѣстника. Сіи гнусные, но къ утѣшенію добраго сердца малочисленные шираны, которые забываютъ, что бытъ господиномъ есть, для истиннаго Дворянина бытъ опцемъ своихъ подданныхъ, не могли уже ширанствовать во мракъ; лучъ мудраго Правительсва

освѣшилъ ихъ дѣла; страхъ былъ для нихъ краснорѣчивѣе совѣсти, и судьба подвластныхъ земледѣльцевъ смягчилась. Но чувствительное и патристическое сердце желало бы еще найти другую, утѣшительнѣйшую причину такой благой перемѣны — и для чего, сверхъ боязни, не признашь намъ въ семъ случаѣ и спасительнаго дѣйствія лучшей нравственности?

Чрезъ умноженіе *Окружныхъ* городовъ умножилось купечество, и процвѣло чрезъ многолюдство *Губернскихъ*, которыхъ торжища скоро представили богатое собрание плодовъ Россійской и чужеземной промышленности. Самые нравы торговыхъ людей, отъ многихъ и близкихъ сношеній съ *Дворянствомъ* болѣе просвѣщеннымъ, утратили прежнюю свою грубость; и богатый купецъ, видя предъ собою образцы въ лучшемъ искусствѣ жизни, непримѣнно заимствовалъ вкусъ и свѣтскую обходительность.

Земледѣльцы, сельскою добродѣтелію отъ плуга на ступени *Фемидина* храма возведенные, судьи себѣ подобныхъ, должныствовали съ приобрѣтеніемъ такихъ новыхъ правъ возвыситься въ духъ своемъ, узнать лучше гражданскую жизнь и законы, служащіе ей основаніемъ; должныствовали, возвращаясь подъ домашній

кровь свой, бышь опышными совѣшниками и миротворцами поселянъ.

Установленію сельскаго Благочинія обязаны мы безопасностію дорогъ и уменьшеніемъ всякаго рода безпорядковъ. Давно ли еще путешественникъ препеталъ грозныхъ лѣсовъ Россіи? давно ли внезапный шумъ листьевъ ужасалъ его сердце? Давно ли дикіе, уединенные грошъ были вершепомъ разбойниковъ? Но дѣшительная новая власть проникла въ самую непроницаемость древнихъ лѣсовъ, въ сіе опечесство злодѣевъ; испребила ихъ шайныя убѣжища, и обнимая всемѣшность взоромъ своимъ, препяшпвуеиъ самому зарожденію опасныхъ скопищъ. Теперь путешественникъ не спрашися ничего въ обширныхъ предѣлахъ Россіи; шеперь, подѣ шпшомъ невидимой власпи, безпечно и спокойно углубляется онъ въ самыя дикія мѣста, и опечесство наше еспъ для него самая безопаснѣшшая страна въ Европѣ.

Сограждане! я означилъ шолько главныя дѣшшвіа сего Учрежденія Екаторины, дѣшшвіа уже явныя; но еще многія храняшся въ урнѣ будущаго, или въ началѣ своемъ менѣ примѣшны для наблюдателя. Оно, необходимо просвѣщая народъ, окажешся шѣмъ благодѣшельнѣ

въ сѣдствіяхъ, чѣмъ народъ будетъ просвѣщеніе.

Но при концѣ сего начертанія взоръ мой невольно устремляется на всю неизмѣримую Имперію, гдѣ столько морей и народовъ волнуется, гдѣ столько климатовъ цвѣшетъ или свирѣпствуетъ, гдѣ столько необозримыхъ степеней разстилается, и столько величественныхъ горъ бросаетъ тѣнь на землю! Я воображаю сіи едва вообразимыя пространства со всѣми ихъ жишелями, и думаю: «Екатерина, подобно Божеству, согласила все *словомъ* Своимъ; опдаленные берега Ледовитаго моря представляють «тошъ же государственный порядокъ, «которому на берегахъ величественной «Волги или Невы удивляемся; народы, «столь различные, правящіяся единымъ «установомъ; части, столь несходныя, всеобщимъ Учрежденіемъ Монархини приведены въ цѣлое, и безчисленныя срабны Россійскія составили разныя семейства единого отечества!» Сія мысль восхищаетъ духъ мой!

Какъ искусный художникъ, сотворивъ хипрое орудіе, и приводя его въ движеніе, еще не опускаетъ творческой руки своей, но внимательно наблюдая, прибавляетъ, чего не достаеиъ къ совершенству онаго: такъ Великая Екатерина, исполнивъ

мудрое Свое Учрежденіе, еще не успокоилась отъ трудовъ законодательныхъ, но спѣшила увѣнчать ихъ новыми.

Уставъ Благочинія (*) содержишь въ себѣ не только всѣ способы внѣшняго порядка и безопасности, но и самыя свящѣйшія правила Гражданскаго правоченія, споль любезнаго добродѣтельному сердцу Монархини. Такъ называемое *Зерцало Благочинія* есть зеркало всѣхъ взаимныхъ гражданскихъ обязанностей, предложенныхъ съ тою ясною краткостью, которая должна быть характеромъ законовъ, и которая сколь неплодовита словами, споль мыслями и отношеніями богата. Оно даетъ Полиціи священныя права Римской Ценсуры; оно предписываетъ ей не только усматривать злодѣйство, но и способствовать благонравію народа, питать въ сердцахъ любовь къ добру общему, чувство жалости къ несчастному: сіе первое движеніе существъ нравственныхъ, слабыхъ въ уединеніи и сильныхъ только взаимнымъ между собою вспоможеніемъ; оно предписываетъ ей утверждать миръ въ семействахъ, основанный на добродѣтели супруговъ, на любви родительской и неограниченномъ

(*) Обнародованный въ 1782 году, Апрѣля 8.

повиновеніи дѣшей (*): ибо миръ въ семействахъ есть миръ во градѣ, по словамъ древняго Философа. Однимъ словомъ: Монархія превратила въ законъ мысли Наказа Ея о семъ предметѣ, и никакое другое государство не имѣетъ епохъ мудраго и совершеннаго Полицейскаго Устава.

Начало Дворянства нашего перенесся во мракъ вѣковъ. Благородные Россіане были конечно прежде сердцемъ и душою, нежели именемъ благородные. Мало по малу, въ теченіе временъ, дѣлами знаменитые роды составили въ нашемъ обществѣ первую ограду Трона и особенное сословіе подъ названіемъ Дворянскаго. Награжденные отъ Государей помѣстьями, они имѣли право умножать ихъ куплею, и сверхъ того занимать первыя мѣста какъ въ гражданскомъ, такъ и въ воинскомъ порядкѣ. Петръ III даровалъ имъ вольность: Екатерина распространила ихъ политическія дѣйствія; но еще недоставало полного изображенія правъ Дворянскихъ, утвержденного Монаршею властію и торжественно преданнаго вѣкамъ въ образѣ священнаго монумента. Екатерина обнародовала *Грамоту Дворянства*, гдѣ, представляя въ блестящей

(*) См. Зерцало Благочинія.

каршинѣ всѣ заслуги его, представляеѣ
Она и всѣ награды, которыми общество
изъявило ему свою признательность.
Монархія именемъ Неба сирѣпляеѣ
святость, вѣчность и непоколебимость
сирѣ преимуществѣ.

Здѣсь обращаюсь къ вамъ, мои собра-
тія, благородные сыны Россіи, попомки
мужей имениныхъ! и мысленно развер-
тывая предъ вами сію государственную
хартію, на которой сіяютъ всѣ великія
права Дворянства, вопрошаю: чего не до-
стаетъ къ совершенству нашего граж-
данскаго благоденствія? какихъ выгодъ
можемъ еще желать? кому завидовать?
Мы свободны! судимы только равными
себѣ! боимся однихъ законовъ! имѣемъ
голосъ въ Имперіи, и Монархъ внимаеѣ
ему! Наша собственность неопъемлема;
достоинство родовъ и право наследства
сохранены, но мы по волѣ располагаемъ
пріобрѣтеніями. Земля, которою владѣ-
емъ, для насъ отверзаетъ нѣдра свои и
пайныя сокровища; для насъ текутъ воды
въ ея пространствѣ! И естли нѣкошо-
рыя особенныя склонности влекутъ насъ
въ климаты чуждые; естли полезное
любопытство наше требуетъ себѣ но-
вой пищи; естли крошкое небо южной
Европы обѣщаетъ намъ лучшее здравіе:
мы свободны! Дворянинъ Россійской ест

гражданинѣ вселенныя; нѣтъ преграды для путей его. Но и тамъ, въ странахъ отдаленныхъ, отечество не престае тамъ благодѣшествовать; и тамъ мы наслаждаемся плодами нашей собственности, въ нѣдрахъ его оставленной; опшуда располагаемъ ею, и виѣ Россіи живемъ Россією (*). Но есѣли полная мѣра политическаго благоденствія есѣ наша доля, то будемъ же признашельны, и не забудемъ, что великія опшлічія приносятъ съ собою и великія обязанности; что Благородный есѣ или человекъ добродѣшельный, или поношеніе своего рода; что бытъ полезными есѣ первая наша обязанность; и что истинный Россійскій Дворянинъ не только посвящаетъ жизнь отечеству, но готовъ и смертію доказать безпредѣльную любовь свою къ его благу!

Екатерина, возобновивъ или умноживъ права наши, въ то же время обнародовала и *Городовое Положеніе*, которое навѣки ушвердило *Среднее состояніе* въ Россіи, опредѣливъ сферу дѣйствій его, и назначивъ въ ней разныя степеніи, увѣнчанныя наконецъ шипломъ Именишаго Гражданина, который имѣеъ уже часпѣ

(*) См. Дворянскую Грамоту, подписанную въ 1785 году, 21 Апрѣля.

Дворянскихъ преимуществъ, и даетъ внуку своему право требовать сего достоинства. Каждая новая степень приносимъ съ собою новыя выгоды для общешія, открываетъ вблизи еще важнѣйшія, возбуждаетъ ревность къ трудамъ, ревность къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, и питая честолюбіе, способствуетъ государственному благу. Монархиня знала человѣческое сердце и шайну гражданскихъ обществъ; знала, что самыя легкія опличія производятъ дѣла важныя; знала, что всѣ государственныя степени, возвышаясь одна предъ другою, должны имѣть нѣкоторую связь — и такимъ образомъ Дворянинъ уже подаетъ руку именитому Гражданину, который, переходя наконецъ въ санъ Благородныхъ, оставляетъ за собою дѣшвицу для другихъ, ему подобныхъ. Если иносстранные Писатели донинѣ говорятъ, что въ Россіи нѣтъ *Средняго состоянія*, то пожалѣемъ о ихъ дерзкомъ невѣжествѣ, но скажемъ, что Екатерина даровала сему важному состоянію истинную политическую жизнь и цѣну; что всѣ прежнія его установленія были недостаточны, не тверды и не образовали полной системы; что Она первая обратила его въ государственное достоинство, которое основано на трудолюбіи и добрыхъ нравахъ, и ко-

шорое можешъ быть ушрачено пороками (*); что Она первая поставила на его главную степень цѣвѣшъ ума и талантовъ: мужей просвѣщенныхъ науками, украшенныхъ изящными дарованіями (**), и чрезъ то ушвердила закономъ, что государство, уважая общественную пользу шрудольбіемъ снисканныхъ богатствъ, равномѣрно уважаешъ и личные таланты, и признаешъ ихъ нужными для своего благоденствія.

Такимъ образомъ Монархія производила въ дѣйство великія мысли Своего Наказа; такимъ образомъ Ея собственная мудрая рука посшепенно образовала полную государственную систему Монархической Россіи, согласную съ истиннымъ щастіемъ *человѣка*, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ *раба*, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ нашемъ, и которое навсегда уничтожилось Екатериною (***). Глубокомысленный Полишникъ и Философъ видяшъ предъ собою величественное, огромное зданіе, которое всякою часшію удивляешъ разумъ, свидѣтельствуюшъ

(*) См. Городовое Положеніе.

(**) Ученые и художники по сему закону имѣють право на достоинство Именимыхъ Гражданъ.

(***) Указомъ 1786 года, Февраля 19.

мудрость зодчаго, и должно повелѣватьъ
вѣками. Если Великая не совершила
его, . . . пожалѣемъ о крашкѣ вѣкъ
смертнаго! Когдабы Монархи были толь-
ко Законодателями, то Екатерина безъ
сомнѣнія успѣла бы образовать Россію
совершенно; но труды ихъ столь безчи-
сленны, столь разнообразны, что умъ
обыкновенный теряется въ сей необо-
зримости. Внѣшняя Политика, внутрен-
нее правленіе, трудное и на многіе пред-
меты обращенное правосудіе, занимая всю
душу, истощающъ ея дѣятельность, ко-
торая, укрываясь въ частяхъ своихъ отъ
глазъ Историка, не менѣе нужна и спа-
сительна для государствъ; и которая,
подобно тонкимъ, едва замѣтнымъ ни-
щимъ ручейкамъ, мало по малу образу-
ющимъ свѣтлую рѣку, обращаетъ на себя
вниманіе наблюдателя только чрезъ боль-
шее пространство времени, представляя
картину народнаго щастія, удовольствія
и порядка (*).

(*) Я не могу говорить здѣсь о всѣхъ Указахъ Ека-
терины: на примѣръ о межеваніи, о фабрикахъ,
о таможенныхъ, о рудокопныхъ, о почтѣ, о сборѣ по-
дашей, о банкахъ, и проч. Всѣ они доказываютъ Ея
попечительность о пользѣ государства и граж-
данъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Монархія давала законы: Мать подданныхъ благошворила полезными учрежденіями.

Сограждане! сей огромный Домъ, который украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осѣняя рѣку ея — сей Домъ, предметъ удивленія Европы, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ, всѣхъ друзей человѣчества — есть храмъ, посвященный Екатериною Милосердію! Тамъ несчастные младенцы, жертвы бѣдности или сщыда — не радость, но ужасъ родителей въ первую минушу бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые Судьбою — принимаются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи жизни; спасаются и — что еще болѣе — спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ несчастію не безпримѣрнаго! находятъ человѣколюбивое призрѣніе; не только кровъ и пищу, но и всѣ лучшіе, мудрою благостію вымышленные способы укрѣпляютъ ихъ здравіе, образуютъ душу, предупреждаютъ физическое и нравственное зло. Тамъ всегдашнія, шроташельныя попеченія небесной благодѣ-

шельности не уступающѣ самымъ нѣж-
 нѣйшимъ родительскимъ попеченіямъ , и
 осыпая цвѣтами колыбель младенцевъ ,
 скрываютъ отъ сиротъ несчастіе си-
 ротства ; тамъ крошкая улыбка добро-
 душной Надзирательницы замѣняетъ для
 юныхъ сердецъ щасливую улыбку ма-
 тери ; тамъ благоразумный Надзиратель
 заступаетъ мѣсто отца , и приучая ихъ
 къ трудолюбію , къ порядку , готовитъ
 въ нихъ опечесству полезныхъ гражданъ.
 Искусные въ художествахъ и ремеслахъ ,
 которыхъ дѣлаютъ человека независи-
 мымъ власпелиномъ жизни своей , сіи пи-
 томцы Монаршей щедроты выходятъ въ
 свѣтъ , и послѣдній даръ , ими изъ рукъ
 ея пріемлемый , есть — гражданская сво-
 бода. Они выходятъ , обогащенные сред-
 ствами устройтъ себѣ пріятную долю
 въ обществѣ , которое ждетъ ихъ съ не-
 терпѣніемъ и , такъ сказать , разсыпа-
 етъ предъ ними свои жребіи ; они изби-
 раютъ — и сей , нѣкогда отверженный
 младенецъ , спасенный Монаршимъ про-
 видѣніемъ отъ вѣрной гибели , есть те-
 перь надежный помощникъ Именищаго
 Гражданина въ дѣлахъ торговыхъ , или
 примѣръ искуснаго ремесленника , или
 исправный письмоводитель въ домѣ вель-
 можи. — Трудолюбивый мѣщанинъ среди
 воспитанницъ Сиротскаго Дому нахо-

дитѣ себѣ подругу, наученную всѣмъ женскимъ работамъ и правиламъ хозяйства.

Да скажутъ тѣ, которые путешествовали въ странахъ чуждыхъ, и вездѣ искали знаковъ человеколюбиваго Правленія — да скажутъ они, гдѣ предсказалось взору ихъ нѣчто подобное Сиротскому Дому Екатерины? Какое другое благотѣльное заведеніе можетъ равняться съ нимъ обширностію плана, богатствомъ основаніемъ, порядкомъ, а всего болѣе успѣхомъ и пользою? Какое другое заведеніе приобрѣло столько общей довѣренности, чтобы частные люди повѣряли ему драгоценную собственность охотнѣе, нежели первымъ богачамъ въ Имперіи, и такимъ образомъ на цвѣтущемъ его состояніи утверждали свой достатокъ?

Симъ великимъ учрежденіемъ Монархиня открывала истинному человеколюбію и патриотизму самый лучший способъ дѣйствія. Если вы, любимые сыны щастія, хотите доказать Провидѣнію свою признательность за дары Его; если чувствуете сердце ваше имѣетъ нужду излишья въ благошвореніяхъ: то не на снотгахъ ищите предмета для оныхъ: тамъ нерѣдко вредная праздность одѣвается рубищемъ бѣдности, чтобы

обманушь жалость и состраданіе; но снѣ-
шите въ сей храмъ добродѣтели, прине-
сши ей чистыя жершвы удѣленіемъ ва-
шего избытка: ибо Екатерина позво-
лила вамъ благопворишь вмѣстѣ съ Нею;
— тамъ каждый даръ вашъ процвѣстетъ
и украсится споричнымъ плодомъ для
свяшой пользы человѣчества. —

Монархія, увѣренная, что благопра-
віе нѣжнаго пола въ вышшемъ состояніи
имѣетъ сильное вліяніе на государствен-
ное благоправіе, основала, подѣ собствен-
нымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспитанія
для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ,
чтобы сдѣлать ихъ образцемъ женскихъ
достоинствъ. Уставъ сей и цѣлю и
средствами своими заслужилъ искреннюю
похвалу, искреннее удивленіе первыхъ
умовъ въ Европѣ. Тамъ любовь и кро-
тость должны ласкою образовать юное
сердце для всѣхъ женскихъ добродѣте-
лей; тамъ чувствительность и нѣжность,
обращенныя въ пріятную науку, расцвѣ-
тающъ въ душѣ отъ примѣровъ и на-
савленій. Нравственность есть главный
предметъ; но и разумъ обогащается всѣ-
ми знаніями, всѣми идеями, нужными
для того любезнаго существа, которое
должно быть прелестію свѣта, сокрови-
щемъ супруга и первымъ наставникомъ
дѣтей. Пріятныя женскія руководѣя,

которыя украшаютъ жизнь хозяйки — искусства Грацій, которыя милую природу и совершенства ея дѣлаютъ еще милѣе — входятъ также въ систему воспитания. Екатерина любила посѣщать сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ пищиковъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ее руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостію въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи Своимъ благоволеніемъ, ласковыми возразами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась истинною матерію сего многочисленнаго, цвѣщущаго семейства. Всякой пріѣздъ Ея былъ щасливымъ торжествомъ для всего Дома. — Доспавляя юнымъ дѣвицамъ невинныя забавы, Монархиня желала, чтобы онѣ представляли иногда нравоучительныя Драмы; славный Расинъ писалъ для Сенъ Сира: еще славнѣйшій Геній Фернейскій (*) хотѣлъ перомъ своимъ способствовать полезнымъ удовольствіямъ воспи-

(*) См. переписку Екатерины съ Вольтеромъ.

танницѣ Екатерины, Которая, занимая величіемъ Своимъ шеапрѣ міра, съ веселіемъ занималась шеапрѣмъ любезнаго дѣшства — и минушы, проведенныя Ею въ Воскресенскомъ монастырѣ, были конечно не потерянными для щастія минушами Ея царствованія. Она предчувствовала мирное благополучіе семействъ, которое долженствовало бытъ плодомъ его учрежденія — и не обманулась. Какое-то невинное добродушіе, искренность, благонаравіе, сверхъ знаній и талантовъ, бывающъ особеннымъ характеромъ Монашескихъ воспитанницъ. — Монархиня основала также и для мѣщанскаго состоянія училище, котораго питомицы приготавливаются бытъ хорошими, добродѣтельными хозяйками, искусными въ рукодѣльяхъ, и на всю жизнь остающіяся подъ особенною защитою Опекунскаго Совѣща (*).

Академія Художествъ существовала въ Россіи едва ли не однимъ именемъ; Екатерина даровала ей истинное бытіе, за-

(*) Не рѣдко самыя лучшія учрежденія, уже не будучи одушевляемы дѣятельнымъ надзираніемъ перваго шворца ихъ, мало по малу теряющъ всю пользу; но Сиротской Домъ и Воскресенское Училище дѣвицъ имѣли щастіе найти новую Попровишельницу въ Ея Величество, Вдовствующей Императрицѣ, Маріи Ѳеодоровнѣ; Которая оживляетъ ихъ Своимъ попеченіемъ.

жоны и права, взявъ ее подъ личное Свое
 покровительство, въ совершенной неза-
 висимости отъ всѣхъ другихъ властей;
 основала при ней воспитательное учили-
 ще; ободряла таланты юныхъ художни-
 ковъ; посылала ихъ въ отчизну Искус-
 ства, вникавъ въ красоты его среди ве-
 личественныхъ остатковъ древности;
 тамъ, гдѣ самый воздухъ вливаетъ, ка-
 жется, въ грудь чувство изящнаго, ибо
 оно есть чувство народное; гдѣ Рафаель,
 ученикъ древнихъ, превзошелъ своихъ
 учителей, и гдѣ Микель Анджело одинъ
 сравнялся съ ними во всѣхъ Искусствахъ.
 Тамъ питомцы Россійскаго Художества
 обогащались мыслями, и кисть и рѣзецъ
 свой образовали по великимъ твореніямъ
 Генія. Сказавъ: *и мы, и мы художники!*
 они творили — и первыя въ Европѣ Ака-
 деміи хотѣли имѣть ихъ своими члена-
 ми. — Съ того времени похвальный вкусъ
 къ художествамъ распространился въ
 Россіи; съ того времени столицы наши
 гордятся великолѣпными зданіями соб-
 ственныхъ Архитекторовъ; красоты жи-
 вописи и ваянія разцвѣли въ нашемъ кли-
 матѣ, и Россіянинъ, не выѣзжавъ изъ
 отечества, можетъ говорить объ Искус-
 ствѣ. — Права, данныя Академіи, слу-
 жатъ величайшею почестью, какую толь-
 ко Государь можетъ оказать дарованіямъ:

всякой ея пишомецѣ есть навѣки свободный человекъ со всѣмъ его родомъ, подсудимъ ей одной, или по крайней мѣрѣ безъ ея вѣдѣнія не судится другою властію; воленъ жить независимо своимъ талантомъ, воленъ избрать всякую службу, но ни къ какой не принуждается. Симъ важнымъ правомъ Екатерина почила въ Россіи и художества и свободу!

Кадетскій Корпусъ, учрежденный Императрицею Анною, производилъ хорошихъ Офицеровъ и даже Военачальниковъ; ко славѣ его должно вспомнить, что Румянцевъ былъ въ немъ воспитанъ. Но сіе учрежденіе клонилось уже къ своему паденію, когда Екатерина обратила на оное шворческій взоръ Свой — умножила число пишомцевъ, надзирашелей; предписала новыя для нихъ законы, сообразныя съ человеколюбіемъ, достойныя Ея мудрости и времени. Военная строгость, которая доходила тамъ не рѣдко до самой крайности, обратилась въ прилѣжное, но крошечное надзираніе, и юныя сердца, прежде ожесточаемыя грозными наказаніями, исправлялись ошъ легкихъ пороковъ гласомъ убѣдительнаго наставленія. Прежде Нѣмецкій языкъ, Маше-машика и военное Искусство были почти единственными предметомъ науки ихъ:

Екатерина прибавила какъ другіе языки (особливожь совершенное знаніе Россійскаго), такъ и всѣ необходимыя для государственнаго просвѣщенія науки, копорыя, смягчая сердце, умножая понятія человека, нужны и для самаго благовоспитаннаго Офицера: ибо мы живемъ уже не въ тѣ мрачныя, варварскія времена, когда отъ воина требовалось только искусства убивать людей; когда видъ свирѣпый, голосъ грозный и дикая наружность считались нѣкоторою принадлежностію сего состоянія. Уже давно первыя Европейскія Державы славятся такими Офицерами, копорые служатъ единственно изъ благороднаго честолюбія, любящъ побѣду, а не кровопролитіе; повелѣваютъ, а не тиранствуютъ; храбры въ огнѣ сраженія и пріятны въ обществѣ; полезны отечеству шнагою, но могутъ быть ему полезны и умомъ своимъ. Такихъ хотѣла имѣть Монархія, и Корпусъ сдѣлался ихъ училищемъ. Привыкая ко всѣмъ воинскимъ упражненіямъ, они въ то же самое время слушаютъ и правоученіе, которое доказываетъ имъ необходимость гражданскаго порядка и законовъ; исполняя справедливую волю благоразумныхъ Начальниковъ, сами приобрѣтаютъ нужныя для добраго Начальника свойства; переводя Записки Юлія

Цесаря, Моншекукулли или Фридриха, переводящъ они и лучшія мѣста изъ Расиновыхъ трагедій, которыя раскрываютъ въ душѣ чувствительность; читающіа Исторію войны, читающіа Исторію и государствъ и человѣка; восхищаясь славою Тюрена, восхищаются и добродѣтелию Сократа; привыкающіа ко грому страшныхъ орудій смерти, и пѣвнующіа гармоніею нѣжнѣйшаго Искусства; узнающіа и быстрые воинскіе марши и живописную игру пѣлодвиженій, которая, выражая дѣйствіе музыки, образуетъ пріятную наружность человѣка. Простая, здоровая пища, мѣра трудовъ и отдыха, раздѣленіе часовъ на разныя упражненія, соотвѣтственныя каждому особенному возрасту, были предписаны Екатериною по лучшей физической и нравственной системѣ воспитанія, не Аѳинскаго, не Спартанскаго, но самаго прістойнѣйшаго для юнаго Россійскаго Дворянства въ вѣки Европейскаго просвѣщенія. — Пишомцы выходящіа исправными, знающими Офицерами, способными и для гражданскихъ должностей, пріятными людьми для свѣта, съ характеромъ и съ правилами, имѣющими щастливое вліяніе на всю жизнь ихъ.

Екатерина съ прискорбіемъ видѣла, что образованіе благородныхъ дѣтей въ

Россіи поручается родителями иностранцамъ, которые всего менѣе къ тому способны, не зная нашихъ нравовъ, духа народнаго, и которые, не имѣя къ отечеству нашему сыновней любви, не могутъ вселять ее и въ юныхъ учениковъ своихъ. Она повелѣла воспитывать, вмѣстѣ съ Кадетами, и нѣсколько мѣщанскихъ дѣтей, желая, чтобы они могли со временемъ посвятивъ себя званію учителей и замѣнить иностранцевъ. Уже многіе изъ нихъ, исполняя намѣреніе Монархини, въ сей почтенной должности заслужили благодарность родителей и самаго отечества.

Здѣсь справедливая народная признательность пребудетъ наименовать того мужа, котораго главною спрасію было способствовать успѣхамъ воспитанія въ Россіи, и который служилъ Екатеринѣ первымъ орудіемъ для исполненія Ея благоговѣрныхъ въ семъ великомъ дѣлѣ намѣреній. Безцѣй жилъ и дышалъ добродѣтелию, не блестящею и не громкою, которая изумляетъ людей, но тихою и медленно - награждаемою общимъ уваженіемъ; рѣдкою: ибо люди спремятся болѣе къ блестящему, нежели къ основательному; и мужественною: ибо она не спрашивается никакихъ трудовъ. Онъ довольствовался славою быть помощникомъ

Екатерины, радовался своими прудами, и будучи строгимъ наблюдателемъ порядка, безпрестанно взыскивая и пребывая, сей другъ челоѳчества умѣлъ заслужить любовь и надзирашелей и питомцевъ: ибо требовалъ только должнаго и справедливаго. Герой, искусный Министръ, мудрый Судя, есть конечно украшеніе и честь государства; но благодѣшель юности не менѣ ихъ достоинъ жить въ памяти благодарныхъ гражданъ.

Корпусы Морской и Артиллерійской (*) обязаны Екашеринѣ нынѣшнимъ своимъ цѣлѣшущимъ состояніемъ. Первый образовалъ многихъ искусныхъ Офицеровъ, которыхъ и самыя гордыя Англичане уважаютъ. Чтобы сообщить лучшимъ питомцамъ его совершенную опытность, знаніе морей и всѣхъ чрезвычайныхъ феноменовъ сей величественной сшхш, Монархшя посылала ихъ въ отдаленности Океана, въ другія части міра, и молодые Офицеры Россійскіе имѣли славу повелѣвать старыми мореходцами Альбіона (**). — Корпусъ Артиллерійской производитъ лучшихъ Инженеровъ для нашихъ армій.

(*) Онъ прежде назывался Школою.

(**) См. Указъ 1762 году о Корпусахъ. — Многіе наши Офицеры, какъ извѣстно, служили на Ангійскихъ корабляхъ.

Греческое Училище, основанное для юныхъ потомковъ древнѣйшей Республики, которыхъ ошцы вѣчное изгнаніе предпочли вѣчному спраху и рабству подѣ желѣзнымъ скипетромъ Опшоманскимъ, было также памянникомъ Екатеринойной благодѣшельности. Тѣ, которые въ несчастномъ отечествѣ своемъ не узнали бы, можетъ быть, никогда славной его Истории, великихъ именъ ея, и самаго древняго языка ихъ, научались во глубинѣ сѣвера гордиться своимъ происхожденіемъ. Во градѣ Святаго Петра воскресали для нихъ священныя пѣни Героевъ и мудрецовъ Греческихъ; во градѣ Святаго Петра юныя сердца ихъ бились при имени Термопилъ и Марафона; во градѣ Святаго Петра они бесѣдовали съ Платономъ и Ксенофонтомъ; воображая древнюю славу Греціи, стремились душою къ святымъ мѣстамъ ея; воображая настоящее униженіе спраны ихъ, радовались пребыванію своему въ спранѣ великихъ дѣлъ и Героевъ. Они не чужды въ Россіи — они *дома* — они въ отечествѣ славы (*)!

Такимъ образомъ Монархія благошворила юности и человѣчеству въ своей

(*) Еще учреждены Монархиною Горное, Лекарское и Судоходное Училища,

Имперіи, вѣдая, что самые мудрые законы безъ добрыхъ нравовъ не сдѣлаютъ государства щасливымъ, и что нравы должны быть впечатлѣваемы на зарѣ жизни. Учреждая общественное воспитаніе, и полагая свяшую нравственность главнымъ его основаніемъ, Она торжественно объявила всѣмъ родителямъ Свое желаніе, чтобы они въ самомъ домашнемъ воспитаніи сообразовались съ правилами, Ею обнародованными (*). Одна истинная Мать народа, повсюду, могла имѣть столько попеченія о благѣ дѣшей въ государствѣ.

Мать народа... конечно!... Сердцу моему пріятно напомнить вамъ, о сограждане! еще прогашельное доказательство сихъ нѣжныхъ чувствъ Екатерины. Она съ самаго Своего вступленія на престолъ пеклась о физическомъ благосостояніи Россіи; установила Медицинскую Коллегію, и предписала ей (**) не только снабдить государство искусными врачами, но и собирать всѣ мѣстные свѣдѣнія о болѣзняхъ народныхъ, о ихъ причинахъ; искасть лекарствъ простѣйшихъ на всякую болѣзнь, особливо для земледѣльцевъ; изслѣдовать врачебную силу травъ

(*) См. главу о воспитаніи въ Наказѣ.

(**) Прежде была Медицинская Канцелярія.

Россійскихъ, и всякое полезное откры-
 шіе немедленно обнародывать для общаго
 блага. Сего не довольно: ужасный, неизбъ-
 ясный ядъ въ крови, съ которымъ по-
 чти родящаяся младенцы, обнаруживаясь въ
 своей жестокости, похищала въ Россіи
 едва ли не большую часть дѣтей, и на
 самыхъ спасенныхъ рокомъ оставляла
 страшные знаки своей свирѣпости и без-
 образія. Уже извѣстно было въ Европѣ
 средство избавленія; но Россія не поль-
 зовалась симъ благодѣтельнымъ откры-
 тіемъ, спрашась новоспи, неизвѣданной
 очевиднымъ опытомъ. Что одна мать
 можетъ сдѣлать для своего обожаемаго
 младенца, то Екатерина сдѣлала для
 Своихъ подданныхъ: Она привила Себѣ
 оспу! . . . День незабвенный для родите-
 лей, обязанныхъ ему спасеніемъ дѣтей и
 милою ихъ красотою! Благодарная Рос-
 сія по справедливости его торжествова-
 ла — и чувствительный отецъ семей-
 ства никогда торжествовать не преста-
 нетъ. Онъ украситъ розами дѣтей сво-
 ихъ, и поведетъ ихъ въ священный храмъ
 молишь за Екатерину. Она собствен-
 нымъ опытомъ заставила насъ прибѣг-
 нуть къ щастливому средству, и съ по-
 го времени мы не боимся ужаснѣйшей
 эпохи въ физическомъ бытіи нашемъ.

Еще Монархія не ограничила системы государственнаго просвѣщенія введенными Ею воспитательными обществами, какъ для Благороднаго, такъ и для мѣщанскаго состоянія. Лучи солнечныя ширяющъ силу свою въ неизмѣримыхъ пространствахъ; столица, отъ нѣкоторыхъ частей Имперіи столь отдаленная, едва ли могла на нихъ дѣйствовать. Екатерина учредила вездѣ — въ малѣйшихъ городахъ, и въ глубинѣ Сибири — *Народныя училища*, чтобы разлишь, такъ сказать, богатство свѣта по всему государству. Особенная Коммисія, изъ знающихъ людей составленная, должна была устроить ихъ, предписать способы ученія, издавать полезнѣйшія для нихъ книги, содержащія въ себѣ главныя, нужнѣйшія человѣку свѣдѣнія, которыя возбуждающъ охоту къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, служатъ ему ступенію къ вышшимъ знаніямъ, и сами собою уже достаточны для гражданской жизни народа, выходящаго изъ мрака невѣжества. Сіи школы, образуя учениковъ, могутъ образовывать и самыхъ учителей, и такимъ образомъ быть всегдашнимъ и время отъ времени яснѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Онѣ могутъ — и должны быть полезны всѣхъ Академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы народа; и

смиранный учитель, который дѣшамъ бѣдности и шрудолубія извѣсняетъ буквы, ариеметическія числа, и разсказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи Исторіи, или, развертывая нравственный кашихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человеку быть добрымъ, въ глазахъ Философа почтенъ не менѣе Мешафизика, котораго глубокое шомысліе и шонкоуміе самымъ ученымъ едва вразумительно; или мудраго Натуралиста, Физіолога, Астронома, занимающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей. Если въ городахъ, едва возникающихъ, въ семъ новомъ швореніи Екатерины, еще не представлялось глазамъ ни палатъ огромныхъ, ни храмовъ великолѣпныхъ: то въ замѣну сихъ, иногда обманчивыхъ свидѣтельствъ народного богатства, взоръ Патриота читалъ на смиренныхъ домикахъ любезную надпись: *Народное Училище* — и сердце его радовалось. Кто благоговѣлъ предъ Монархиною среди Ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тотъ любилъ и восхвалялъ Просвѣщеніельницу опечесства, видя и слыша, въ стѣнахъ мирной хижины, юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ, и съ благородною гордостью шолкующаго своимъ

родителямъ нѣкошорыя простыя, но любовныя испины, свѣданныя имъ въ пошъ день отъ своего учителя.

Словесность, сей главный органъ Генія и чувствительности; сія, можно сказать, посланница Неба, которая разноситъ изъ страны въ страну великія и полезныя идеи, соединяетъ умы и сердца, производитъ и питаетъ нѣжную потребность души: занимается изящными мыслями, наслаждается твореніемъ спройнаго воображенія, изліяніемъ сердца — Словесность была предметомъ особеннаго благоволенія и покровительства Екатерины: ибо Она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и щастіе жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное опличіе — и славная Россіяда въ Ея время украсила нашу Поэзію. Державинъ въ Рускихъ стихахъ оживилъ Горация, и представилъ новыя сильныя черты піишической живописи. Богдановичъ своими цвѣтами осыпалъ Лафонтенову сказку, и въ легкомъ слогѣ игралъ воображеніемъ. Многіе другіе Стихотворцы явились — и Екатерина, дерзну сказать, была для нихъ Музою: душа ихъ пылала Ея славою, и хвала Премудрую, они не боялись казаться льстецами! Сама Она, великими дѣлами обремененная Монархиня, въ рѣдкіе часы досуга любила перомъ

Своимъ способствовать успѣхамъ нашей Словесности. Европѣ извѣстно, что Екатерина, плывъ по величественной Волгѣ, въ то самое время, когда сильная буря уштрашала всѣхъ бывшихъ съ Нею, спокойно переводила Велисарія, къ безсмертной славѣ Мармонтеля! — Она указывала Рускимъ Авторамъ новые предметы, вредные пороки общества, которые должны осмѣивать Таліи, — черты характера народного, которыхъ пребываютъ кисти паланца; писала, для юныхъ Оспраслей Августѣйшаго Дому Своего, нравоучительныя повѣсти; но всего болѣе, чувствуя важность отечественной Исторіи (и предчувствуя, что сія Исторія должна нѣкогда украситься и возвеличиться Ею!) занималась Россійскими лѣтописями, изъясняла ихъ, соединяя предложеніе дѣйствій съ философскими мыслями, и драгоценныя труды Свой для Публики издавала. Желая присвоить Россіи лучшія творенія древней и новой чужеземной Литтературы, Она учредила Коммисію для переводовъ, опредѣлила награду для трудящихся — и скоро почти всѣ славнѣйшіе въ мірѣ Авторы вышли на языкъ нашъ, обогатили его новыми выраженіями, оборотами, а умъ Россіянъ новыми понятіями. Чтобы утвердить Руской языкъ на правилахъ и привести въ си-

стему, Монархия основала Академію Словесности, по примѣру Французской, и мы обязаны сему трудолюбивому обществу Полнымъ Россійскимъ Словаремъ, нужнымъ для всякаго и необходимымъ для Авторамъ. Царствование Елисаветы произвело Ломоносова и Сумарокова; первый смѣло парилъ за орломъ Пиндаровымъ и бросалъ на бумагу сильныя, безсмертныя строфы: второй имѣлъ славу написать нѣсколько нѣжныхъ и оспроумныхъ стиховъ. Но сіи два Поэта не образовали еще нашего слога: во время Екатерины Россіяне начали выражать свои мысли ясно для ума, пріятно для слуха, и вкусомъ сдѣлался общимъ: ибо Монархия Сама имѣла его и любила нашу Словесность; и елики Она Своими ободреніями не произвела еще болѣе талантовъ, виною тому независимость Генія, который одинъ не повинуется даже и Монархамъ, дикъ въ своемъ величїи, упрямъ въ своихъ явленіяхъ, и часто самыя неблагопріятныя для себя времена предпочитаетъ блестящему вкусу, когда мудрые Цари съ любовію призываютъ его для шоржества и славы.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы покровительствовать науки и таланты въ Россіи, Она на всѣ страны міра, на всю обласъ ума распространила Свои бла-

годѣнія, и славу Свою возвышала, такъ сказать, славою всѣхъ опмѣнныхъ дарованій, Ею ободряемыхъ. Философы гордились благосклоннымъ возврѣніемъ Екатерины, и горѣли ревностію величать Ту, которая воцарила съ Собою Философію; и тайныя желанія мудраго чловѣколюбія обратила въ государственныя устави. Вольтеръ жалѣлъ, что старость не позволяла ему видѣть *Свѣрху Владычицу сердецъ*. Пылкій Дидеротъ сѣвши лично извѣсти Ея свое удивленіе. Плині Франціи съ восторгомъ говорилъ, что одобришельное слово Екатерины ему драгоцѣннѣ похвалъ Академическихъ (*). Даламберъ славился Ея милостію болѣе, нежели именемъ глубокомысленнаго Математика. Европа съ удивленіемъ читаетъ Ея переписку съ ними — и не имѣ, но Ея удивляется. Какое богатство мыслей и знаній! какое проицаніе! какая тонкость разума, чувства и выраженій! Та, Которая истощила Своимъ царствованіемъ всѣ похвалы міра, умѣла съ неподражаемою пріятностію хвалишь цѣлы Словесности, игру остроумія, тонкую черту сердца. Сколь прогашельно такое снисхожденіе въ Монархинѣ! Но унижается ли Монархъ, когда онъ сходитъ

(*) См. Сешелево путешествіе въ Монбаръ.

иногда съ высокаго прона, спановишся на ряду съ людьми, и будучи любимцемъ Судьбы, плашишь дань уваженія любимцамъ Природы, опличнымъ дарованіямъ? Власть разума не можетъ ли еще служишь нѣкошорою опорою для полишической власши? По крайней мѣрѣ она можетъ бытъ ея орудіемъ во всемъ, что касается до блага человѣчества. Такъ думали Августъ, Лудовикъ XIV, Фридрихъ и Петръ Великій, Который, приходя къ Боргаву, къ Лейбницу, говорилъ: *я съ вами теловѣкъ* (*). Такъ думала и Великая Екатерина.

Въ Ея царствованіе Россійская Академія Наукъ еще болѣе приобрѣла знаменитыхъ Членовъ, и сдѣлалась несравненно полезнѣе для ошечества, вопервыхъ ежемѣсятными сочиненіями, которыя, будучи магазиномъ историческихъ и другихъ любопытныхъ свѣдѣній, распространяли ихъ въ государствѣ; вовшорыхъ путешествіями ея Профессоровъ по всѣмъ обширнымъ спранамъ Россіи: намѣреніе великое, достойное Екатерины! исполненіе, достойное намѣренія! эпоха важная въ ученой Исторіи нашего государ-

(*) Я читалъ переписку Лейбница съ Петромъ Великимъ. Ко славѣ того и другаго можно сказать, что они почивали другъ друга.

ства и цѣлаго міра! Сии избранные мужи должны были отъ береговъ Невы до горъ Рифейскихъ, до морей Азовскаго, Каспійскаго и далѣе, видѣть и описать Россію въ прехъ царствахъ Природы, проникнуть во внушенность пустынь, во глубину пещеръ и лѣсовъ дремучихъ, гдѣ око наблюдателя еще никогда не примѣчало за шворческою Нашурою, гдѣ она искони дѣйствовала уединенно или предъ свидѣтелями невнимательными; исчислишь минералы въ нѣдрахъ земли, растѣнія на зеленыхъ коврахъ ея, животныхъ въ шрехъ стихіяхъ, и такимъ образомъ соберешь богатства для Россійской Естественной Исторіи. Симъ предметомъ еще не ограничились труды ихъ: Монархія желала, чтобы они изслѣдовали всѣ историческіе монументы въ нашей Имперіи; замѣчали слѣды народовъ, которые отъ странъ Азіи переходили Россію, сами исчезли, но оставили знаки своего печенія, подобно рѣкамъ исчезшимъ; желала, чтобы они въ развалинахъ, среди остатковъ древности, какъ бы забытыхъ временъ, искали откровеній прошедшаго; чтобы они въ нынѣшнихъ многочисленныхъ народахъ Россійскихъ узнавали ихъ неизвѣстныхъ предковъ, разбирая языки, происхождение и смѣсь оныхъ; чтобы они, наблюдая

обычай, нравы, понятія сихъ людей, сообщили Историкъ и Моралисту новыя свѣдѣнія, а Законодателю новыя средства благодѣянія. — Повелѣнія были исполнены, и не только Россія, но и вся Европа; не только Ученые, но и всѣ любопышныя читающіе съ удовольствіемъ и пользою описаніе сихъ путешествій.

Московский Университетъ, подвначальствомъ Шувалова (который всегда будетъ знаменитъ прошлымъ основателя его и Ломоносова Мецената) во время Екатерины болѣе нежели прежде благошворилъ обществу: ибо щедрость Ея даровала ему болѣе способовъ дѣйствія. Многіе ученые были имъ призваны изъ Германіи участвовать въ трудахъ его, наставлялъ юношество, пишалъ въ немъ охоту къ наукамъ, и восплащалъ благородное соревнованіе въ Россійскихъ Профессорахъ. Но всего болѣе оживляла Московскій Университетъ извѣстная всѣмъ любовь Екатерины къ наукамъ, побуждая родителей учить дѣтей своихъ. Число юныхъ питомцевъ его съ каждымъ годомъ умножалось, а съ числомъ ихъ возрастала благодѣтельность сего храма просвѣщенія. И если мы видимъ нынѣ столь многихъ достойныхъ судей въ еполицахъ и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; если слышимъ

приказный уже не всегда устрашает нас своим варварством; если бы необходимые правила Логик и языка соблюдались не редко в определениях судилищ; если бы Министрство находило всегда довольно юношей, способных быть его судьями и служить отечеству во всех частях своими знаниями: то государство обязано сею пользою Московскому Университету; Университет же обязан сею великою славою Екатерине и Духу Ея царствования.

Чтобы еще более размножить народных сведений чрез книги, Она дозволила заведение вольных Типографий, учредив благоразумную Цензуру, необходимую в гражданских обществах: ибо разум может уклоняться от истины, подобно как сердце от добродетели, и неограниченная свобода писать столь же безразсудна, как неограниченная свобода действовать. Но как мудрый Законодатель, избегая самой глупости произвольного произвола, запрещает только явное зло, и многие сердечные слабости предаёт единому наказанию общего суда или мнений: как Монархиня запрещению Цензуры подвергала только явный разврат в важнейших для гражданского благоденствия предметах, оставляя здравому разуму граждан отличать истинны

отъ заблужденій; то есть, Она сдѣлала ее не только благоразумною, но и снисходительною, и сею довѣренностію къ общему суду приобрѣла новое право на благодарность народную.

И шакъ чудно ли, что Россія, въ 34 года дѣятельнаго царствованія, котораго главною цѣлію было народное просвѣщеніе, столь преобразилась, возвысилась духомъ, созрѣла умомъ, что опцы наши, естли бы они теперь воскресли, не узнали бы Россіи? Естли сердце Государей въ рукъ Провидѣнія, то сердца народовъ въ рукъ Государей: что могло устоять противъ неутомимаго въ благопвореніяхъ Правительства, которое дѣйствовало на подданныхъ и славою виѣшнихъ успѣховъ, и мудрыми законами, и воспитаніемъ, и всѣми средствами просвѣщенія? Что могло не покориться всемогущей и благой волѣ, пылавшей пою огненною ревностію, которая бываетъ главнымъ свойствомъ великихъ душъ, истинныхъ подобій Божества? Екатерина, возведенная Самимъ Небомъ на тронъ едва не безпредѣльной въ мірѣ Имперіи, не ужаснулась безпредѣльныхъ Своихъ обязанностей, священныхъ для добродѣтели; но почувствовала вдохновеніе геройскаго сердца, которому все возможнымъ кажется, ибо самъ Богъ помогаетъ ему. Чувство каждой должно-

спи раждало въ Ней стремленіе и силу исполнишь ее — и Россія, Ей нѣкогда чуждая, ставъ шеапромъ Ея добродѣтелей, сдѣлалась для Екатерины истиннымъ опечесшвомъ, нѣжно любимымъ: ибо опечесшво для душъ великихъ есть та спрана, гдѣ онѣ могушъ дѣйствовашъ; ихъ ближніе суть тѣ люди, которыхъ могушъ онѣ шворить щасшливыми. Чѣмъ болѣе Монархія шрудилась для Россіи, чѣмъ болѣе осыпала ее добромъ и славою, тѣмъ болѣе Она любила въ ней предметъ Своихъ благодѣній; и каждое благодѣніе было для насъ залогомъ новаго. Сograждане! я извѣсно шеперь общее наше чувшво: скажите, что великое могло наконецъ удивить насъ въ дѣлахъ Екатерины? Не все ли въ рукахъ Ея казалось намъ легкимъ, естешственнымъ, даже необходимымъ? Приученные къ Ея обыкновенной славѣ и добродѣтели, мы были уже, дерзну сказать, какъ бы нечувшвишельны къ дѣламъ Монархини; ишоощенная благодарность наша уподоблялась неблагодарности! Ваше сердце разумѣетъ меня, о сograждане! я не порицаю, но хвалю вашу чувшвишельность. Виноватъ ли смершный, ешъли Небо, опкрывая для Монаршей добродѣтели поле безконечное, полагаетъ границу нашей любви, признашельности, самому

удивленію; есшьи, даруя Своимъ орудіямъ нѣкоторую часть правъ Своихъ, оставляетъ насъ, обыкновенныхъ людей, въ шѣсномъ кругу челоѳчества?

Сія геройская ревность къ добру соединялась въ Екатеринѣ съ рѣдкимъ проицаніемъ, которое представляло Ей всякое дѣло, всякое начинаніе въ самыхъ дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ; и по тому Ея воля и рѣшеніе были всегда непоколебимы. Она знала Россію, какъ только одни чрезвычайныя умы могутъ знать государство и народы; знала даже мѣру Своимъ благодѣяніямъ: ибо самое добро въ философическомъ смыслѣ можетъ быть вредно въ Политикѣ, какъ скоро оно не соразмѣрно съ гражданскимъ состояніемъ народа. Истина печальная, но опытомъ доказанная! Такъ, самое пламенное желаніе ошаспливить народъ можетъ родить бѣдствія, есшьи оно не слѣдуетъ правиламъ осторожнаго благоразумія. Сograждане! я напомню вамъ Монарха, ревностнаго къ общему благу, дѣятельнаго, неупомимаго, который пылалъ страстію челоѳколюбія, хотѣлъ уничтожить вдругъ всѣ злоупотребленія, сдѣлать вдругъ все добро, но который ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, и при концѣ жизни своей видѣлъ съ горестію, что онъ государство свое не приблизилъ къ

цѣли политическаго совершенства, а уда-
лилъ отъ нее: ибо Преемнику, для воз-
становленія порядка, надлежало всѣ ново-
сти его уничтожить. Вы уже мысленно
наименовали Иосифа — сего несчастнаго
Государя, достойнаго, по его благимъ на-
мѣреніямъ, лучшей доли! Онъ служилъ
пѣнію, отъ которой мудрость Екате-
рины шѣлъ лучезарнѣе сіялъ. Онъ былъ
несчастливъ во всѣхъ предпріятіяхъ: Она
во всемъ щастлива; онъ съ каждымъ ша-
гомъ впередъ — отступалъ назадъ: Она
безпрерывными шагами шекла къ Своему
великому предмету; писала уставы на
мраморъ, неизгладимыми буквами; шво-
рила во-время, и пошому для вѣчности, и
пошому никогда дѣлъ Своихъ не передѣ-
лывала — и пошому народъ Россійскій
вѣрилъ необходимости Ея законовъ, не-
премѣнныхъ, подобно законамъ міра. Ев-
ропа удивлялась *щастію* Екатерины:
Европа справедлива, ибо мудрость есть
рѣдкое щастіе. Но кто думаетъ, что
темный, неизвѣстный случай рѣшилъ
судьбу государствъ, а не разумная или
безразсудная система правленія: тошъ
по крайней мѣрѣ не долженъ писать Ис-
торіи народовъ. Нѣтъ, нѣтъ! феноменъ
Монархини, Которыя всѣ войны были
завоеваніями и всѣ уставы щастіемъ

Имперіи, извѣсняется только соединеніемъ великихъ свойствъ ума и души.

Душа Екатерины была тверда, мужественна, истинно геройская. Небо, какъ бы единственно для славы Ея, нѣсколько разъ помрачило тучами горизонтъ Россіи въ царствованіе великой Монархини, чшобы Она, презирая бури и громы, могла доказать народамъ крѣпость души Своей: такъ искусный мореходецъ еще болѣе славенъ опасностями, чрезъ которыя провелъ онъ корабль свой въ мирное пристанище. Сograждане! я дерзну напомнить вамъ то время, когда Россія, сражаясь съ сильнымъ вѣншимъ непріателемъ, видѣла язву, смерть, волненіе въ стѣнахъ Московскихъ, и скоро послѣ безумный, яросный бунтъ, который пламенною рѣкою разливался по обширнымъ спранамъ ея; когда зависники Екатерины, сильные Цари, радовались нашему бѣдствію, и грозили Ей новою войною... тогда, тогда надлежало видѣть славу мужественныхъ Ея добродѣтелей! Она вѣщаетъ Вождю Своего опдаленнаго воинства: *иди далѣе и побѣждай!* Она какъ солнце взираетъ съ прона на градъ столичный, и печальный мракъ его исчезаетъ; Она отвѣстствуетъ на угрозы Дворовъ: *Я отражу нападеніе!* И мы удивляемся Риму, который, видя у врагъ

своихъ непріятеля, повелѣваетъ Консулу ипши съ воинствомъ въ другую часть міра, или, пѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, съ презрѣніемъ слышитъ о новыхъ!... Сograждане! я уже говорилъ о той минутѣ, когда Монархія въ увеселительномъ Дворцѣ Своемъ спокойно изчисляла выспрѣлы кораблей Шведскихъ, и когда главныя арміи наши были за отдаленными предѣлами отечества; Англія, Пруссія вооружались, хотѣли предписать намъ миръ: но Екатерина непоколебимая даровала оный Густаву, а Пшитъ и Фридрихъ Вильгельмъ должны были смиришься. — Сія-то рѣшительная швердосъ принудила всѣ Кабинеты въ нѣкоторомъ смыслѣ зависѣть отъ нашей Монархіи, и всѣ пр�кташы Ея съ Державами были славны для Россіи.

Но Великая въ Герояхъ сохранила на проиѣ нѣжную чувствительность Своего пола, кошорая вступалась за несчастныхъ, за самыхъ винныхъ; искала всегда возможности простишь, миловать; смягчала всѣ приговоры суда, и служила совершеннѣйшимъ образцемъ той высокой добродѣтели, кошорую могутъ имѣть одни Небеса и Государи: милосердія! О божественная кропосъ сердца! украшая челоуѣчество во всякомъ состояніи, пы торжествуешь на престолахъ! Каждое дви-

женіе швое есть шамъ спасеніе людей — и зрѣлище виновнаго , шобою сохраненнаго и помидованіемъ исправленнаго, есть прелестный рай швой, неизвѣстный душамъ жестокимъ! Ахъ! человѣческое правосудіе не можетъ быть истиннымъ правосудіемъ безъ милосердія! Но Екатерина чувствительная вѣдала ту черту , которая отдѣляетъ небесную добродѣтель отъ слабости; не прешупала ее, и Царскимъ долгомъ побѣждала пѣжность Своего сердца.

Спрашиваю у всѣхъ Россіянъ: было ли что нибудь оскорбительное для человѣческой гордости, что нибудь тягостное для самолюбія въ чувствахъ нашего безпредѣльнаго къ Ней повиновенія? Не казалось ли оно природнымъ влеченіемъ сердца, необходимостію души, ея любезною потребностію? Слѣдуя уставамъ Монархини, мы слѣдовали гласу Неба , и повинуюсь, не знали принужденія. Она прелестными качествами души Своей украшала власць Державную. Благоговѣя предъ Обладательницею народовъ, сердца Россіянъ обожали Екатерину, и лучезарныя добродѣтели Монархини соединялись въ Ней съ плѣнительною любезностію человѣка. Чужеземцы! вы, которые изъ отдаленныхъ климатовъ пріѣзжали въ Россію единственно за шѣмъ,

чтобы видѣшь Екатерину! скажите, съ какимъ чувствомъ вы приближались къ Ней, когда Она, окруженная Своими Полководцами и Министрами, окруженная славою дѣлъ Своихъ, взирала на васъ съ величіемъ? Не представлялось ли вамъ, что вы зрите Монархиню міра и вашу собственную? Но вы, которые наслаждались неоцѣненнымъ щастіемъ видѣшь и слышать Ее, когда Она ошъ величія снисходила къ любезности, и какъ бы престававшая бытъ Монархиною, являлась только въ видѣ свѣтской пріятности, дружественной искренности, среди достойнѣйшихъ людей Двора Ея, въ незабвенныхъ для васъ вечернихъ собраніяхъ, куда принужденіе входилъ не дерзало, гдѣ царствовала свобода въ разговорахъ, гдѣ всякій для себя могъ заниматься удовольствіями общества! вы съ удивленіемъ и слезами говорите о сихъ часахъ, которые вамъ казались минушами, и въ которые ласковыя слова Ея, простое обхожденіе, искренняя веселость и невинныя игры, Ея присущствіемъ и самымъ участіемъ оживляемыя, заставляли васъ позабывать Самодержицу и восхищаться одною неизвѣстною прелестію ума Екатерины.

Сія прогашельная, любезная мысль уступаетъ мѣсто еще любезнѣйшей:

Мать отечества была и самою нѣжнѣйшею матерію семейства. Какое воображеніе безъ сладкаго душевнаго чувства можешь представить себѣ Монархиню, Которая, одною рукою подписывая судьбу государствъ, другою ласкаетъ цвѣтущія Опрасли Императорскаго Дому, и Которая, прерывая нить великихъ политическихъ мыслей, оставляя на минушу заботы правленія, отдыхаетъ сердцемъ въ семейственныхъ радостяхъ, и, шакъ сказавъ, дополняетъ ими щастіе добродѣтельной Монархини? Если обыкновенному уму трудно вообразить сіе неизвѣстное щастіе, то всякое чувствительное сердце представитъ себѣ душевное удовольствіе нѣжной Праматери, когда священное потомство Ея расцвѣтало предъ нею; когда Она видѣла предъ Собою и совершенство Ангельской красоты и нравственное совершенство, и надежду любви Своей и надежду Россіи!

Но какая чудесная сила укрѣпляла Екатерину для безчисленныхъ предметовъ Ея дѣятельности, шакъ, что Великая могла, занимаясь правленіемъ Имперіи, ежедневно заниматься и Августѣйшимъ Домомъ Своимъ; находить время для вѣшнихъ Министерскихъ, внутреннихъ государственныхъ и частныхъ судебныхъ дѣлъ, для Своей особенной

переписки, ученых трудов, для самых женских прелесных рукодѣлій (ибо Она любила иногда напоминать себѣ простошу Пенелопина вѣка) — и наконецъ для пріятнаго отдохновенія въ избранномъ Своемъ обществѣ? Сія чудесная сила есть *духъ порядка*, благодѣтельный для всякаго, а въ добромъ Монархѣ щастіе народа. Каждый часъ представлялъ Ей особенное упражненіе, и сіе разнообразіе, обновляя вниманіе души, служило для разума Ея нѣкошорымъ успокоеніемъ. Слѣдуя такой мудрой системѣ, Она успѣла зашѣмить самыя дѣятельнѣйшія царствованія, извѣсныя намъ по Исторіи; дѣла единой Государыни могли бы прославить *многихъ* Государей.

И слава Екатерины принадлежила Ей Самой. Генрихъ IV былъ Царь мудрый и благодѣтельный; но Сюлли стоилъ подлѣ него: Исторія освѣщаетъ ихъ однимъ лучемъ славы. Лудовикъ XIV гремѣлъ въ Европѣ, возвеличилъ Францію; но Кольберъ, первый Министръ въ мірѣ, былъ его Министромъ! Екатерина, Законодательница и Монархиня, подобно Петру, образовала людей — но сіи люди жили и дѣйствовали Ея душою, Ея вдохновеніемъ; сіи заимствованнымъ отъ Нее свѣтомъ, какъ планеты сіяютъ отъ солнца; Она отличала нѣкошорыхъ, и сіе

опличіе было мѣрою ихъ важности. Такимъ образомъ видѣли мы при Екатерину возвышеніе челоуѣка, котораго нравственное и патристическое достоинство служило еще предметомъ споровъ въ Россіи. Онъ былъ знаменъ и силенъ: слѣдственно не многіе могутъ судить о немъ безпристрастно; зависъ и неблагодарность суть два главные порока челоуѣческаго сердца. Но то неоспоримо, что Потемкинъ имѣлъ умъ острый, проникающій; разумѣлъ великія намѣренія Екатерины, и потому заслуживалъ Ея довѣренность. Еще неоспоримо то, что онъ не имѣлъ никакого рѣшительнаго вліянія на Политику, внутреннее образованіе и законодательство Россіи, которыми были единственно швореніемъ ума Екатерины. Ея Министры исполняли только волю Ея—и Россія имѣла счастье быть управляемою однимъ великимъ Геніемъ во все долговременное царствованіе Екатерины.

Но счастье можешь ли казаться долговременнымъ? . . . О сограждане! Небо простило намъ несправедливость нашу, когда мы, пораженные ударомъ, забыли непремѣнные утѣхи Природы; забыли, что Великая успѣла осыпашъ насъ благодѣяніями на печеніе вѣковъ, и дерзали обвиняшъ Провидѣніе, что Оно только

скоро лишило наше опечество Матери, и поль внезапно: ибо Екатерина не *умирая*, не приговивъ насъ спрахомъ къ сему несчастію, въ одно мгновение сокрылась духомъ отъ земли и Россіи! Обольщенные безсмертіемъ дѣла Ея, мы думали, что и Сама Она безсмертна; думали, что Та, Которая украсила вечеръ жизни опцевъ нашихъ, должна была царствовать и для благоденствія нашихъ дѣшей! Она оставила намъ мудрые законы Свои, источникъ блага и просвѣщенія для самыхъ опдаленныхъ потомковъ; но намъ казалось, что съ Нею мы всего лишились; что Она вся во гробѣ, и съ нашимъ щасіемъ, дѣломъ рукъ Ея. Не тѣ одни были неупѣшны, которые наслаждались лицезрѣніемъ Великія, внимали пѣнишнымъ словамъ Премудрыя, окружали трономъ Ея; нѣтѣ, вся Россія пролила горешныя слезы: ибо Она не для любимцевъ, а для Россіи царствовала; не только нѣкоторымъ, но всѣмъ благошворила — и слезы чувствительныхъ сердецъ текли Ей въ жертву съ равнымъ жаромъ въ столицахъ и въ самыхъ опдаленныхъ предѣлахъ государствъ. О Монархи міра! Екатерина и жизнь и смерть Своею служила вамъ примѣромъ: такъ царствуйте, чтобы смершныя обожали васъ! и видя, съ какимъ умиленіемъ,

съ какою прогашельною любовію донынѣ
говоряшѣ Россіане о Великой, будьше увѣ-
рены, что народы чувствительны и благо-
дарны прошивъ Царей добродѣтельныхъ,
и что память ваша, естли вы заслужили
любовь подданныхъ, пребудетъ вѣкъ
священною. И самаго недостойнаго Госу-
даря хваляшѣ, когда онъ держитъ въ ру-
кѣ скипетръ: ибо его бояшся, или гнус-
ные льстецы хотяшѣ награды; но когда
сей скипетръ изъ руки выпадетъ, когда
Монархъ плашитъ дань общему року
смертныхъ: тогда, тогда внимайте гласу
Истины, которая, повелѣвая умолкнуть
спрашамъ, надеждѣ и страху, опершись
рукою на гробъ Царя, произноситъ свое
рѣшеніе: и вѣки повѣряютъ его! Не въ
чертогахъ Царскихъ обнаруживается чув-
ство народное: о всякомъ Монархѣ кто
нибудь изъ царедворцевъ искренно про-
ливаетъ слезы; нѣтъ, оно явно только
на стогнахъ града, въ шихомъ жилищѣ
семействъ, отъ Двора удаленныхъ, и въ
хижинѣ мирнаго шрудолубія: естли въ
нихъ сердечная признательность не
оплакиваетъ смерти Государя, то онъ не
царствовалъ для народнаго щастія!

Сограждане! какимъ торжествомъ для
добродѣтелей Монархини и для вашей
святой благодарности были первыя сло-
ва юнаго Самодержца, Который, восходя

на престолъ Россіи, и желая объявишь волю Свою царствовать мудро и добродѣтельно, сказалъ только: *Я буду царствовать по сердцу и законамъ Екатерины Великой!* . . . Великой! повшорила вся Россія. — Симв общомъ Онъ почтилъ и памяшь Ея, и вашу признательную къ Ней любовь; вы разумѣли Его — и ушѣлись!

Но благошворенія новыя не охлаждають въ сердцѣ нашемъ признаательноспи къ дѣламъ Екатерины; мы воспоминаемъ ихъ съ любовію, чишаемъ мудрыя законы Ея съ удивленіемъ, и въ восторгѣ чувствительности взираемъ на небо, гдѣ око смершнаго ищеть всегда безсмертныхъ. . . . Намъ кажется, что священный Духъ Монархини, въ образѣ Генія хранишеля Россіи, и шамъ не престаеть заниматьсѣ нашимъ опечесствомъ; намъ кажется, что мы внимаемъ небесному гласу Екатерины:

«О Россіяне! вы, которые были споль
«любезны Моему сердцу; которыхъ щасіе было Моимъ щасіемъ; на ко-
«рыхъ взирала Я съ радостію Матери,
«видящей благоденствіе дѣшей своихъ!
«естьли Я обогатила Россію новыми пре-
«дѣлами и народами, украсила чело ваше
«пальмою побѣды, гремѣла въ шрехъ ча-
«спяхъ міра и славилась вами: то слава

« Моя была Мнѣ залогомъ вашей силы и
 « безопасности; желая, чтобы миръ васъ
 « спрашилъ, Я хотѣла единственно того,
 « чтобы вы могли никого не спрашивать.
 « Если Мои законы ограничиваютъ при-
 « родную вольность человѣка, то будьте
 « увѣрены, что Я пожертвовала частію
 « свободы только единой цѣлости граж-
 « данскаго порядка, и предпочла независи-
 « мости вашей одно ваше благополучіе;
 « не даровала вамъ нѣхъ однихъ правъ,
 « которыя могли быть для васъ вредны-
 « ми. Я просвѣщала васъ, Россіяне! слѣд-
 « ственно не хотѣла угнетать человѣ-
 « чества. И если Мое царствованіе не
 « возвело еще Россіи на высочайшую сте-
 « пенъ народнаго блаженства: то помните,
 « что власть Государя не есть всемогу-
 « щество Небесное, Котораго воля есть
 « уже совершеніе; помните, что Имперіи
 « цвѣшутъ вѣками, и что Провидѣніе
 « требуетъ отъ Царей только возможна-
 « го блага. Но Я указала вамъ великую
 « цѣль: стремитесь къ ней осѣненные Моими
 « лаврами, пушеводимые Моими законами!
 « И когда всѣ народы земли будутъ зави-
 « довать вашей долѣ; когда имя Россіани-
 « на будетъ именемъ щастливѣйшаго гра-
 « жданина въ мирѣ: тогда исполнятся
 « тайныя обѣщанія Моего сердца; тогда вы
 « узнаете, что Я хотѣла, но чего не могла

«сдѣлать; и признательность ваша по-
 «чтите равно и дѣла Мои и Мою волю :
 «единая награда, къ которой добрые Мо-
 «нархи могутъ быть чувствительны и
 «по смерти своей!»

И я клянусь именемъ вашимъ, о согра-
 ждане! именемъ всего нашего попомства,
 что память Екатерины Великой бу-
 детъ во вѣки вѣковъ благославляема въ
 Россіи.

г. 1801.

ВЕЛИКОЙ МУЖЪ РУСКОЙ ГРАММАТИКИ.

Для успѣховъ всякой Науки, всякаго Искусства, надобно желать Педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны. Кто не знаетъ славнаго *трактата о соловьяхъ*, котораго Авторъ доказываетъ, что предметъ его важнѣе Философіи, нравственности, Политики, Богословіи? За то охотники до соловьевъ узнали, какъ надобно обходиться съ ними и спасать ихъ отъ болѣзней.

Такимъ образомъ я пользуюсь дружбою одного, крайне ученаго мужа, который живетъ единственно для *склоненій* и *спряжений*, божится *родами*, видитъ во снѣ *нарѣчія*; и ешлы, марая бумагу, ошибаюсь менѣе другихъ — ешлы умѣю иногда задуматься надъ словомъ, умѣю быть ошорожнымъ — по конечно ему обязанъ сею выгодною. Всякой мѣсяцъ хожу къ нему раза два, и всякой разъ возвращаюсь домой съ новымъ почтеніемъ къ Грамматику. На воропахъ его,

всегда запертыхъ, написано множество *вопросительныхъ знаковъ* ??? Сіи *гіероглифы* извѣщаютъ гостей, желающихъ войти на дворъ, что хозяину надобно знать прежде: кто они? за тѣмъ пришли? и проч. — Въ домѣ видите вездѣ живописныя аллегоріи и эмблемы Грамматики. На примѣрѣ: женщина съ перомъ въ рукѣ и въ маншіи, усѣянной буквами, *Б, І и Ѳ*, есть *Орфографія*; другая, представленная въ родахъ, *Этимологія*; Геркулесъ, разящій палицею великана Альбіона, изображаетъ *удареніе*; маленькой человѣкъ, съ ужаснымъ брюхомъ, *предлогъ*; камень, лежащій между двумя деревьями, *междометіе*; Нарциссъ, смотрящійся въ воду, *наклоненіе*; молодая женщина, которая позволяешь любовнику обнять себя, *падежъ*; шарикъ, считающій деньги, *имена числительныя* — и проч. и проч. На дверяхъ его кабинета написано крупными буквами: *Человѣкъ всего болѣе отлится отъ другихъ животныхъ словомъ или языкомъ; слѣдственно наука языка есть истинно-человѣческая и важнѣйшая*. Въ самомъ кабинетѣ изображена Грамматика въ видѣ Египетской богини Изиды, закутанной въ пелены, и надпись говоритъ: *никто изъ смертныхъ не умѣлъ снять ихъ; ибо хозяинъ думаетъ, что мы еще не имѣемъ совершенной Грамматики* — и

когда я принесъ ему новѣйшую, онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ въ ней роспись глаголовъ: *калывать, гаривать, баливать, жидать, лыгать, колеблывать, трепливать*, и воскликнулъ голосомъ сокрушеннаго сердца: «О Небо! когда въ *семъ* наклоненіи бывали такіе глаголы въ языкѣ Рускомъ? Можно ли *изъявительное* такъ «своевольно» обратишь въ *неокончателъное* «и глаголы недостаточные въ полные? Можно ли забыть, что нѣкоторые изъ нихъ употребляюся только съ *предлогами*, какъ-то: *накалывать, ожидать, прилыгать?*» — Слезы текли ручьями по лицу чувствительнаго старца. Я не могъ видѣть его печали, ушелъ, и черезъ двѣ недѣли снова явился въ кабинетъ ученаго мужа.

Онъ казался уже гораздо спокойнѣе, самъ началъ говорить о новой Грамматикѣ, хвалилъ въ ней многія полезныя замѣчанія, но осуждалъ раздѣленіе глаголовъ по ихъ *неокончателъному* наклоненію, доказывая его невѣрность и сбивчивость. «Мой другъ! сказалъ онъ: намъ даютъ правила; но всякое изъ нихъ радаетъ исключеніе. Я могу выпровердить ихъ наизусть и безпрестанно ошибаюсь: слѣдственно правила неосновательны. На примѣръ: Авторы говорятъ, что глаголы, которые въ *неопре-*

«*дѣленноѣ* наклоненіи оканчиваются на
 «*ать*, перемѣняющѣ сѣи буквы въ *изб-*
 «*авительноѣ* наклоненіи перваго лица на-
 «*стоящаго* времени на *ю*; но они должны
 «*попчасѣ* примолвишь, что глаголы *пла-*
 «*кать*, *кликать* и многіе другіе уклоня-
 «*ются* отъ сего закона! Не будемъ кле-
 «*веташъ* на языкъ: онѣ имѣютъ вѣрныя
 «*законы* для измѣненія буквъ въ разныхъ
 «*случаяхъ глагола*; но мы только еще не
 «*открыли* ихъ. Изъяснимъ великое ма-
 «*лымъ*, и скажемъ, что Натура во всѣхъ
 «*твореніяхъ* и разрушеніяхъ слѣдуетъ
 «*вѣчнымъ*, единообразнымъ законамъ, ко-
 «*торые* однакожъ по большой части
 «*укрываются* отъ Натуралистовъ. *Спря-*
 «*женія* во всѣхъ коренныхъ языкахъ со-
 «*спавляютъ* главную трудность: кто
 «*приведетъ* ихъ у насъ въ ясную систе-
 «*му*, того ожидаетъ вѣнецъ безсмертія;
 «*но* сей великій мудрецъ, сей блаженный
 «*смертный*, еще не родился. Я посѣдѣлъ
 «*надъ глаголами* и не дерзаю думать о
 «*системѣ*!

«Однакожъ Небо награждаетъ усердіе
 «*друзей истины*, и есѣли не совсѣмъ,
 «*то* хотя сколько нибудь озаряетъ ихъ
 «*свѣтомъ* ея. Такимъ образомъ и мнѣ
 «*удалось* открыть въ разсужденіи *глаго-*
 «*ловъ* истинное правило — истинное, го-
 «*ворю*: ибо оно не имѣетъ ни одного ис-

«ключенія.» — Всякой догадается, что и неперпѣливо хотѣлъ знать его. Хозяинъ мой улынулся съ гордостью — видно было, что онъ вспомнилъ славнѣйшую эпоху жизни своей — поправилъ на головѣ колпакъ, опкашлялся, сѣлъ прямо на креслахъ, значительнымъ движеніемъ руки пригласилъ меня къ вниманію, и съ неизвѣстною важностію громко произнесъ слѣдующее: «Всѣ глаголы, кошорые «въ настоящемъ времени, въ прешьемъ «лицѣ единственнаго числа кончашся на «итѣ, должны во множественномъ числѣ «шого же лица и времени оканчивашся «на ятѣ или атѣ (житѣ, жатѣ; славятѣ, «славятѣ); другое же окончаніе единственнаго числа, съ буквою Е вмѣсто И, «перемѣняешся во множественномъ всегда на ытѣ или ютѣ (владѣетѣ, владѣютѣ; лжетѣ, лгутѣ). Теперь найдише, «любезный другъ, хошя одинъ глаголъ, «кошорый уклонялся бы отъ сего правила! Даю вамъ часъ, годъ, вѣкъ на размышленіе!»

Онъ снова поправилъ колпакъ свой, началъ перешь себѣ ладони пальцами, и не хотѣлъ смотрѣть на меня; чтобы не мѣшашъ мнѣ думашъ. . . . Черезъ нѣскольکو минушъ глубокаго молчанія я смиренно объявилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не умѣю придумашъ ни одного исключенія,

но что не вижу также и большой пользы сего правила. «Пользы!» возразилъ онъ съ живостию: «а развѣ Авшоры наши не пишушъ *надѣются* вмѣсто *надѣются*, *сѣятъ* вмѣсто *сѣютъ* и *стоятъ* вмѣсто *стоятъ*? Самъ я, рожденный для «Граμμαшики, въ семъ случаѣ угадывалъ истину единственно по щастливому вдохновенію Природы! . . . Выслушайте испорію. Паденіе яблока съ дерева, въ глазахъ Невтона, открыло намъ систему *тяготѣнія*: Граμμαшика обязана имъ открытіемъ — ржанію лошадей. Однажды кучеръ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: *два дни сряду у насъ безпрестанно ржатъ лошади*. Врешь, отвѣчалъ я: *надобно говорить ржутъ*. Упрямой кучеръ не хотѣлъ согласиться со мною. Мы призвали другихъ людей: выходила разноголосица. Я беспокоился, ѣздилъ, бѣгалъ по улицамъ, ошанавливалъ знакомыхъ и незнакомыхъ, спрашивая: *ржутъ* или *ржатъ*? Не многіе понимали важность моего вопроса; нѣкоторыя сморбли на меня съ удивленіемъ; другіе смѣялись. Одинъ молодой человѣкъ, короткой вѣкъ верхомъ съ дамою, будучи такимъ образомъ ошановленъ мною и видя, что красавица его испугалась моего граммашического вопроса, махнулъ хлыстомъ и — сдѣлалъ меня Цыкло-

«помѣ навѣки» (Надобно знать, что граммашикѣ нашѣ кривѣ.) «Это бездѣлица; но, кѣ несчастію, я не могѣ употребле-
«ніемѣ языка рѣшить спора моего съ ку-
«черомѣ: одни соглашались со мною,
«другіе съ нимѣ. Надлежало искать пра-
«вила — и чрезѣ 6 мѣсяцевѣ, самыхѣ
«безпокойнѣйшихѣ въ жизни моей, я на-
«шелѣ его (оно уже вамѣ извѣстно): на-
«добно говорить *ржѣтъ*, ибо мы говоримѣ
«*ржетѣ*. *Е* перемѣняетѣся только на *У*
«или *Ю*.»

Я слушалѣ великаго мужа съ искрен-
нимѣ вниманіемѣ и смотрѣлъ на кривой
глазѣ его съ почтеніемѣ. Кто изѣ смерт-
ныхѣ приносилѣ такія жертвы грамма-
шическому любопытству?

Но сей великодушной человѣкѣ, въ
зрѣлыхѣ лѣтахѣ заплашивѣ глазомѣ за
открытіе истины въ *спряженіяхѣ*, еще въ
молодости лишился выгоднаго мѣста отѣ
усердія кѣ правильности *склоненій*. Мы
въ другое свиданіе говорили съ нимѣ объ
именахѣ числительныхѣ: онѣ доказывалѣ,
что наши Грамматики не даютѣ вѣрнаго
правила для сочиненія ихѣ съ другими
именами, и сказалѣ: «Вы найдете въ Грам-
«машикѣ, что надобно говорить: *два ге-*
«*ловѣка, семь рублей*: важное наставленіе!
«Кто изѣ Рускихѣ ошибается въ этомѣ
«случаѣ? Но гдѣ же узнаете, какѣ дол-

«жно пишашъ: съ двумя стали Гранадеръ
 «или Гранадерами, съ двумя тысячами
 «рублей или рублями? Вошъ камень преш-
 «киновенія! вошъ узелъ Гордіевъ!... Лю-
 «безный другъ! теперъ сообщу вамъ мое
 «второе открытіе и разскажу еще анек-
 «дотъ. Я былъ иѣкогда Секретаремъ у
 «Графа N. N. и пользовался его мило-
 «стію. Онъ приказалъ мнѣ однажды сочи-
 «нить письмо къ Министру о важномъ
 «дѣлѣ. Я уже дописывалъ его, но вдругъ
 «остановился; надобно было сказать: въ
 «осмидесяти тысячахъ рублѣхъ или руб-
 «лей: какъ же правильнѣе? думалъ, ло-
 «малъ голову; часы и дни проходили.
 «Графъ претовалъ письма, и слыша все
 «одинъ отвѣтъ: не готово! наконецъ такъ
 «разсердился, что не велѣлъ меня выпу-
 «скашъ изъ горницы и осудилъ, какъ Ан-
 «глійскаго Присяжнаго, на голодную
 «смерть, ешлы не исполню своей
 «должности. Неволья и голодъ безъ со-
 «мнѣнія непріятны, но ужаснѣе всего оши-
 «бишся противъ Грамматики, и я три
 «дни не пилъ, не ѣлъ, не спалъ, а въ
 «четвершой, по милости Неба, нашелъ
 «правило — дописалъ письмо, и едва
 «могъ, отъ изнуренія силъ, допачишъся
 «до Графскаго кабинета, чтобы вручишъ
 «ему бумагу. Онъ хотѣлъ знашъ причину
 «моего неизвясимаго упрямства — и

«душа моя, обрадованная великимъ оп-
 «крытіемъ, излилась передъ нимъ въ ис-
 «креннемъ признаніи. Графъ засмѣялся,
 «подарилъ мнѣ осыпанную бриліанпами
 «шабакерку, но велѣлъ искать другаго
 «мѣста, сказавъ: тебѣ и впредь могутъ
 «встрѣтаться грамматическія сомнѣнія, а
 «бумаги мои требуютъ скорости.»

Я желалъ свѣдать правило, которое
 выгнало его изъ Графской Канцеляріи.
 «Вотъ оно,» ошвѣчалъ великодушный
 Грамматики (разумѣется, что онъ опять
 взялъ на себя видъ законодателя, копо-
 рый въ вышней протѣ даетъ уставы
 вселенной): «если имя числительное не
 «имѣетъ рода (какъ-то: два, пять, де-
 «сятъ, семьдесятъ), то существительное
 «должно быть съ нимъ въ одномъ паде-
 «жѣ, и мы говоримъ: въ шестидесяти ру-
 «бляхъ, а не рублей; когда же число имѣ-
 «етъ родъ (на примѣрѣ: латокъ, десятокъ,
 «сотня, тысяча, миллионъ) по имени, за
 «нимъ слѣдующее, должно быть всегда
 «въ родительномъ падежѣ, и надобно гово-
 «ришь: тысячами рублей, въ миллионѣ душъ,
 «а не тысячами рублями, не въ миллионѣ
 «душъ. Когда же за тысячами или за
 «милліономъ слѣдуетъ число безродное,
 «то существительное принимаетъ его па-
 «дежъ, и надобно писать: съ двумя тыся-
 «чами двадцатью Гранадерами, а не Гра-

«надерѣ.» — — Хорошо, сказалъ я: но
 число сто имѣешь ли родѣ по сему пра-
 вилу, и какъ надобно сочиняшь его съ
 именами? — «Браво, браво, любезный
 другъ!» опившиспвовалъ ученый мужъ:
 «этошѣ вопросѣ доказываешь, что Геній
 Грамматики, пролетая вселенную, мах-
 нулъ крыломъ надъ швоею головою!
 Такъ, число сто приводило меня въ со-
 мнѣніе; но я увѣрился наконецъ, что оно
 имѣешь родѣ, когда мы говоримъ: первое
 сшо, второе сшо, и когда оно упо-
 шребляешь во множесшвенномъ числѣ:
 пять сотѣ, шесть сотѣ, и проч. Это
 рѣшишельно—и въ слѣдствіе моего пра-
 вила должно говоришь: съ тремя стами
 Рускихѣ, а не Рускими. — Такимъ обра-
 зомъ любовь къ великой наукѣ опѣ вре-
 мени до времени производитъ откры-
 шія; но (говорю и повшоряю), что Рос-
 сійская Грамматика есть донинѣ богиня
 Изида въ пеленахъ: никшо еще не обна-
 жилъ всѣхъ ея тайностей. Мой другъ!
 гораздо легче имѣшь полную, ясную,
 мудрую систему гражданскаго законо-
 дательсшва, нежели языка; гораздо
 легче сдѣлашься всѣмъ судьямъ правосуд-
 ными, нежели всѣмъ Писателямъ грамош-
 ными». . . . Тутъ я невольнымъ образомъ
 воскликнулъ: цвы! . . . Грамматикъ мой
 продолжалъ: «Разумѣю ваше, любезный

другъ, *междоуміе*; оно конечно горестно;
но шакъ вѣчнымъ Судьбамъ угодно!...

O Grammaire, abyme immense!

Tu nous laisses sans clarté,

Notre sort est l'ignorance:

Le savoir est vanité (*).

« Мы щасливы и шѣмъ, что можемъ на-
« дѣяться—и я заказалъ уже первому жи-
« вописцу нашей Академіи представитъ
« на каршинѣ Минерву, выходящую въ
« блестящихъ доспѣхахъ изъ Юпитерова
« мозга: она будетъ для меня образомъ
« Грамматики, которая со временемъ вы-
« дѣтъ изъ головы мудрецовъ Россійскихъ,
« вооруженная вѣрными правилами на все
« возможные случаи языка. Въ послѣднюю
« минушу жизни моей взгляну на эту
« каршину, и спокойно закрою глаза на-
« вѣки! »

Но сей огненный любовникъ правилъ
не можетъ терпѣть излишно строгихъ.
Онъ разсердился до крайности на сочи-
нителей упомянутой новѣйшей Грамма-
тики, которые говорятъ рѣшительно,
что предлогъ *между* требуетъ всегда па-
дежа творительнаго, и что родительный
есть въ такомъ случаѣ ошибка. « Мой
« другъ! » сказалъ онъ: употребленіе есть

(*) Пародія Вольтеровыхъ стиховъ: O nature, abyme immense!

«избалованное дитя народовъ, съ копо-
 «рымъ не лзя обходиться сурово; на-
 «добно во многомъ щадить его. Давно
 «уже Рускіе говорятъ: *между полями и*
 «*между полей*, соображаясь иногда съ
 «пріятностію слуха. Сохрани насъ Богъ
 «отъ пиранства! Грамматику долженъ
 «быть добродушнымъ и жалостливымъ,
 «особливо къ стихотворцамъ. Ахъ! они
 «и такъ не рѣдко спенаютъ отъ упру-
 «гости длинныхъ словъ въ языкъ Ру-
 «скомъ: начпо ихъ обременять лишними
 «слогами? Нѣтъ, у насъ не каменные
 «сердца; нѣтъ! Грамматику чувствитель-
 «ной, и даже справедливой, съ обыкно-
 «венною искренностію скажетъ имъ: пи-
 «шите смѣло *между яминовъ и лилей*, вы,
 «невинныя дѣти Аполлоновы! Пишите,
 «какъ вамъ угодно — какъ вамъ угодно,
 «друзья мои!» . . .

Тутъ голосъ его такъ смягчился, на
 лицѣ изобразилась такая добродушная,
 милая, нѣжная улыбка, что слезы пока-
 тились изъ глазъ моихъ О торже-
 ство чувствительности даже и въ самой
 Грамматику! Одно воспоминаніе сей
 минуты прогаеъ мое сердце — и я дол-
 женъ бросить перо!!

О ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ.

Левекъ говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ учредилъ Тайную Канцелярію, и, какъ легкій Французской Авторъ, прибавляетъ: «жаль! онъ былъ впрочемъ хорошій Государь!» Мы знаемъ, какъ по большой части Французы пишутъ Историю, и не удивляемся. Гораздо важнѣе то, что Г. Шлецеръ, бывший нѣсколько лѣтъ Профессоромъ Руской Истории въ нашей Академіи — (иностранный Профессоръ Руской Истории!!) — шутилъ надъ Левекомъ, и называя его не *Историкомъ*, а *гравѣромъ* Левекомъ, также приписывалъ учрежденіе Тайной Канцеляріи Алексѣю Михайловичу. «Ужасъ ея, говоритъ онъ, такъ поразилъ умы, что перо выпало изъ рукъ лѣтописцевъ, и всѣ лѣтописи перервались въ царствованіе сего Государя.» Это, на примѣръ, очень любопытно, естли справедливо; но могъ ли Г. Шлецеръ, ученый Кришникъ и спрашанный любитель нашей Истории, не усомниться въ истинѣ такого случая? Естли и словесная кришика важна въ Истории, то философическая еще важнѣе.

Канѣ! Царѣ Алексѣй Михайловичѣ, доброй и челоѣколюбивой, основалъ спрашное судилище? и для чего? какія чрезвычайныя опасности и заговоры могли оправдать сіе учрежденіе? Въ царствованіе славное и крошкое подняло голову чудище?? при Государѣ, котораго Бояре Рускіе окружали съ любовію и почтеніемъ (ибо Онѣ не казилъ и не душилъ ихъ подобно Ивану Васильевичу, не боялся ихъ подобно Годунову, не равнялся съ ними подобно Шуйскому, и царствовалъ смѣлѣе, надежнѣе своего родителя)—при Государѣ, который иногда (на примѣрѣ во время Новгородскаго и Псковскаго мятежа, во время двухъ бунтовъ Московской черни) умѣлъ быть правосуднымъ, но всегда любилъ прощать и миловать?? Кшождѣ были жертвами его Тайной Канцеляріи? Развѣ Онѣ учредилъ ее для того, чтобы она дремала въ бездѣйствіи? Олеарій (*), Маербергъ, говоря о происшествіи

(*) Олеарій, какъ извѣстно, былъ Секретаремъ Посольства, отправленнаго Голштинскимъ Герцогомъ въ Персію чрезъ Москву въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Алексѣй Михайловичъ, восшедши на престолъ, звалъ Олеарія въ Россію, и въ письмѣ своемъ, учтивомъ и ласковомъ, называетъ его *Географусомъ небеснаго бѣга*. *Notus soit qui mal у pense!* Довольно, что Онѣ любилъ ученыхъ людей, въ такое время, когда въ Россіи не умѣли еще и называть ихъ.

віяхъ (и самыхъ маловажныхъ) Его времени, безъ сомнѣнія рассказали бы нѣкоторые анекдоты *Руской жестокости* (*), которую иностранцы всегда любили изображать яркими красками. Самое преданіе сохранило бы для потомства память начальныхъ ужасовъ тайнаго судилища, елики бы они и въ самомъ дѣлѣ заставили молчать лѣнописцевъ. Но можно доказать, что царствованіе Михаила Тео-

(*) Подобно замѣтивъ, что всякой народъ въ Европѣ ославленъ съ какой нибудь худой стороны, и что всѣ обыкновенные путешественники основываютъ наблюденія свои на предразсудкѣ: во Франціи они ищутъ легкомысленныхъ, въ Италіи злобныхъ и мстительныхъ, въ Гишпаніи лѣнивыхъ, въ Англіи чудаковъ, въ Германіи педантовъ, а въ Россіи варваровъ. Случаи и характеры, которые не согласны съ общимъ предразсудкомъ о народѣ, остаются неуваженными. Гораздо легче утвердись за другими, нежели наблюдать и мыслить. Люди, которые даже славятся умомъ своимъ въ Европѣ, не рѣдко судятъ такимъ образомъ о народахъ, и Виндэмъ сказалъ въ Парламентѣ, что Рускіе варвары; что солдаты наши разбойники, грабители! Сей Ораторъ-Донъ-Кихотъ повторилъ фразу своего дѣдушки, не заботясь о томъ, справедлива ли она въ наше время; иначе, узнавъ, что въ Италіи, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ говорятъ о дисциплинѣ Англійскихъ и Рускихъ солдатъ, онъ нашелся бы принужденнымъ называть варварами первыхъ. Какъ люди, такъ и народы должны презирать клевету. Устыдиться можно единственно тѣхъ, которые имѣютъ стыдъ; а клеветники, по счастью, не знаютъ его въ глаза.

доровича и Алексѣя Михайловича была, напрошивъ того, цѣлующимъ временемъ Рускихъ лѣтописей, перерванныхъ нещастіями Россіи. Естли имѣемъ описаніе временъ Годунова, Димитрія Самозванца, Шуйскаго и славныхъ папріотическихъ дѣлъ междоцарствія, то мы обязаны тѣмъ спокойному вѣку великихъ Романовыхъ. Добрые монахи, которые въ нашествіе Поляковъ служили для Рускихъ не только примѣромъ любви къ отечеству и къ Вѣрѣ, но и примѣромъ храбрости, могли тогда снова обратиться къ мирнымъ упражненіямъ благочестивой жизни и къ похвальной охотѣ своей быть Историками отечества. Смѣло требую свидѣтельствъ всѣхъ знакомыхъ съ манускриптами нашихъ монастырскихъ библіотекъ: на многихъ историческихъ рукописяхъ именно означено время ихъ сочиненія, и сіе время есть — царствованіе Михаила и великодушнаго Сына Его. Я самъ имѣю одну лѣтопись, тогда писанную и доведенную до начала Польской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ; въ концѣ ея поставленъ 1664 годъ. Гдѣ же страхъ, произведенной Тайною Канцеляріею? Гдѣ оубѣвніе лѣтописцевъ? спрашиваемъ у Г. Шлецера; но онъ развертываетъ первый томъ Тапищева, показываетъ намъ страницу 59 — и мы

оставляемъ въ покоѣ сего ученаго иностранца, достойнаго нашей искренней благодарности за то, что онъ во многихъ случаяхъ умною своею крипикою способствуемъ основательности Исторіи Руской.

Такъ, Г. Ташищевъ ввелъ въ заблужденіе и Левека и Шлецера; онъ именно говорилъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ, основавъ Тайную Канцелярію, устрашилъ лѣтописцевъ и заставилъ ихъ безмолвствовать. «Могъ ли грубо ошибиться нашъ умной, трудолюбивой Историкъ?» скажутъ нѣкоторые: «онъ конечно писалъ то, что зналъ, и что въ самомъ дѣлѣ было.» — Вы не совсемъ ошибаетесь, милоспивые государи: *Тайная Канцелярія* точно была при Алексѣѣ Михайловичѣ. . . «Слѣдственно Ташищевъ правъ?» Нѣтъ! *тайная* значила *домашняя* или *приватная* (*): въ сію канцелярію входили экономическія дѣла Государевы; подъ ея вѣдѣніемъ находились нѣкоторые села и деревни, которыя онъ считалъ собственными: на примѣръ, село Алексѣевское, Тайнинское; и когда Царь хотѣлъ изъяснить Свое опмѣнное благоволеніе къ какому нибудь монастырю,

(*) Chancellerie privée. По-Руски называемъ мы и Conseiller privé Тайнымъ Совѣшникомъ.

Онѣ подчинялъ его Тайной Канцеляріи: на примѣрѣ, Савинскій, котораго всѣ расходы и счесть въ ней повѣрялись (*). Дьякъ или Секретарь управлялъ ею, всюду ѡзжалъ съ Государемъ и писалъ *личные* Царскіе указы. Однимъ словомъ, она была Кабинетомъ и никогда не занималась наказаніемъ государственныхъ преступниковъ. Имя *тайной* обмануло Тапищева: онѣ вообразилъ по гибельное судище, которое прославилось, къ нещастію, въ новѣйшія времена; а находя, что многія лѣтописи идутъ по большой части не далѣе кончины Михаила Ѳеодоровича, заключилъ, что монахи не смѣли писать ихъ при Его сынѣ, и догадку свою выдалъ за историческую истину, вмѣстѣ съ лѣтописію Іоакима и многими любопытными анекдотами, которыхъ источника мы никогда не узнаемъ.

Лѣтописцы наши не Тапишны: не судили Государей; рассказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящія — воинскіе успѣхи, знаки набожности, и проч. *Левъ не раздѣвалъ телостей за такими Историками*, и самъ ужасный Царь Иванъ Васильевичъ могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, пушешествій къ Троицѣ

(*) Вамъ снажутъ объ этомъ и въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ и въ Савинскомъ монастырѣ.

и въ другіе монастыри. Только славной Бояринъ Курбскій не утѣшилъ бы его своими записками: за то сей достойной мужъ убрался въ Польшу, чтобы оставишь намъ *вѣрное*, но едва *вѣроятное* изображеніе Государя своего. — Однакожь мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за Рускія лѣтописи. Безъ ихъ труда исчезла бы и память старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нѣшь случаевъ — и когда время Петра Великаго и спрогя, взяшья имъ мѣры прошивъ монаховъ опняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжашъ лѣтописи. Исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ. Кто у насъ думалъ заготовляшь ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы? Правда, есть Архивъ иностранныхъ дѣлъ; но собранія правительственныхъ и дипломатическихъ бумагъ не довольно для Историка. Надобно будетъ читашъ иностранцевъ; а какъ вѣрно описываютъ они случаи и людей, мы знаемъ по ихъ извѣстіямъ о нашихъ временахъ! Надобно будетъ обратиться къ преданіямъ: но скоро исчезнетъ слѣдъ ихъ. Гдѣ старцы, которые еще недавно говаривали со слезами о Петрѣ Великомъ? Не много уже и павихъ, которые говорятъ о правленіи

Анны, о несчастіи Долгорукихъ, о люто-
стяхъ Бирона, о весельяхъ Двора Ели-
саветы — и кто ихъ слушаетъ со вни-
маніемъ? У насъ заняты головы такими
важными дѣлами!!...

Обратимся къ Тайной Канцеляріи. Же-
лаете ли видѣть ея *первую* сцену? Поди-
те въ село Преображенское, которое на-
дѣляетъ Москву хорошею водою — тамъ,
среди огородовъ, укажутъ вамъ развалины
небольшаго каменнаго зданія: тамъ Вели-
кой Императоръ! преобразуя опечесство,
и на всякомъ шагу встрѣчая неблагодар-
ныхъ, злые умыслы и заговоры, *долженъ*
былъ для Своей и государственной без-
опасности основать сіе ужасное судили-
ще... Такъ, Петръ Великій былъ его
учредителемъ; но Исторія не дерзнетъ
обвинять славнаго Монарха: жестокія
обстоятельства заставили Его прибѣг-
нуть къ жестокому средству... Я ви-
дѣлъ глубокія ямы, гдѣ сидѣли несчаст-
ные; видѣлъ желѣзныя рѣшетки въ ма-
ленькихъ окнахъ, сквозь которыя про-
ходилъ свѣтъ и воздухъ для сихъ госу-
дарственныхъ преступниковъ. Воспоми-
наніе конечно горестное; но въ ту же
минуту вы произносите имя Алексан-
дра, и сердце ваше опдыхаетъ!

Я чувствую великія дѣла Петровы,
и думаю: «щасливы предки наши,

которые были ихъ свидѣтелями! «о одно-
кожъ — не завидую ихъ щасію! Гораздо
веселѣе жить въ то время, когда въ Пре-
ображенскомъ поливають землю не кро-
вію, а водою для произведенія овощей и
салата!

Если бы кто нибудь въ царствованіе
Александра могъ быть еще недово-
ленъ — (но мы для одной реторической
фигуры предполагаемъ сію возможность)
— то я желалъ бы въ лѣтній вечеръ сво-
дити его въ Преображенское!

г. 1803.

ЩАСТЛИВѢЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заспавило Цицерона хвалишь спарость; однако жъ не думаю, чшобы шракшаѣ его въ самомъ дѣлѣ ушѣшилъ спарцевъ: остроумію легко плѣнитъ разумъ, но трудно побѣдитъ въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалишь болѣзнь? а спарость сеспра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, чшо всѣ дѣйствія Нашуры и всѣ феномены ея для насъ благошворны — въ общемъ планѣ, можешъ бышь; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, шо человѣку и не лѣзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не Философія, а игра ума: Философія занимается только ясными испинами, хошя и печальными; ошвергаетъ ложь, хошя и пріятную. Творецъ не хошѣлъ для человѣка снятъ завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчештво, сіе всегдашнее бореніе

слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастье, столь рѣдкое, омрачается мыслию, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однако жъ слова: *благо* и *счастье*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ счастье!

Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливейшею по сравненію*? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное) но — *последнюю степень физической зрѣлости* — время,

когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полношѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣшно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру спрасшей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находить истинную мѣру вещей, соглашаешь съ нею желанія сердца и даешь жизни общій *характеръ благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сіа истина доказываетъ мнѣ благородство человека. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкошорые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей Натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человекъ за приращеніемъ лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаешь уже такъ спрасями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его щастливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бываютъ уже супругами, опцами, и на-

слаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чѣмъ бы не бѣгашъ вдаль за удовольствіями; перестаемъ спранспивовать по шумнымъ обласіямъ мечтанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, пребывемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хошимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе. . . . Поля, нашими трудами обогащенные — садикъ, нами обработанный — земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опышнаго челоѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призракы воображенія и спрасшей, копорые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже

пролетѣла ея быстрая половина . . . такъ
оспашки ясныхъ осеннихъ дней распла-
тають насъ живѣе чувсвовать прелестъ
Нашуры; думая, что скоро все увянетъ,
боимся пропустить минушу безъ насла-
жденія! . . . Юноша неблагодаренъ: вол-
нуемый темными желаніями, безпокой-
ный отъ самаго избытка силъ своихъ,
съ небреженіемъ спускаетъ онъ на цвѣ-
ты, которыми природа и судьба укра-
шаютъ спезю его въ міръ: человекъ,
искушенный опытами, въ самыхъ горе-
сняхъ любящъ благодарить Небо со-
слезами за малѣйшую опраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и тор-
жествуетъ Геній. . . . Ясный взоръ на
міръ открываетъ истину, воображеніе
сильное представляетъ ея черты живо
и разительнo, вкусъ зрѣлый украшаетъ
ее простою, и шворенія ума человѣче-
скаго являющіяся въ совершенствѣ, и шво-
рецъ дарзаетъ наконецъ простираетъ ру-
ку къ попомству, бытъ современникомъ
вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Моло-
дость любящъ въ славѣ только шумъ, а
душа зрѣлая справедливое, основательное
признаніе ея полезной для свѣта дѣя-
тельности. Истинное славолубіе не вол-
нуетъ, не терзаетъ, но сладостно покр-
ишь душу, среди монументовъ тлѣнія и
смерти открывая ей путь безсмертія

талантовъ и разума: мысль утѣшительная для сущесва, которое спольво любитъ жить и дѣйствовать, но споль не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и шоску свою; помню восторги, но не помню щасія: его не было въ сей бурной спремительности чувствъ въ непрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣтахъ кипѣнія спрасей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!* — если бы въ то же время могъ сказать и мерпвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

г. 1803.

ЗАПИСКИ СТАРАГО МОСКОВСКАГО ЖИТЕЛЯ.

Эмилиа уѣхала въ деревню, и Бостонъ нашъ разстроился; на *булеварѣ* нѣтъ ни души, ибо время не благопріятно для гулянья: куда же мнѣ дѣваться, и что дѣлать? Отъ скуки всего лучше писать; въ такомъ случаѣ перо служитъ *отводомъ* ея, и передаетъ всю скуку Автора читателямъ. Какое мнѣ до нихъ дѣло! всякой о себѣ думай. . . . Къ тому же мнѣ спукуло 62 года, и я жилъ не съ завязанными глазами въ свѣтѣ: сколько важныхъ наблюдений могу сообщить любознательнымъ, не хуже того *славнаго эфемера*, который, родясь на восходѣ солнца, видитъ себя въ глубокой старости при его заходѣ, и съ краснорѣчіемъ Доктора Франклина (Автора сей остроумной басни *) рассказываетъ юнѣйшимъ эфемерамъ о великихъ перемѣнахъ свѣта, замѣченныхъ имъ въ теченіи столѣ

*) Она напечатана въ Московскомъ Журналѣ.

долгаго времени, то есть въ 15 или 16 часовъ! Боже мой! сколько сдѣлалось перемѣнъ и на моихъ глазахъ! Красавицы подурѣли, веселыя женщины стали улымыми; въ рукахъ, копорыя прежде такъ мило играли опахаломъ и въ легкомъ вальсѣ обнимали щасливыхъ Зефировъ, вижу теперь чешки или карты; взоры, съ копорыми нѣкогда всѣ другіе встрѣчались, нынѣ бродящъ уединенно по залѣ, наполненной людьми невнимательными. Многіе умники обратились въ глупцовъ, честные люди въ бездѣльниковъ, подлецы въ гордецовъ, святоши въ вольнодумцевъ и вольнодумцы въ святошъ. Однимъ словомъ, я старой эфемеръ, замѣчалъ мешаморфозы въ жизни, копорыя споятъ Овидіевыхъ; видѣлъ все, кромѣ того, чтобы плушъ дѣлались честными, а глупцы умными.

Но не лѣзя пишашъ обо всемъ, что знаешъ: назовушъ Саширикомъ; а я никогда не любилъ сего имени, можетъ бышъ отъ того, что оно всегда напоминаетъ мнѣ гнусную фигуру Сапира. Не хочу также сообщашъ наблюдений, копорыя можно растолковашъ въ худую сторону для настоящаго времени; скажушъ: «шаковы спарики! хваляшъ, чего уже нѣшъ, а все новое осуждаюшъ!» Нѣшъ, брошу на бумагу замѣчанія самыя

невинныя и служащія неоспоримымъ доказательствомъ того, что все идетъ къ лучшему въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ у насъ на Руси... Но въ такомъ случаѣ должно подумать....

«Господинъ! господинъ! не надобно ли вамъ цвѣтовъ?»... Этошъ голосъ, перервавъ нить идей моихъ, могъ бы чрезмѣрно разсердить меня, если бы онъ былъ не женской; но я, по старой привычкѣ, все еще не умѣю сердиться на женщинъ... Смогъ и вижу сельскую невинность, которая, остановясь передъ окномъ моего низенькаго домика, показываетъ мнѣ букетъ свѣжихъ ландышей. Встаю съ кресла какъ молодой человекъ (ибо у меня еще нѣтъ подагры), даю деньги, беру цвѣты, нюхаю ихъ, и снова ищу въ головѣ мыслей... Но чего лучше? этошъ букетъ можетъ быть темною... Безъ сомнѣнїя!... Задумываюсь на минушу и восклицаю: «слава нынѣшнему просвѣщенію и великимъ успѣхамъ его въ Москвѣ бѣлокаменной!»

Такъ, на моей памяти образовалась въ нашей столицѣ сія новая отрасль торговли; на моей памяти стали продавать здѣсь ландыши. Если докажу мнѣ, что въ шестидесятихъ годахъ хотя одинъ сельской букетъ былъ купленъ на Московской улицѣ, то соглашаюсь бро-

силь перо свое въ первой огонь, кошорый разведу осенью въ моемъ каминѣ. . . . Изъ чего мы, Философы, заключаемъ, что Московскіе жители просвѣпились: ибо любовь къ сельскимъ цвѣтамъ есть любовь къ Нашурѣ; а любовь къ Нашурѣ предполагаетъ вкусъ ибжнй, ушонченнй Искусствомъ. Какъ первые приемы Философіи склоняютъ людей къ вольнодумству, а дальнѣйшее упошребленіе сего драгоцѣннаго элексира снова обращаетъ ихъ къ Вѣрѣ предковъ: такъ первые шаги общежитія удаляютъ человека отъ Нашуры, а дальнѣйшіе снова приводятъ его къ ней. Старинные Рускіе Бояре не заглядывали въ деревню, не имѣли загородныхъ домовъ и не чувствовали ни малѣйшаго влеченія наслаждаться Природою (для кошорой не было и самаго имени въ языкѣ ихъ); не знали, какъ милы для глазъ ландшафты полей, и какъ нуженъ для здоровья деревенскій воздухъ. . . . Правда, что они были здоровѣе нашего; но это неизбяснимое чудо! . . . О варварство! они гуляли только въ своихъ огородахъ, гдѣ сидя подъ тѣнію черемухи, пивали холодный медъ изъ стопъ оловянныхъ; не имѣли даже и цвѣтничковъ; въ глаза не знали великолѣпной душистой розы, кошорую уже во время Царя Михаила Ѳеодоровича привезъ въ

Москву Голишинецъ Петръ Марселлинъ (*)! — Только при Государѣ Петрѣ Великомъ Знашныя начали строить дома въ Подмосковныхъ; но еще за 40 лѣтъ передъ симъ богатому Рускому дворянину казалось стыдно выѣхать изъ столицы и жить въ деревнѣ. Какая розница съ нынѣшнимъ временемъ, когда Москва совершенно пущѣетъ лѣтомъ; когда всякой дворянинъ, насытившись въ зиму городскими удовольствіями, при началѣ весны спѣшитъ въ село, слышать первый голосъ жаворонка или соловья! А кто долженъ оспаться въ Москвѣ, чтобъ желаетъ по крайней мѣрѣ переселиться за городъ; число сельскихъ домиковъ въ окрестностяхъ ея годъ отъ году умножается; ихъ занимаютъ не только дворяне, но и купцы. Мнѣ случилось въ одной Подмосковной деревнѣ видѣть крестьянскій сарай обращенный въ комнату въ диванами: тутъ въ хорошее время года живетъ довольно-богатый купецъ съ своимъ семействомъ. Въ городѣ у него каменной домъ и большой садъ; но онъ говоритъ: «что можетъ сравняться лѣтомъ съ пріятностію сельской жизни?» Самые ремесленники любятъ уже весе-

(*) Прежде въ Россіи извѣстны были однѣ дикія розы.

лисья хорошимъ днемъ на чистомъ воздухѣ. Побѣжайте въ Воскресенье на Воробьевы горы, къ Симонову монастырю, въ Сокольники: вездѣ множество гуляющихъ. Поршные и сапожники съ женами и дѣтьми рвутъ цвѣты на лугахъ, и съ букетами возвращаются въ городъ. Мы видали это въ чужихъ земляхъ, а у насъ видимъ только съ нѣкотораго времени, и должны радоваться. Еще не такъ давно я бродилъ уединенно по живописнымъ окрестностямъ Москвы и думалъ съ сожалѣніемъ: «какія мѣста! и никто не наслаждается ими!» а теперь вездѣ нахожу общество!

Однимъ словомъ, Рускіе уже чувствуютъ красоту Природы; умѣютъ даже украшать ее. Оббѣжайте Подмосковныя: сколько прекрасныхъ домиковъ, Англійскихъ садовъ, сельскихъ заведеній, достойныхъ любопытнаго взора просвѣщенныхъ иностранцевъ! На примѣръ, село Архангельское, въ 18 верстахъ отъ Москвы, вкусомъ и великолѣпіемъ садовъ своихъ можешь удивить самаго Британскаго Лорда; щасливое, рѣдкое мѣстоположеніе еще возвышаетъ красоту ихъ. Рощи — гдѣ дикость Природы соединяется съ удобствами Искусства, и всякая дорожка ведетъ къ чему нибудь пріятному: или къ хорошему виду, или

къ обширному лугу, или къ живописной дичи — наконецъ заступающъ у насъ мѣсто такъ называемыхъ, *правильныхъ садовъ*, кошорые ни на что не похожи въ Нашурѣ и совсѣмъ не дѣйствуютъ на воображеніе. Скоро безъ сомнѣнія перестанемъ рыть и пруды, въ увѣреніи, что самой маленькой ручеекъ своимъ быстрымъ теченіемъ и журчаніемъ оживляетъ сельскія красоты гораздо болѣе, нежели сіи *мѣтныя зеркала*, гдѣ гнѣтъ вода неподвижная....

Знаете ли, что и самой Московскій *булеваръ*, каковъ онъ ни есть, доказываетъ успѣхи нашего вкуса? Вы можете засмѣяться, государи мои; но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе рождаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о кошорыхъ, на примѣръ, не думаютъ грубые Азіатцы, и кошорыми славились умные Греки. Гдѣ граждане любятъ собираться ежедневно въ пріятной свободѣ и смѣси разныхъ состояній; гдѣ знатные не стыдясь гуляютъ вмѣстѣ съ незнаемыми, и гдѣ одни не мѣшаютъ другимъ наслаждаться яснымъ лѣтнимъ вечеромъ: тамъ уже есть между людьми то щастливое сближеніе въ духѣ, которое бываетъ слѣдствіемъ утонченнаго гражданскаго образованія. Предки наши не имѣли въ Москвѣ гульбища;

даже и мы еще весьма не давно захотѣли имѣть сіе удовольствіе, но за то очень любимъ его. Жаль только, что нашъ *булеваръ* скупъ на шѣнь и до крайности щедръ на пыль; онъ же, къ несчастью, именемъ своимъ напоминаетъ *булевары* Парижскіе, столь прекрасные и сѣнистые! Древней столицѣ Рускаго царства больно въ чемъ нибудь завидовать другимъ Европейскимъ городамъ. Хорошее гульбище даетъ какую-то выгодную идею о самыхъ жителяхъ; и для того Швейцары, знакомясь съ иностранцемъ, къ нимъ пріѣхавшимъ, тотчасъ ведутъ его на свои прелестныя *террасы*, въ свои шѣнистыя алеи, которыя украшаютъ всѣ города ихъ...

Иногда думаю, гдѣ бытъ у насъ гульбищу, достойному столицы — и не нахожу ничего лучше берега Москвы рѣки (*) между каменнымъ и деревяннымъ мостомъ, есѣли бы можно было сломать стѣну Кремлевскую стѣну, тору къ Соборамъ устлать дерномъ, разбросать по ней кусточки и цвѣтники, сдѣлать уступы и крыльцы для всхода, соединить такимъ образомъ Кремль съ набережною,

(*) Тамъ уже заводилось гульбище; но Кремлевская стѣна ни мало не весела для глазъ. Тогда же берегъ не былъ еще выстланъ камнемъ.

и внизу насадить алею. Тогда, смѣю сказать, Московское гульбище сдѣлалось бы однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Древній Кремль съ главоглавыми Соборами и гошическимъ дворцомъ своимъ; большая зеленая гора съ пріятными оплогоспями и цвѣтниками; рѣка не малая и довольно красивая, съ двумя мостами, гдѣ всегда движется сполько людей; огромный Воспитательный домъ съ одной стороны, а съ другой длинный, необозримый берегъ съ маленькими домиками, зеленью и громадами плошоваго лѣса; вдали Воробьевы горы, лѣса, поля — вотъ картина! вотъ гульбище, достойное великаго народа! Тогда жительство Парижа или Берлина, сѣвъ на уступѣ Кремлевской горы, забылъ бы свой *булеваръ*, свою *Липовую улицу*... Воображаю еще множество лодокъ и шлюпокъ на Москвѣ-рѣкѣ съ разноцвѣтными флагами, съ роговою музыкою: ежедневное собраніе людей на берегу ея безъ сомнѣнія произвело бы сію охоту забавляться и забавлять другихъ... Сверхъ того Кремль есть любимѣйшее мѣсто въ Россіи по своимъ богатымъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя еще возвысили бы пріятность сего гульбища, занимая воображеніе.

Но это одна мысль. Кремлевская стѣна есть нашъ Палладіумъ: кто смѣетъ къ ней прикоснуться? Развѣ одно время разрушитъ ее, такъ же, какъ оно разрушило стѣну вокругъ Бѣлаго города и Земляного: ибо и сей послѣдній былъ нѣкогда окруженъ башнями (деревянными)... И такъ удовольствуемся своимъ *булеваромъ*! куда, государи мои, вы дозволите мнѣ и теперь опраться: ибо облака разсѣялись и солнце проглянуло. Бросаю перо до первой скучной минушy, въ которую могу еще поговорить съ вами о другихъ перемѣнахъ въ Москвѣ бѣлокаменной и новыхъ выгодахъ нашего времени.

г. 1803.

Анонимъ.

О БОГДАНОВИЧЪ
И
ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ (*).

Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ родился въ 1743 году, Декабря 23, въ щасливомъ климатѣ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности; ему и нѣжной матери онъ единственно обязанъ первымъ своимъ образованіемъ. — Таланты иногда долго зрѣютъ, но всегда рано открываются: уже въ дѣтствѣ Богдановичъ спрасно любилъ чтеніе, рисованье, музыку и стихотворство.

Въ 1754 году отвезли его въ Москву и опредѣлили въ Юстицъ-Коллегію Юнкеромъ. Президентъ ея, Г. Желябужскій,

(*) Съ величайшею благодарностію Авторъ воспользовался извѣстіями, доставленными ему почтеннымъ братомъ шворца *Душеньки*, Иваномъ Федоровичемъ Богдановичемъ, но прибавилъ къ нимъ и нѣкоторыя анекдоты, слышанные имъ отъ людей, которые были коротко знакомы съ покойникомъ.

замѣшилъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, и дозволилъ ему учиться въ Математической школѣ, бывшей тогда при Сенапской Конторѣ. Но Математика не могла быть наукою человѣка, рожденнаго для Поэзіи; числа и линіи не питающъ воображенія. Богдановичъ, ушомленный Арифметикою и Геометріею, отдыхалъ за швореніями Ломоносова, котораго лира гремѣла и плѣняла тогда Россіянъ, еще не спрогихъ судей въ Поэзіи, но уже чувствительныхъ къ великимъ красотамъ ея.

Драматическое Искусство сильно дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу; разборчивость вкуса приходитъ только съ лѣтами и съ тонкимъ образованіемъ душевныхъ способностей: не мудрено, что пылкой молодой человѣкъ, увидѣвъ въ первый разъ драматическія представленія, сіи живыя картины спрашешъ, такъ плѣнился ими, что готовъ былъ сдѣлать безразсудность. Однажды является къ Директору Московскаго Театра мальчикъ лѣтъ пятнадцати, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ дворянинъ и желаетъ быть — актеромъ (*). Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаетъ его охоту

(*) Это слышалъ я отъ самаго безсмертнаго шворца Россіады.

къ ученью и стихотворству; доказыва-
 ешь ему неприличность актёрскаго зва-
 нія для благороднаго чловѣка; записы-
 ваетъ его въ Университетъ и беретъ
 жишь къ себѣ въ домъ. Сей мальчикъ
 былъ Ипполитъ (*) Богдановичъ, а Ди-
 ректоръ Театра (что не менѣе достой-
 но замѣчанія) Михайло Матвѣевичъ Хе-
 расковъ. И такъ щасливая звѣзда при-
 веда молодаго ученика Музъ къ ихъ зна-
 менитому любимцу, который, имѣя самъ
 великій палантъ, умѣлъ открывать его
 и въ другихъ. — Тогда Богдановичъ уз-
 налъ правила языка и стихотворства,
 языки иностранные, и приобрѣлъ другія
 свѣдѣнія, необходимыя для надежныхъ
 успѣховъ дарованія; наука не даетъ па-
 ланша, но образуетъ его. Творецъ Россі-
 яды былъ ему полезенъ наставленіями,
 совѣтами и примѣромъ. Богдановичъ учил-
 ся въ классахъ и писалъ стихи, которые
 печатались въ Журналъ, выходившемъ
 при Университетѣ (**). Они были еще
 далеки отъ совершенства, но показывали
 въ Авторѣ способность къ нему прибли-
 житься.

(*) Пинщическое имя Ипполита пріятнѣе ушамъ
 безъ опчества.

(**) Въ Польскомъ Увеселеніи.

Кромѣ Михайла Мавръевича Хераскова (который былъ тогда Членомъ Университета) молодой Стихотворецъ нашъ имѣлъ еще ревностнаго покровителя въ Нязѣ Михайлѣ Ивановичѣ Дашковѣ. Уваженіе, оказанное къ юному таланту, достойно всегда признательнаго воспоминанія добрыхъ сердецъ: сей нѣжный цвѣтъ, опѣ знаковъ холодноши и невниманія, часто безъ всякаго плода увядаетъ. Но къ чести Рускихъ замѣтимъ, что молодые люди съ дарованіемъ всегда находили и находятъ у насъ дѣятельное покровительство, особливо естли нравственнѣйшій характеръ ихъ возвышаетъ цѣну ума, какъ въ Ипполитѣ Богдановичѣ, который ошличалъ себя и тѣмъ и другимъ — а всего болѣе милымъ *простосердечіемъ*, свойственнымъ любимцу Аполлонову...

Сынъ Фебовъ не рожденъ быть тонкимъ знакокомъ
Обычаевъ, условій свѣта;

Невинность, простоша видна въ дѣлахъ Поэта.

Ему вселенная есть домъ,

Гдѣ онъ живетъ съ чужими

Какъ съ братьями родными;

Свободу и покой любя,

Не мысливъ принуждать себя.

Нѣкоторые Поэты составляютъ исключеніе изъ сего правила; но таковъ былъ Лафоншенъ — и Богдановичъ! Осмнадцати лѣтъ онъ казался еще младенцемъ

въ свѣтѣ; говорилъ, что думалъ; дѣлалъ, что хотѣлъ; любилъ слушать умные разговоры и засыпалъ отъ скучныхъ. Къ щастію, Поэтъ жилъ у Поэта, который требовалъ отъ него хорошихъ стиховъ, а не рабскаго наблюденія свѣтскихъ обыкновеній, и забавляясь иногда его невинностію, любилъ въ немъ какъ дарованіе, такъ и рѣдкое добродушіе. Богдановичъ отъ искренности своей казался иногда смѣлымъ; но если слово его оскорбляло человѣка, то онъ готовъ былъ плакать отъ раскаянія; чувствовалъ нужду въ опорожненности, и черезъ десять минутъ слѣдовалъ опять движенію своей природной откровенности: слабость души нѣжной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побѣждаетъ!... Стихотворецъ нашъ, богатый единственно приемами, не могъ сыпать золота на бѣдныхъ, но (какъ сказалъ любезной переводчикъ Греевой Элегіи) Дарилъ несчастныхъ онъ, чѣмъ только могъ — слезою!

Пріязнь находила въ немъ самую ревностную услужливость. Однажды, ночью, сдѣлался пожаръ близъ знакомаго ему дома: онъ забылъ крѣпкой сонъ молодого человѣка, дурную погоду, разстояніе, и въ одномъ камзолѣ явился шамъ предложить услуги свои. — Хозяинъ и хозяйка,

столь любезные и почтенные, обходились съ нимъ какъ съ роднымъ: онъ всю жизнь сохранялъ къ нимъ сердечную привязанность. — Но мы еще должны замѣтить одну черту характера его, едва ли не во всѣхъ Поэтахъ явную и рѣзкую — чувствительность: къ любезности женской, которая всегда служила вдохновеніемъ для стиховъ пріятныхъ. Кто рожденъ быть Поэтомъ Грацій, въ томъ рано обнаруживается сія нѣжная симпатія съ ихъ подругами — но симпатія часто безмолвная. Молодой стихотворецъ видѣлъ, обожалъ, краснѣлся и вздыхалъ только въ нѣжныхъ мадригалахъ. Какая суровая женщина могла оскорбиться такими чувствами?

Въ 1761 году Богдановичъ опредѣленъ былъ въ надзирашеля надъ Университетскими классами съ чиномъ Офицера, а по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ Члены Коммисіи торжественныхъ приготовленій, и сочинялъ надписи для воротъ Триумфальныхъ. Въ 1763 году, черезъ покровительство Княгини Екатерины Романовны Дашковой (*), онъ вступилъ переводчикомъ въ

(*) „Благодѣтельница фамиліи Богдановичей,“ прибавляетъ И. О. Б. въ своихъ извѣстіяхъ: „ибо и братъ его обязанъ ей своимъ воспитаніемъ.“

пшпанѣ Графа Петра Ивановича Панина ,
и въ то же время издавалѣ Журналѣ (*),
въ которомѣ сія знаменитая любитель-
ница Руской Словесности участвовала
собственными трудами своими. Уже да-
рование его съ блескомѣ обнаружилось
погда въ переводѣ Вольшеровыхѣ спи-
хотвореній , а всего болѣе въ Поэмѣ на
разрушеніе Лиссабона, которую Богдано-
вичъ перевелѣ такѣ удачно , что многіе
спихи ея не уступають красотѣ и силѣ
Французскихѣ. На примѣрѣ :

Богѣ держишѣ цѣпѣ въ рукахѣ, но ея Онѣ не связанѣ.

Когда Творецѣ такѣ благѣ, почто же страждетѣ
тварь?

Я живѣ, я чувствую, и сердце отѣ мученья
Взываетѣ ко Творцу и проситѣ облегченья...

О дѣши бѣдныя всемогнато Ошца !
На то ли вамѣ даны чувствительны сердца?

Кому, о Боже мой ! Твои судьбы извѣстны ?
Всесовершенный зла не можетѣ произвестѣ.
Другато нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть.

Одинѣ лишь можетѣ Онѣ дѣла Свои открытѣ,
Исправитѣ немощныхѣ и мудрыхѣ умудритѣ.

„ніемѣ.“ — Мы должны были сохранить сіе изъ-
явленіе благородной признательности.

(*) Подѣ титуломѣ: *Несвинное Упражненіе*,

Ошверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ:
 Бель знаетъ болѣ ихъ — но можно ль основаться?
 Держа вѣсы въ рукахъ, онъ училъ — сомнѣваться!
 И не пріемля самъ спсенья никакой,
 Всѣ только опровергъ, сражаясь — съ собой,
 Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
 Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками!

Калифа нѣкогда, оканчивая вѣкъ,
 Въ послѣдній часъ сію молитву къ Богу рекъ:
 „Я все шю приношу Тебѣ, о Царь вселенной!
 Чего нѣтъ въ благости Твоей всеовершенной:
 Грѣхи, невѣдѣнныя, болѣзни, слезы, стонъ!“
 Еще прибавилъ могъ къ шому *надежду* онъ.

Такіе стихи, написанные молодымъ человекомъ двадцати лѣтъ, показываютъ рѣдкой талантъ для стихотворства; нѣкоторые изъ нихъ можешь осудить только набожный, спрогій Христіанинъ, а не Крипикъ; но и въ первомъ случаѣ долженъ ошвѣщшвовать Вольперъ, а не Богдановичъ. — Вмѣстѣ съ переводами напечатаны въ семъ Журналѣ и многія его сочиненія, изъ которыхъ иныя опличаются нѣжностію и хорошими мыслями; на примѣръ слѣдующіе стихи къ Климентъ:

Чтобъ щасливымъ намъ быть,
 Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
 А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1765 году Богдановичъ, считаясь въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ, издалъ маленькую Поэму *Сугубое Блаженство*. Онъ раздѣлилъ ее на три цѣсни: въ первой изображаетъ картину золотого вѣка, во второй успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе страстей, а въ третьей спасительное дѣйствіе законовъ и царской власти. Сей важный предметъ преобладалъ зрѣлости дарованій: еще Спихошворецъ нашъ не имѣлъ ее; однако жъ многіе стихи умны и пріятны. Поэтъ складно и хорошо описываетъ наслажденія чловѣка въ его невинности:

Въ томъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Природою одной и сердцемъ наученъ;
Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ:
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко щастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили;
Не зналъ (*) онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаній далъ нуждъ своихъ не простиралъ;
Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власти,
И слѣдственно имѣлъ онъ все, чего желалъ.

Хорошо также описаны, въ пѣснѣ, различные виды славы Царей. . .

(*) Послѣ: не зналъ, должно сказать какъ — то есть: не зналъ, какъ употреблять во зло.

Безчисленные зрю шамъ скипендры, державы,
 И разныя вѣнцы для крошкихъ или злыхъ.
 Одни получаея народною любовью,
 Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
 Другіе купящся злодѣйствами и кровью:
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну ()*.
 Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
 И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
 Но будутъ наконецъ послѣдніе несчастны,
 Собою дѣлая несчастными другихъ.

Сія Поэма, приписанная тогда Его Высочеству, Августѣйшему Наслѣднику прона, заключается слѣдующими прекрасными стихами:

Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
 Великимъ бышь Царемъ, великимъ человѣкомъ,
 Но щастью Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Она, сколько намъ извѣстно, не сдѣлала сильнаго впечатлѣнія въ публикѣ. Лавровой вѣнокъ уже сплелся для Автора, но еще невидимо.

Въ 1766 году, опредѣленный въ должность Секретаря Посольства къ Саксонскому Двору, Богдановичъ отправился въ Дрезденъ съ Министромъ, Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ. Любезность сего Посланника, блестящія собранія въ его домѣ, хорошія знаком-

(*) Лучшій стихъ въ Поэмѣ.

снѣва, живописныя окрѣпности города и драгоцѣнности Искусствъ, въ немъ соединенныя, сдѣлали тамошнюю жизнь весьма пріятною для Богдановича, такъ, что онъ всегда любилъ воспоминашь объ ней: она безъ сомнѣнія имѣла щасливое вліяніе и на самый пійпическій талантъ его. Но, гуляя по цвѣшущимъ берегамъ Эльбы и мечтая о Нимфахъ, которыхъ они достойны; пѣвлясь одушевленною кистію Корреджіо, Рубенса, Веронеза (*), и собирая въ ихъ картинахъ милыя черты для своей *Душеньки*, которая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описывалъ Конституцію Германіи и соглашалъ удовольствія человѣка свѣтскаго, любителя Искусствъ, Поэта, съ должностію ученаго Дипломата.

Въ 1768 году возвращаясь изъ Дрездена, онъ совершенно посвятилъ себя Липпературѣ и Стихотворству; перевелъ разныя статьи изъ Энциклопедіи, Вершову Исторію бывшихъ перемѣнъ въ Римѣ, мысли Аббата Сен-Пьера о вѣчномъ мирѣ, пѣснь Екатерины Микеля Анджело Джіанепіппи (за которую имѣлъ щастіе быть представленъ сей великой Государынѣ) издавалъ 16 мѣсяцевъ Журналъ;

(*) Всѣмъ извѣстна Дрезденская картинная галерея.

подъ шишуломъ Петербургскаго Вѣспника, и наконецъ, въ 1775 году, положилъ на олшаръ Грацій свою *Душеньку*. Богдановичъ съ удовольствіемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненія. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ шихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами, въ щасливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цѣвшами. . . . Мирныя, неизвѣстныя удовольствія шворческаго дарованія, можешъ быть самыя вѣрибйшія въ жизни! Не рѣдко призраки суешности и другихъ спрасшей отвлекающъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой чело-вѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость, и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣща, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минушахъ вдохновенія? Сильный, хорошій стихъ, щасливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ Поэта какъ младенеца, и не рѣдко на цѣлый день дѣлающъ веселымъ, особливо, естли онъ можешъ сообщать свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно;

самый прудъ, которымъ его приобрѣтаемъ, есть наслажденіе; а впереди ожидаетъ Писателя благоволеніе добрыхъ сердецъ. Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія не рѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда, какъ легкія волны, отражающія швердымъ подножіемъ, на копоромъ талантъ возвышается, въ честь отечеству, ко славѣ разума и въ память вѣка...

Басня Психеи есть одна изъ красивѣйшихъ Мифологіи и заключаетъ въ себѣ остроумную аллегорію, которую спихопворцы зашмили наконецъ своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно въ сказаніи, что богъ любви сочелся съ Психеею (душею), *земною* красавицею, и что отъ сего брака родилась *богиня наслажденія*. Мысль аллегоріи есть та, что душа наслаждается въ любви божественнымъ удовольствіемъ. Апулей, славный остроумецъ и колдунъ, по мнѣнію народа Римскаго, сочинилъ изъ нее любопытную и даже прогашельную сказку, совсѣмъ не въ духѣ Греческой Мифологіи, но похожую на волшебныя сказки новѣйшихъ временъ. Лафоншенъ плѣнился ею, украсилъ вымыслъ вымыслами и написалъ складную повѣсть, смѣшавъ прогашельное съ забавнымъ и спихи съ прозою. Она служила образ-

цомъ для Руской *Душеньки*; но Богдановичъ, не выпуская изъ глазъ Лафоншена, идесть своимъ пушемъ и рветъ на лугахъ цвѣшны, кошорые укрылись отъ Французскаго Поэша. Скажемъ безъ аллегоріи, что Лафоншеново швореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ, а *Душенька* во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе шѣмъ; что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что шруднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ Искусствахъ. Надобно также замѣшить, что нѣкошорыя изображенія и предметы необходимо шребуютъ стиховъ для большаго удовольствія чашашелей; и что никакая гармоническая, цвѣшная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ въ сему роду (слѣдственно и басня *Душеньки*). Случаи неестественные должны бытъ описаны и языкомъ необыкновеннымъ; должны бытъ украшены всѣми хипросіями Искусства; чтобы занимать насъ повѣсшю, въ кошорой нѣтъ и шѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богашѣ обыкновеннаго языка разнообразными оборошами; измѣненіями тона, особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана *Душенька*, и кошорые, подобно Англійскому саду, бо-

дѣе всякаго правильнаго единства обнаруживающѣ умъ и вкусъ Аршисша. Лафоншенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставлялъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ Поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичъ писалъ ими, и мы всѣ читали его; Лафоншенъ прозою, и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти Французовъ, охотниковъ до чтенія. Правда, что есть люди, которые не любящѣ стиховъ — такъ же, какъ другіе не любящѣ музыки и прекрасныхъ женщинъ; но такая антипатія есть чрезвычайность, и мы изъ учтивости — ничего не скажемъ о сихъ людяхъ!

Желая украсить гробъ сего любезнаго Поэта собственными его цвѣтами, напомнимъ здѣсь любителямъ Рускаго стихотворства лучшія мѣста *Душеньки*. Она не есть Поэма Героическая; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важностію разсматривать ея басню, нравы, характеры и выраженіе ихъ; не можемъ, къ щастію, быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ боялся Граціи и любимцы ихъ. *Душенька* есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотеля. Въ такомъ сочиненіи

все правильно, что забавно и весело; остроумно выдуманно, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко — и в самом деле не трудно — но только для людей с талантом. Пойдем же, без всякого ученого масштаба, в слѣдъ за Стихотворцем; и чтобы лучше цѣнишь его дарованіе, будемъ сравнивать *Душеньку* съ Лафоншеновымъ швореніемъ.

Мы уже говорили о томъ, что Богдановичъ не рабски подражалъ образцу своему. На примѣрѣ, в самомъ началѣ онъ весьма забавно описываетъ добраго Царя, отца Героини,

Который свѣшу былъ полезенъ,

Богамъ любезенъ;

Достойно награждалъ,

Достойно осуждалъ;

И если находилъ въ подсудныхъ злыя души,

Такимъ ослицыя приклеивалъ онъ уши;

Зависшикамъ велѣлъ, чтобы щастіе другихъ

Скучало взорамъ ихъ,

И не моглибъ они покоемъ наслаждаться;

Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,

На золото глядѣть,

И золошомъ прельщаться,

Но имъ не насыщаться;

Спесивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,

И ихъ потомкамъ въ казнь давалась ша же снесь,

Какая видима осшалась и поднесъ.

У Лафоншена нѣтъ о томъ ни слова.
И какъ все пріятно сказано! какъ пере-
мѣна стиховъ у мѣста и щаслива! —
Любезное имя, которымъ Богдановичъ
назвалъ свою Героиню, представляешь
ему щасливую игру мыслей, которой
Лафоншенъ могъ бы позавидовать:

Звалась она *Душа* по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знамоновъ,
У Рускихъ *Душенькой* она именовалась,

И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда

Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душенькѣ* у насъ отъ тѣхъ временъ
Поспавлено оно народомъ въ лексиконъ

Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Это одно гораздо лучше всякаго по-
дробнаго описанія *Душенькиныхъ* преле-
стей, котораго нѣтъ ни у Богдановича,
ни у Лафоншена: ибо они не хотѣли го-
ворить слишкомъ обыкновеннаго. — Жа-
лобы Венеры въ Руской Поэмѣ лучше, не-
жели во Французской сказкѣ, гдѣ она
также въ стихахъ. Чисташели могутъ
судить

Амуръ! Амуръ! вступишь за честь мою и славу;
Яви свой судъ, яви управу.

Ты знаешь *Душеньку*, иль могъ о ней слышать:
Простая смершная, ругаяся богами,

Не ставишь ли во что твою безмерную мать;

Уже и нашими слугами

Осмѣлилась повелѣвать,

И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать,

Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,

Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?

За ней гоняся, отъ насъ отходятъ прочь

Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.

- - - - -

Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,

И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:

Гречанку наглую, едва ли царску дочь,

Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!

Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будешь пронѣ,

Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,

Который у тебя отниметъ лукъ и стрѣлы,

И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?

Ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы:

По волѣ ходятъ въ небеса,

И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.

И можно ли терпѣть, что Душенька собою,

Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,

Какую возжигаетъ одинъ имѣлъ ты власть?

Она давно уже смѣется надъ тобою,

И ставишь въ торжество себѣ мою напасть.

За честь свою, за честь Венеры,

Яви ты строгости примѣры;

Содѣлай Душеньку постылою навѣкъ,

И столь худою,

И столь дурною,

Чтобъ всякой отъ нее чуждался человѣкъ;

Иль дай ты ей въ мужья, чтобъ всѣхъ сыскался

хуже;

Чтобы нашла она себѣ ширана въ мужѣ,
 И мучила себя,
 Жестокаго любя;
 Чтобы ея краса увяла,
 И я покойна стала.

Лафоншенова Венера, сказавъ, что изъ
 Пафоса бѣжали къ Душенькѣ всѣ Игры
 и Смѣхи, продолжаетъ:

L'un de ces jours je lui vois pour époux
 Le plus beau, le mieux fait de tout l'humain lignage,
 Sans le tenir de vos traits ni de vous;
 Sans vous en rendre aucun hommage.
 Il naîtra de leur mariage
 Un autre Cupidon qui d'un de ses regards
 Fera plus mille fois que vous avec vos dards.
 Prenez y gard; il vous y faut songer.
 Rendez la malheureuse, et que cette cadette,
 Malgré les siens épouse un étranger,
 Qui ne sache où trouver retraite;
 Que soit laid, et qui la maltraite,
 La fasse consumer en regrets superflus,
 Tant que ni vous ni moi nous ne la craignons plus.

Для чести Рускаго таланта мы не по-
 боялись длинной выписки. Богдановичъ и
 мыслями и выраженіями побѣждаетъ опас-
 наго совмѣстника. Онъ гораздо прилич-
 нѣе заспавляетъ сказать Венеру, что
 самъ Юпитеръ можетъ жениться на Ду-
 шенькѣ, а не лучший изъ смертныхъ красав-
 цевъ, отъ котораго не лѣзя было родиться
 второму Купидону. Спихи: ты знаешь, какъ

сыны Юпитеровы смѣлы — и столь худою и
 столь дурною — и мѣтила себя, жестокаго
 любя, живы и прекрасны; Лафоншеновы
 шолько изрядны, кромѣ: *sans le tenir de vos*
traits, ni de vous, гдѣ одно сказано два раза
 для наполненія стиха. — Венерино шесствіе
 у Лафоншена эскизъ, у Богдановича кар-
 пина. Первый сказалъ: *l'un (Трифонъ) lui*
tient un miroir fait de cristal de roche, а
 второй :

Несетъ ошломонъ горъ кристальныхъ

На мѣсто зеркала предъ ней.

Сей видъ пріятность объявляетъ

И радость на ея челѣ.

„О естлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,

Остался вѣчно въ хрусталѣ!“

Но тщетно онъ того желаетъ!

Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ;

Останется одинъ лишь камень — и проч.

Лафоншенъ говоритъ: *Thétis lui fait*
ouïr un concert de Sirenes. Богдановичъ:

Сирены, сладкія пѣвицы,

Межъ шѣмъ поютъ стихи ей въ честь,

Мѣшаютъ съ былью небылицы,

Ее стараясь превознесъ.

Сама Феида ихъ послала

Для малыхъ и большихъ услугъ,

И шолько для себя желала,

Чшобъ дома былъ ея супругъ!

Послѣдняя черта забавна. Феида рада
 веселишь Венеру, но съ шѣмъ условіемъ,

чтобы влюбчивый бог морей не выѣзжалъ къ ней на встрѣчу съ презубцемъ своимъ! — Лафоншенъ:

Tous les vents attentifs retiennent leurs haleines;
Le seul Zéphir est libre, et d'un souffle amoureux
Il caresse Venus, se joue à ses cheveux;
Contre ses vêtemens par fois il se courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepousse
Et d'une égale ardeur chaque flot à son tour
S'en vient baiser les pieds de la mere d'Amour.

Французскіе стихи хороши, но Рускіе еще игривѣе и живѣе:

Лешаѣтъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ;
Но вдругъ, опиравъ прелестну грудь,
Перешаеѣтъ на время душъ,
Власы съ досадою опускаеѣтъ,
И съ ними сплывавшійся лешаѣтъ.
Гонясь за нею, волны шамъ
Толкаюѣтъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ вырвавши скорѣй изъ круга,
Смирено пасѣтъ къ ея ногамъ.

Такъ Стихотворцы съ талантомъ подражаюѣтъ. Богдановичъ не думалъ о словахъ Лафоншеновыхъ, а видѣлъ передъ собою шествіе Венеры и писалъ каршину съ напуры.

Что Французъ остроумно говоритъ прозою, то Руской не менѣе остроумно, и еще милѣе сказалъ въ стихахъ. Всѣ

любовники оставляющъ красавицу, Народъ приходитъ въ ужасъ отъ небывалаго чуда, и Венера грозитъ государству еще новыми бѣдствіями, если не принесутъ ей въ жертву самой Душеньки....

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры;
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на отказъ,
Ошвѣстствовали смѣло,
Что то не сбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олшаръ;
Другіе стали горько плакать;
Другіежъ не дослушавъ шакать,
Когда лишь слово скажетъ Царь;
Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда къ стыду богинь ее богошворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Царевнѣ жъ тѣ слова хотя и лестны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ;
Но вшайнѣ часто унывала,
Себя несчастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ
Къ Амуру такъ зывала:

„Амуръ, Амуръ, веселій Боръ!
 „Зачто ко мнѣ суровъ и строгъ?
 „Давно ли всѣ меня ласкали?
 „Въ побѣдахъ я вела часы;
 „Могла лѣбнѣть, любилъ по волѣ:
 „Зачтожь теперь въ несчастной долѣ?
 „Нѣ чему полезны мнѣ красы?
 „Бѣднѣйшая въ поляхъ паслуха
 „Себѣ находилъ паслуха;
 „А я одна — —;
 „Не бывъ дурна, не бывъ лиха!“

Сія жалоба Душеньки опшѣнно любезна своею просіпною. Но въ доказательство нашего безприсрасія согласимся, что темный опшѣтъ Оракула лучше выраженъ во Французскихъ стихахъ. Опшѣніе красавицы; и то, что она говоритъ своему опшѣ, желая предаться въ волю тайнственной Судьбы, также совершенно и прогашельнѣ въ Лафонте-нѣ. Онъ рассказываетъ прозою: одно легче другою. За то нѣкошорыя мѣста лучше въ стихахъ Богдановича. Лафонте-нова Псиша говоритъ: *Qu'on me mette sur un chariot, sans cōcher ni guide; et qu'on laisse aller les chevaux à leur fantaisie: le sort les guidera infailliblement au lieu ordonné.* Сшопш ли эша бездушная проза слѣдующихъ стиховъ? Душенька

Сказала всей роднѣ своей,
 Чшобъ только въ пушъ ее какъ должно спарядили,

И въ колесницу посадили,
 Пустя на волю лошадей,
 Безъ кучера и безъ возжей.
 „Судьба, сказала, будетъ править;
 Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
 Къ жилищу радостей или бѣдъ,
 Гдѣ должно вамъ меня оставить.“

Вотъ славное преимущество языка Поэзии! Если Стихотворецъ умѣетъ побуждать трудности и спавить каждое слово въ своемъ мѣстѣ, то самыя простыя выраженія опмѣнно нравятся, и прозаистъ далеко назади остается.

Ужасы Душенькина путешествія изображены во Французской сказкѣ какъ дѣйствительные ужасы, а въ Руской съ пріятною шупливостію:

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ
 Встрѣчали новой страхъ:
 Ужасныя пещеры,
 И къ верху крутизны
 И къ безднѣ глубины.
 Инымъ являлись шамъ Мегеры;
 Инымъ лешучи Дромадеры,
 Инымъ драконы и Церберы.

 Царевнина кровать
 Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
 И многіе отъ страха шумѣ
 Не мало шапокъ пороняли,
 Которы на подхватѣ драконы пожирали.
 Иные по кусшамъ одежды изодрали,

И нагошѣ имѣя видѣ,
Едва могли прикрышѣ отѣ глазѣ стороннихѣ спыдѣ.
Осталось наконецѣ лишь нѣсколько булавоны
И нѣсколько стиховѣ Оракула для справоны.

Надобно бышѣ въ весьма дурномѣ рас-
положеніи, чѣобы не засмѣяшѣся отѣ
двухѣ послѣднихѣ стиховѣ. Мы не жалѣ-
емѣ, чѣо Сстихотворецѣ нашѣ предпочелѣ
здѣсь важному описанію каррикашуру:
она хороша.

Какѣ ни складно, ни красно описыва-
етѣ Лафоншенѣ Купидоновѣ дворецѣ, са-
ды, услужливостѣ Нимфѣ, но проза его
не дѣлаетѣ мнѣ такого удовольствія,
какѣ слѣдующіе стихи Богдановича:

Явился передѣ ней
Прекрасный видѣ алей
И рошей и полей.
Высокіе балконы
Открыли царство шамѣ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Ошшуда сорокѣ Нимфѣ вели ее въ чертоги,
Какіе созидашѣ удобны шолько боги;
И тамо Душеньку, въ прохладѣ отѣ дорогѣ,
Вѣ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Кожору вмѣсто водѣ повсюду собирали.
Зефиры воздухѣ шамѣ дыханьемѣ согрѣвали,
Изѣ разныхѣ ароматѣ вздѣвали пузырьи,
И составляли мыла,

Накими моются восточные Цари,
И коихъ вѣдома живительная сила:

Царевна со стыдомъ
Со споромъ и шрудомъ,
Какъ водишься при шомъ;
Взпрая на обновы;

Какія были шамъ на выборъ ей гошовой,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы:
Полки различныхъ слугъ; предъ шѣмъ отдавъ по-
клонъ,

Безъ горя не могли ошшуда вышши войъ;
И даже за дверьми, не будучи въ услугъ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугъ:
Зефиры лишь одни; имѣя входъ вездъ;
Зефиры хищные, за шѣмъ, что ростомъ мелки;
Нашли въ дверяхъ и окнахъ щелки;
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водъ;
Гдѣ Душенька купалась:

Богдановичъ, угощая и веселя музыкою
Героиню во дворцѣ Купидоновомъ; со-
ставилъ оркестръ свой лучше Лафоншена,
и велѣлъ даже, весьма кшати, невидимо
управлять имъ самому Аполлону; но жаль,
что хоръ пѣвицъ его, хвала любовь, не
повпѣорилъ на Рускомъ языкѣ слѣдующей
строфы гимна Французскаго:

Sans cet amour tant d'objets ravissans,
Lambris dorés, bois, jardins et fontaines
N'ont point d'appas qui ne soient languissans,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes cœurs c'est le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien.

Въ доказательство, что Поэты, вопреки старинному злословію, умѣють бытъ иногда скромными, и Французъ и Руской не хотѣли описать перваго свиданія Душеньки съ Амуромъ. Послѣдній оспаривался отъ читателей пріятною шуткою, говоря, что эша сцена осталась навѣки тайною между супругами. . .

Но только по утру примѣшили Амуры,
Что Пимфы межъ собой смѣялись подъ шишкомъ,
И гостя, будучи стыдлива отъ насурь,
Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Въ изображеніи палатъ съ ихъ драгоценностями я люблю спашую Душеньки. . .

Смотря на образъ сей, она сама дивилась;
Другая спашуя казалась въ ней тогда,
Какой не видывалъ никто и никогда.

Черта прекрасная! взята съ Французскаго (*elle demeura longtems immobile, et parut la plus belle statue de ces lieux*); но выраженная въ стихахъ, болѣе нравится. . . Люблю также разныя живописныя изображенія Душеньки:

Въ одномъ она, съ щитомъ пресстрашнымъ на груди,
Палладой наряжась, грозилъ на лошади,
И болѣ, чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ.

Въ другомъ видимъ передъ нею Сатурна, который

Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
 Прямить свой дрихлый станъ, желаетъ быть моложе,
 Нудить оставшіе волосъ своихъ клочки,
 И видѣвъ Душеньку вздѣваетъ онъ очки.
 А шамъ она видна, подобяся Царицѣ,
 Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
 Прекрасной Душеньки за честь и красоту
 Амуры шамъ сердца сирѣбляютъ на лешу;
 Лешать великою шлюхою;
 Лешать, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною;
 А шамъ свирѣбный Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
 Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой правъ,
 Полей не обагрываетъ кровью,
 И наконецъ, забывъ военный свой ушавъ,
 Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.

На прешней картинѣ Зефиръ списываетъ
 съ нее поршрешъ; но боясь нескромности,

Скрываетъ въ списокъ онъ большую часть красотъ;
 И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
 Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.

Всего же болѣе люблю обращеніе Поэта
 къ красавицѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
 По образу ль какой царицы ты одѣта,
 Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
 Во всѣхъ ты чудо свѣта;

Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ —
 И только ты одна прекраснѣе поршрета.

Просто и такъ мило, что, можетъ
 быть, никакое другое мѣсто въ Душенькѣ

не дѣлаешь въ читателѣ столь прі-
ятнаго впечатлѣнія. Всякому хочешь
сказать сіи нѣжныя, прекрасныя стихи
той женщиной, которая ему всѣхъ дру-
гихъ любезнѣе; а послѣдній стихъ можно
назвать золотымъ. — Мы не пеняемъ
Автору, что онъ не хочетъ далѣе опи-
зывать Купидонова дворца,

Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду шамъ уомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и потомъ
Палаты забываю.

Но съ палатами Стихотворецъ забылъ
и хозяина; забылъ, между поршрешами,
упомянуть объ его изображеніяхъ. Скры-
ваясь отъ Душеньки, Амуръ долженъ
былъ показаться ей хотя на картинѣ.
Лафоншенъ представилъ на обояхъ раз-
ныя *гудеса* Купидоновы: на примѣръ, ужас-
ный хаосъ, приводимый его рукою въ
спройность. . . .

Que fait l'Amour? Volant de bout en bout,
Ce jeune enfant, sans beaucoup de mystere,
En badinant vous debrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un sage.

Какъ бы хорошо могъ Богдановичъ ска-
зать это въ Русскихъ стихахъ! какъ бы
хорошо могъ, слѣдуя Лафоншену, описать
приступы любовышной Душеньки къ

невидимому Амуру и его опговорки, столь остроумныя! *Necessairement je suis Dieu ou je suis Démon. Si vous trouvez que je suis Démon, vous me hairez; et si je suis Dieu, vous cesserez de m'aimer ou du-moins vous ne m'aimerez plus avec tant d'ardeur: car il s'en faut bien qu'on aime les Dieux aussi violement que les hommes.* Но Поэты нашъ, какъ Поэты, не любилъ закона и принужденія; хотѣлъ брать не все хорошее въ образцѣ своемъ, а что слегка и само собою попадалось ему въ глаза —

Любя свободу я мою,
Какъ вздумается мнѣ, пою.

Довольно, что Богдановичъ, проходя иногда мимо красотъ Лафонтеновыхъ, щедро замѣнялъ ихъ собственными и разнообразными. Умѣя быть нѣжнымъ, забавнымъ, онъ умѣлъ и колоть — даже кровныхъ своихъ, то есть Стихотворцевъ. Вводя Душеньку въ Амурову библиотечку, онъ говорилъ:

Царевна тамъ взяла чипать стихи;
Но ихъ читаючи какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ мучительную снуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, припомъ зашибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Нещастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона
Навѣки согнанъ съ Геликона;

И будуще Душенька, боясь подобныхъ скукъ (*),
 Иль ради сохраненья рукъ,
 Стиховъ съ недѣлю не читала,
 Хотя любила ихъ и нѣкогда слагала.

Сей несчастный, согнанный съ Гелико-
 на, былъ конечно не похожъ на Богдано-
 вича, кошораго Душенька съ удовольств-
 виемъ могла бы читать даже и тогда,
 какъ онъ съ пищическою искренностію
 описываетъ лукавство ея въ гибельную
 ночь любопытства. Злые сестры угово-
 рили ее засвѣпить лампаду во время сна
 Купидонова. . . .

Прекрасна Душенька употребила шумъ
 И хитрость и проворство,
 Какія свойственны женамъ,
 Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
 Скорѣ какъ нибудь покой дають мужьямъ.
 Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
 Иль самъ клонился къ сну онѣ дѣйствія печали:
 Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
 Зѣвнулъ,
 Заснулъ.

Это напоминаетъ одинъ изъ славнѣй-
 шихъ стиховъ въ Lutrin и стоить деся-
 ти прозаическихъ страницъ Лафонтене-
 новыхъ.

Въ описаніи Душенькиныхъ бѣдствій
 нѣкошорыя черты также гораздо щасш-

(*) Скука не употребляется у насъ во множес-
 венномъ числѣ.

ливѣ у Богдановича; на примѣръ, прогательное обращеніе его къ жалкой изгнанницѣ:

Умри, красавица, умри! твоей сладкой вѣнѣ
 Съ минувшимъ днемъ уже прошекъ;
 И естли смерть тебя ошъ бѣдствій не избавитъ,
 Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
 Ошнынъ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
 И всюду горести за горестыми представитъ.

Къ несчастію тебя оставилъ Купидонъ.

Твой рай, твои утѣхи,
 Забавы, игры, смѣхи,
 Прошли какъ будто сонъ.

Вкусивши сладости, что въ мірѣ ихъ лишился,
 Любя съ любимымъ разлучился,
 И радости себѣ уже не чаешь впродъ,
 Легко почувствуешь, безъ дальнѣйшаго слова,
 Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.

Стихотворецъ нашъ, описывая съ Лафоншеномъ всѣ образы смерти, избираемые Душенькою, прибавляетъ ошъ себя еще одинъ, не весьма пѣщическій, но игриво и забавно имъ представленный:

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила
 И къ вѣщью свой плашокъ какъ должно прицѣпила,
 И въ петлю Душенька головушку вложила.

О чудо изъ чудесъ!
 Попрясся долъ и лѣсъ;

Дубовый, грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтешіемъ къ ея прекрасной головѣ

Пригнулся шакъ какъ пруть — — —

И здраву Душеньку поставилъ на шравѣ;

И вѣшви всѣ тогда, нанизъ влекомы ею,

Иль сами волею своею,

Шумѣли радостно надъ нею,

И ссѣдиняючи концы,

Свивали разны ей вѣнцы.

Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,

И Душенькинъ покровъ въ верху остановился;

Тогда увидѣвъ долъ и лѣсъ

Другое чудо изъ чудесъ — —

Вольность бываетъ маленькою слабостію Поэтовъ; строгіе люди давно ожидаютъ ихъ, но снисходительные многое извиняютъ, елики воображеніе неразлучно съ остроуміемъ и не забываетъ правилъ вкуса. Когда горы и лѣса, видя *чудо*, восклицали, что Душенька всѣхъ на свѣтѣ прекраснѣе,

Амуръ, смотря изъ облаковъ,

Приблжкимъ взоромъ то оправдывалъ безъ словъ!

Поэту хотѣлось сказать, что Душенька прошла *сквозь огонь и воду*, и для того онъ заставлялъ ее броситься въ пламя, когда Наяды не дали ей ушопнуть въ рѣкѣ...

Лишь только бросилась во пламя на дрова,

Какъ вдругъ невидимая сила

Подъ нею пламень загасила;

Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ;
Остался только лишь потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки шамъ Царевна осушила,
Которыя въ водѣ не давно замочила.

Это смѣшно, и рассказъ имѣетъ всю
точность хорошей прозы. — Лафоншенъ,
для разнообразія своей повѣсти, вводитъ
исторію Философа-рыболова: въ Душень-
кѣ она могла бы только остановивъ бы-
спросу главнаго дѣйствія. Сказки въ спи-
скахъ не требуютъ множества вымысловъ,
нужныхъ для живости прозаическихъ
сказокъ. ^оГдановичъ упоминаетъ о спа-
ромъ рыбака единственно для того, что-
бы Душенькѣ было кому пожаловаться
на ея несчастіе. . .

Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перебивъ:
Скажи, какъ свѣтъ стоишь съ начала,
Встрѣчалось ли когда кому
Несчастье равно моему?
Я рѣзалась и въ пеню клалась,
Томила и въ огонь бросалась;
Но въ горькой участи моей,
Прошедъ сивозъ огнь, прошедъ сивозъ воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю природу,
Прошивъ желанія живу
И щедро смерть къ себѣ зову.
— — — — —
По нѣко ты? сшарецъ вопросишь..
„Я Душенька — люблю Амура.“

Послѣдній стихъ прекрасенъ и прогашеленъ, не смотря на шушливый тонъ Автора. — Объявление Венеры, прибывшее на всѣхъ перекресткахъ, взято съ Французскаго, но гораздо смѣшнѣе на Рускомъ:

Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдѣ хвалилъ;
Она же Душенька румяна унижаетъ,
Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ;

Она же Душенька, имѣя стройный станъ,
Прелестные глаза, пріятную усмѣшку;

Она же взорами сердцамъ швора извѣялъ:

Того или иного ради,
Венера каждому и всѣмъ
О гнѣвѣ на нее своемъ
По должной формѣ объявляетъ.

Въ обращеніи Душеньки къ богинямъ
всего забавнѣе представлена важность
Минервы, кошорая, занимаясь астрономическими
наблюденіями и хвостами Кометъ, съ презрѣніемъ
говоришь бѣдной красавицѣ,

Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человекъ;
А паче какъ хвостомъ Комета всѣхъ пугаетъ;
О Душенькѣ тогда никто не помышляетъ.

Богдановичъ хотѣлъ осмѣять Астрономовъ,
кошорые около 1775 году, есть-

ли не ошибаюсь, пугали людей опасностью Кометы. Но должно признаться, что о ревливой Юнонѣ Лафоншенѣ говоришь еще забавнѣе Русскаго Спихотворца. Вотъ его слова: «Пасхушкѣ нашей не шрудно было найши Юнону. Ревливая жена Юпитерова часто сходишь на землю, чтобы освѣдомляться о супругѣ. Псища вспрѣтила ее гимномъ, но воспѣла одно могущество сей богини, и шѣмъ испоршила дѣло свое. Надобно было хвалишь ея красоту, и какъ можно усерднѣе. Царямъ говори обѣ ихъ величїи, а Царицамъ совѣмъ обѣ другомъ, естли хочешь угодишь имъ, Юнона о ш в ѣ ч а л а, что должно наказашь смертныхъ прелестницѣ, въ которыхъ влюбляются боги. За чѣмъ они таскаются на землю? развѣ на Олимпѣ еще мало для нихъ красавицъ?» Богдановичъ шушишь только на щепѣ Юпитеровыхъ мешаморфозъ; здѣсь Лафоншенѣ шонѣе. Но скоро Поэтъ нашъ беретъ верьхъ, описывая ошибку людей, которые, видя въ Венериномъ храмѣ Душеньку въ крестьянскомъ плашѣ, щипающъ ее богиню и шепчущъ другъ другу на ухо:

Венера здѣсь шайкомъ!

Венера за столбомъ!

Венера подъ плашкомъ!

Венера въ сарафанѣ!

Пришла сюда пѣшкомъ!
Конечно съ пастушкомъ!

Здѣсь короткіе стихи на одну риму
прекрасно выражаютъ быструю народ-
ныхъ словъ. И съ какимъ любезнымъ
простосердіемъ говоришь Душенька раз-
драженной Венерѣ,

Колѣна преклоня:

Богиня всѣхъ красотъ! не сѣшуй на меня!
Я сына твоего прельщать не умышляла.
Судьба меня, судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся всегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богдановичъ поступилъ также гораздо
милосивѣе съ своею Героинею, нежели
Лафонтенъ, кошорой заставилъ Венеру
немилосердо сѣчь ее розгами! Какое вар-
варство! Руская Душенька *служитъ* толь-
ко прудныя, опасныя *службы* богинѣ,
совершенно въ тонѣ Рускихъ старинныхъ
сказокъ, и прекрасно; идетъ за живою и
мертвою водою, къ змѣю Гарыничу, и
такъ хорошо, съ женскою хитростію,
ублажаетъ его:

О змѣи Гарыничъ, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена;
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;

Ты всяку здѣсь имѣешь власшь;
 Блещишь злыми чешуями,
 И смѣло разбѣваешь пасшь,
 И можешь всѣхъ давишь когтями!
 Пусси меня, пусси къ водамъ!

Богдановичъ, приводя Душеньку къ злому Кашею, не сказыаеаь намъ его загадокъ: жаль! здѣсь былъ случай выдумашъ нѣчто оспроумное. Но Авторъ уже довольно выдумывалъ, спѣшивъ къ концу, отдохнувъ на миршахъ вмѣстѣ съ своею Героинею, и мимоходомъ еще описываетъ Таршаръ несравненно лучше Лафоншена. Какъ скоро Душенька показала шамъ ногу свою, все зааихло...

Церберы перестали лаять,
 Замерзлый Таршаръ началъ шаять.
 Подземна царства темный царь,
 Кошорый возлѣ Прозерпины
 Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
 Смушился шишиною вдругъ:
 Возвысилъ вдругъ бровей морщины,
 Сверкнулъ блистательныхъ ярыхъ глазъ,
 Взглянулъ... начавши рѣчь, зааиулся,
 И съ роду первый разъ
 Въ то время улыбулся!

Сими прекрасными спихами заключаемъ нашу выписку. Амуръ соединяется съ Душенькою, и Богдановичъ, вспомнивъ аллегорическій смыслъ древней басни, оканчиваетъ свою Поэму хвалою душевной, вѣчно неувдаемой красоты, въ

ушѣшеніе, какъ говоритъ онъ, всѣхъ земныхъ не-красавицъ.

Замѣшивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ *Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся писана такими щасливыми стихами; но вообще столь пріятна, что благоразумный Кришкѣ, чувствительный къ красотахъ Искусства и дарованія (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе) не захочетъ на счетъ ея доказывать своей тонкой разборчивости, и не забудетъ, что Ипполитъ Богдановичъ *первый* на Рускомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ.

Мудрено ли, что *Душенька* единогласно была прославлена всѣми любителями Рускаго Стихотворства? Шестъ или семь листовъ, съ безпечностію брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельство и жизнь Автора. Екатерина царствовала въ Россіи: Она читала *Душеньку* съ удовольствіемъ и сказала о томъ Сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели Государей, старались извѣщать ему знаки своего уваженія, и швердили наизустъ мѣста, замѣченныя Монархиней. Тогдашніе Стихотворцы писали эпи-

столаы, оды, мадригалы въ честь и славу шворца Душеньки. Онъ былъ на розахъ, какъ говорящъ Французъ... Но многія блестящія знакомства оплели Богдановича отъ жертвенника Музъ въ самое цвѣтущее время шаланша (*) — и вънокъ Душеньки оспался единшвеннымъ на головъ его. Хотя онъ и неувадаемъ, однако жъ любилели дарованій не перешапулъ жалѣлъ, что Поэтъ нашъ имъ удовольшвовался и не захоуѣлъ новыхъ. Онъ доказалъ, къ несчастію, что авторское славолубіе можетъ имѣть предѣлы! Правда, что Богдановичъ еще писалъ, но мало, или съ небреженіемъ, какъ будто бы не-хотя, или въ дремотѣ Генія. Иной сказалъ бы, что Поэтъ, любя свою Душеньку, хотѣлъ оспавить ей честь бытъ единшвеннымъ, изящнымъ швореніемъ его шаланша. — Отъ 1775 до 1789 году онъ сочинилъ *Историческое изображение Россіи*, часть I (опытъ легкій, несовершенный, но довольно пріятный) — лирическую Комедію: *Радость Душеньки*, Драму *Славяне*, и двѣ маленькія театральныя піесы изъ Рускихъ пословицъ. Сама Екатерина ободряла Богдановича писать для театра, и въ знакъ Своего благоволенія пожаловала ему шабакерку за *Радость*

(*) Ему тогда было съ небольшимъ 30 лѣтъ.

Душеньки, а за Драму Славяне перспень.
 Въ первой естъ забавная сцена, пиръ бо-
 говъ, гдѣ Момусъ смѣшишъ своимъ боже-
 ственнымъ прососердечіемъ; а во вто-
 рой двадцати-пяти-лѣшнее шоржесшво
 Славянъ въ чesъ великой Гусударынѣ,
 Которая навѣки основала ихъ благоден-
 швіе, пронуло въ представленіи всѣхъ
 зришелей: ибо сію Драму играли въ то
 время, когда совершилась четвершъ вѣка
 по восшесшвіи на шронъ Екатерины.—
 Исполняя шакже волю сей Монархини,
 онъ издалъ Рускія пословицы, въ кошо-
 рыхъ сохранились драгоцѣнные ошашки
 ума нашихъ предковъ, ихъ истинныя по-
 няшія о добрѣ и мудрыя правила жизни.
 Мы должны еще упомянушь о мелкихъ
 его спихошвореніяхъ, напечатанныхъ въ
 Собесѣдникѣ: нѣкоторыя изъ нихъ от-
 личающіяся замысломъ и вкусомъ.— Но
 никоторая изъ пріятныхъ бездѣлокъ Бог-
 дановича не была шакъ извѣсна и слав-
 на; какъ его пѣсня: *мнѣ минуло пятнад-
 цать лѣтъ*. Она сдѣлалась народною, и до-
 нынѣ — не смотря на множесшво новыхъ
 любимыхъ пѣсенъ — сохраняетъ свое до-
 стоинсшво. Въ ней естъ истинная *затѣли-
 вoетъ* и нѣжная простота, кошорыя рав-
 няющъ ее съ лучшими Французскими пѣс-
 нями. Чшо можешъ бышь простѣе и лю-
 безнѣе слѣдующихъ куплетовъ?

„Далабъ ему я посохъ свой:
 Миѣ посохъ надобенъ самой;
 И чѣмъ зѣрей осперегаешься,
 Съ собачкой миѣ не лѣзя разсѣяться.

Въ пустой и скучной сторонѣ
 Свирѣлки также нужны миѣ.
 Овечку дашь ему я рада,
 Когда бы не считали сѣада.“

Паспушка говоришь тогда:
 „Пускай пасухъ придетъ сюда;
 Чѣмъ не было убышка сѣаду,
 Я сердце дамъ ему въ награду!“

Онъ перевелъ также всѣ лучшіе Фран-
 цузскіе стихи, написанные въ честь
 Екатерины, Вольшеровы, Мармоншеле-
 вы, и проч. Сіи Поэты умѣли хвалишь
 Великую языкомъ благороднымъ, и Бог-
 дановичъ не унижалъ его. На примѣръ,
 онъ такъ заспавляешъ говоришь Мармон-
 шеля на Рускомъ языкѣ:

О ты, Кошорая въ законахъ и геройствѣ
 Совмѣстниковъ Своихъ далеко превзошла, —
 Божественный примѣръ Монархамъ подала
 Пещися подданныхъ о щастьи и спонойствѣ!
 Являй всегда Твоей величеству души,
 И славныхъ дѣлъ своихъ начинки соверши!
 Щастливому въ Твоемъ владѣннѣ народу
 Осшалось имѣть едину лишь свободу.

Въ переводѣ его Вольшеръ, подобно
какъ и въ оригиналѣ, по важенъ, по за-
бавенъ, говоря:

И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина шамъ содѣлала Героевъ...

Трудишься день и ночь возставишь всѣхъ покой,
И межъ трудовъ но мнѣ писаешь находишь время.
Тогда же Мусшафа, гордясь предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,
Зѣваетъ въ праздности, не мыслишь ни о чемъ,
И никогда но мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишеть!

Занимаясь стихотворствомъ Богдановича, мы забыли службу его. Въ 1780 году онъ былъ опредѣленъ въ новоучрежденный тогда Государственный Санкш-Петербургскій Архивъ Членомъ, въ 1788 Предсѣдателемъ его, а въ 1795 отставленъ съ полнымъ жалованьемъ, служивъ 41 годъ. — Наконецъ, въ 1796 году, онъ выѣхалъ изъ Пешербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы, разительная картина непостоянствъ Форшунъ въ отношеніи къ людямъ и къ государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба родственная, влекли Богдановича къ щастливымъ спранамъ Мало-

росіи. Онѣ прїѣхалѣ въ Сумы съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ Природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для Поэта. Первые дни и мѣсяцы казались ему совершеннымъ очарованіемъ; никогда душа его не была такъ свободна и безмятежна. Уже никакія мечты не превозжили ея спокойствія. Мирная совѣсть, пятьдесятъ лѣтъ проведенныхъ въ наблюденіи строгихъ правилъ чести; крошечная, но всегдашняя дѣятельность благородныхъ способностей человѣка: ума образованнаго и зрѣлаго, воображенія еще не угасшаго; чтеніе Авторствъ избранныхъ, обхожденіе съ людьми добрыми и близкими къ сердцу, самое единообразіе простой жизни, любезное въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, были щастіемъ Богдановича, истиннымъ и завиднымъ, котораго желаюшъ всѣ люди, живущіе для славы собственной и пользы другихъ въ шумѣ свѣтскомъ, и котораго милымъ образомъ украшають они въ *мысляхъ* послѣдніе дни свои въ мірѣ, дни отдохновенія и покоя! . . . Но

Присланища въ семъ мірѣ нѣтъ! . . .

Здѣсь должны мы оспорожно повшорить извѣстіе неясное, хошя и вѣрное.

Руссо на шестомъ десятилѣтїи жизни испыталъ всю силу романической спрassi, забавной въ глазахъ молодаго свѣпскаго Адониса, но прогашельной для чело-вѣколюбиваго наблюдашеля. Можно св покойною совѣсшїю шупишь надъ спари-комъ Селадономъ; но для особенной и слутайной привязанности нѣшв сроку: всегда можно любишь, пока сердце живо, и взоръ чувствившельной женщины извѣявляетъ намъ симпатїю. Самолюбїе, нѣкоторымъ образомъ справедливое въ челошкѣ до-стойномъ; имя дружбы, копорымъ часшо закрываемъ любовь отъ самихъ себя; надежда бышь — ешъли не прелесшнымъ, шо хоща прїяшнымъ, и нравишься самымъ шѣмъ, чшобы не думашь нравишься — заводяшъ иногда и не-Поэшовъ весьма далеко. . . . Не знаемъ обстояшельствъ; но кто, и зная ихъ, могъ бы безъ нару-шенїа правилъ скромнаго благоразумїа опкрышь свѣшу подробношши сердечной связи? Скажемъ шолько, чшо шихая, мир-ная, щасшливая жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучишься св другомъ и бра-шомъ. . . . Какъ ошашъся въ шѣхъ мѣ-стахъ, гдѣ все напоминало ему и блажен-нѣйшїе часы для сердца и неожидаемыя ихъ слѣдствїа? Оскорбленное самолюбїе бываешъ аншидомъ любви, но жешо-

кимъ!... И всякая сильная перемѣна чувствъ ужасна въ то время, когда мы близки къ западу жизни, и когда Напѣра предписываетъ человѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него щастія! Надежда замѣнитъ потерю, облегчаетъ ее въ молодости; но лѣта отнимаютъ у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе. Мы слышимъ только голосъ строгаго разсудка, который запрещаетъ даже и жаловаться на судьбу!... Мысль о послѣднихъ годахъ нашего любезнаго Стихотворца печальна для всякаго, кто умѣетъ воображать себя на мѣстѣ другихъ.

Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ.—Александръ взошелъ на пронбъ; и когда всѣ папріюшы съ радостными надеждами устремили на Него взоры, Богдановичъ взялъ лиру, уже давно имъ опшавленную — и юный Монархъ въ знакъ Своего благоволенія прислалъ ему першень. Муза *Душеньки* имѣла славу и щастіе нравиться Великой Екатерины: Августѣйшій Внукъ Ея могъ ли не удостоишь ее Своего вниманія?

Въ началѣ Декабря 1802 году Богдановичъ занемогъ, бывъ всегда не крѣпкаго сложенія; шомилъ чешыре недѣли, и кончилъ жизнь 6 Января, къ горести родныхъ, друзей и всѣхъ любившей Руской

Словесности: ибо онъ еще не дожилъ до глубокой, масшишой старости, которая бываетъ послѣднимъ знакомъ Небеснаго благоволенія къ земнымъ спранникамъ, облегчая ихъ переходъ въ вѣчность.

Говорящъ, что жизнь и характеръ Сочинителя видны въ его твореніяхъ; однако жъ мы, любя послѣднія, всегда спрашиваемъ о первыхъ у шѣхъ людей, которые лично знали Автора. Всѣ знакомые и пріятели Богдановича единогласно хвалятъ его свойства, тихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость, которую онъ сохранилъ до старости, и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣчалъ въ немъ авторскаго самолюбія. Богдановичъ даже рѣдко говорилъ о Поэзіи и Литтературѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ Кришки, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою спрогостію могла бы совершенно отвратить его отъ Авторства.

Друзья Богдановича — которыхъ онъ, однажды нашедши, не терялъ никогда — а еще долѣе любители Рускихъ талан-

шовъ сохранятъ его память: ибо пво-
рецъ *Душеньки* будешъ извѣстенъ попом-
ству — какъ Стихотворецъ пріятный,
нѣжный, часто остроумный и замысло-
ватый.

г. 1803.

О ВЪРНОМЪ СПОСОБѢ ИМѢТЬ ВЪ
РОССІИ ДОВОЛЬНО УЧИТЕЛЕЙ.

Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣрятъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радуясь намѣреніемъ его какъ дѣломъ, и — мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствій — лепятъ мыслию къ щастливому исполненію плана; другіе прясутъ головою при всякой новой идеѣ челоуѣколюбія, шопчасъ находятъ невозможности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы и спашъи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ не мудри, а все будетъ по старому!* Въ доказательство нашего безприсрасія согласимся, что первые не рѣдко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бываютъ правы: но скажемъ и то, что люди не успѣли бы ни въ чемъ хорошемъ и благородномъ, есшли бы всѣ имѣли такой образъ мыслей; смѣлые законодатели, шворцы государшвеннаго

блага, не сіяли бы тогда въ Исторіи, и мы не научились бы судить о великихъ людяхъ по трудностямъ, копорыи они преодолѣвають.

Такимъ образомъ и сей новый Уставъ просвѣщенія, копорымъ ушѣшаются добрые Патриоты, можетъ иному флегматическому Скептику представить великія трудности въ своемъ исполненіи. На примѣръ, онъ скажетъ: «гдѣ Россія будетъ находить столько учителей, сколько ихъ нужно для Уѣздныхъ и Губернскихъ школъ по новому образованію? «къмъ наполнятся Педагогическіе Институты? можно ли надѣяться на достаточное число охотниковъ?» Отвѣчаемъ ему:

Всѣ знаютъ, что при Московскомъ Университетѣ всегда воспитывалось нѣсколько молодыхъ людей на казенномъ содержаніи; но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстна великая польза сего учрежденія. Ему обязаны мы тѣмъ, что ученое состояніе (не смотря на малыя свои дѣйствительныя выгоды и весьма ограниченный кругъ дѣйствія) не погасло въ Россіи; что Университетъ нашъ, славясь иногда чужеземными Профессорами, всегда славился и Рускими, копорые, преподавая Науки, въ то же время образовали и языкъ отечественной. Другіе учились временно,

мимоходомъ и рѣдко доучивались; но изъ пишомцевъ Монаршей благодѣтельностью выходили хорошіе Спуденты, Бакалавры, Магистры, Профессоры. Обязанные нравственнымъ бытіемъ своимъ Университету, привыкнувъ къ мѣсту, къ людямъ, къ жизни посвященной Наукамъ, они не обольщались выгодами другихъ сословій, оставались въ ученомъ, и съ удовольствіемъ брали на себя должностъ наставниковъ юношества. — Когда же мудрое наше Правительствѣ новыми благодѣіями ожививъ сей Институтъ, то Россія будешь имѣть столько ученыхъ людей, столько Педагоговъ; сколько ей надобно. Правда, что мы и не знаемъ другаго надежнаго способа имѣть ихъ; но довольно и одного вѣрнаго.

Число желающихъ пользоваться симъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ было всегда такъ велико, что Университетъ не могъ принимать изъ нихъ ни прешней части, думаю, въ опредѣленный закономъ комплектъ. Нынѣ, при новыхъ выгодахъ ученаго званія, сколько бѣдныхъ молодыхъ людей захосятъ итти симъ путемъ! сколько небогатыхъ родителей благословятъ Небо и Монарха, отдавая дѣшей въ такое мѣсто, гдѣ они будутъ хорошо содержаны, нравственно образованы, просвѣщены, и чрезъ нѣсколько

лѣшѣ найдутъ средство служить отечеству въ званіи столь полезномъ! Жалованье учителя городской школы есть уже избытокъ чловѣка, воспитаннаго въ незнаніи прихошей. Онъ же можетъ имѣть и поспороніе, честные доходы: благодарные родители учениковъ его, купцы, дворяне, безъ сомнѣнія будутъ на дѣлѣ извѣлять ему свою признательность. Сверхъ того онъ имѣетъ въ виду временныя награжденія за особенное усердіе и способность въ опправленіи его должности, и наконецъ всегдашнюю пенсію. Какое щастіе для чловѣка, которой родился въ бѣдности и могъ бытъ пятгосію для злополучнаго опца, естѣли бы благодарное Правительство не взяло на себя его воспитанія! — Замѣтимъ еще выгоду Педагогическаго состоянія. Народный учитель есть конечно, какъ говоришь, не великой господинъ; но малочинность бываетъ оскорбительна для самолюбія только въ гражданской дѣятельности и въ частыхъ сношеніяхъ съ людьми. Учитель по должности своей удаленъ отъ свѣтскаго вихря: онъ есть глава въ кругу своемъ, не имѣетъ нужды въ другихъ, а другіе имѣютъ въ немъ нужду (опцы и родспвенники учениковъ), и можетъ скорѣе возгордиться, нежели унизиться въ своихъ чувствахъ. Сіе замѣчаніе

такъ справедливо, что во многихъ Европейскихъ земляхъ *гордость школьнаго мастера* вошла въ пословицу.

Бѣдность есть съ одной стороны несчастіе гражданскихъ обществъ, а съ другой причина добра: она заставляетъ людей быть полезными, и, такъ сказать, опдаетъ ихъ въ расположеніе Правительсва; бѣдные готовы служить во всѣхъ званіяхъ, чтобы только избѣжать жестокой нищеты. Россія на первый случай можетъ единственно отъ нижнихъ классовъ гражданства ожидать ученыхъ, особливо Педагоговъ. Дворяне хотятъ чиновъ, купцы богатства черезъ торговлю; они безъ сомнѣнія будутъ учиться, но только для выгодъ своего особеннаго состоянія, а не для успѣховъ самой Науки — не для того, чтобы хранишь и передавать ея сокровища другимъ. Слава Богу! нигдѣ уже благородные не думаютъ, что пыльной генеалогической свихокъ есть право быть невѣждою и занимать важнѣйшія мѣста въ государственномъ порядкѣ; но если и въ другихъ земляхъ Европы, гораздо опытнѣйшихъ и снѣрнѣйшихъ въ гражданскомъ образованіи, ученый дворянинъ есть нѣкошорая рѣдкость, то можемъ ли въ Россіи ждать благородныхъ на Профессорскую кафедру? хотя — признаюсь — я душевно бы об-

радовался первому феномену въ семъ родѣ. Что въ самомъ дѣлѣ священникѣ храма Наукъ, сего единственнаго мѣста, гдѣ человѣкъ можеть гордиться саномъ своимъ въ мірѣ, среди богачествъ разума и великихъ идей? Воинъ и судья необходимы въ гражданскомъ обществѣ; но сія необходимость горестна для человѣка. Успѣхи просвѣщенія должны болѣе и болѣе удалять государства отъ кровопролитія, а людей отъ раздоровъ и пресупленія: какъ же благородно ученое сословіе, котораго дѣло есть возвышать насъ умственно, и приближать счастливую эпоху порядка, мира, благоденствія!... Но я долженъ извиниться передъ читателями; такія мысли далеки отъ обыкновенныхъ побудительныхъ причинъ гражданской дѣятельности.

Говоря о ближайшемъ и настоящемъ, скажемъ, что если въ Москвѣ и въ каждомъ учебномъ округѣ Россіи будетъ отъ трехъ до пяти сотъ воспитанниковъ на казенномъ или общественномъ содержаніи, то чрезъ 10 или 15 лѣтъ Университетскимъ Правленіемъ останется только выбирать достойнѣйшихъ изъ нихъ для званія учителей. Папріотическая ревность нашего дворянства и купечества можеть въ семъ случаѣ обнаружиться съ блескомъ и существенною

пользою, чтобы не ошягошить казны издержками. Благодареніе есть поспребность нѣжной души: чѣмъ предметъ его вѣрнѣе и спасительнѣе, тѣмъ оно должно быть усерднѣе. Человѣколюбивыя намѣренія Монарха явно дѣйствуютъ нынѣ на умы и сердца: вездѣ обнаруживается какая-то *Филантропія*; вездѣ хотящѣ общепользныхъ учрежденій и выдумываютъ планы. Трудъ напрасный! оставимъ Правительству учреждать и заводить: удовольствуемся честію и славою способствовать ему въ его святыхъ намѣреніяхъ. Зная главную поспребность Россіи, Оно всего болѣе желаетъ озарить умы наши свѣтомъ ученія: когда сей великій планъ его исполнится, тогда будемъ щасливѣе и въ собственныхъ изобрѣшеніяхъ ума и въ собственныхъ выдумкахъ для блага людей. Уже напроіозизмъ гошовъ, дерзну сказать, удивишь Россію своими щедрыми дарами въ пользу Университетовъ; но скромность не позволяетъ намъ еще произнести имени. Исторія нашего опечесства доказываетъ, что многіе Рускіе имѣли славу быть первыми въ блестящихъ дѣлахъ добра, но никогда не оставались безъ подражателей; наше время безъ сомнѣнія не представитъ исключенія. Ежели мы, усердно прославляя знаменитыхъ благошворителей Рос-

сѣйской учености, не имѣемъ способѣвъ равняясь въ щедрости съ ними, то все еще можемъ смѣло итти къ жертвеннику опечесства и съ малѣйшимъ даромъ. Пусть богачей челоѣкъ достойно славишься тѣмъ, что его благошворительность восписываетъ десять или двадцать молодыхъ людей при Университетѣ: другой не менѣ его можетъ радоваться мыслию, что, удѣляя нѣчто отъ плодовъ своего прудолубія, дастъ хотя одному сыну бѣднаго мѣщанина средство учиться и быть полезнымъ гражданиномъ. Благодареніе такого рода *безконечно*, и слѣдствія его переживушь нашихъ внуковъ: ибо всякой образованный умъ, дѣйствуя на современниковъ, дѣйствуетъ и на потомство, которое не особеннымъ откровеніемъ, а нашими мыслями и свѣдѣніями должно просвѣщиться.

Московскіе Дворяне, издревле знаменитые, давно уже пользуясь благодареніемъ Университета — гдѣ они или сами учились или учатъ дѣтей своихъ — не захопятъ ли возвысить его передъ новѣйшими? не захопятъ ли присвоить ему славы надѣлять Россію учителями, а другіе Университеты Профессорами? Для сего (повшоряю) надобно только умножить число народныхъ или государст-

венныхъ воспитанниковъ при Московской Гимназіи; и тогда Ректоръ Университетской, вводя какого нибудь знаменитаго иностранца въ огромныя залы училища, скажетъ ему: «вошъ пишомцы щедраго Московскаго Дворянства!» Съ какимъ удовольствіемъ сіи государственные благошворители видѣли бы успѣхи молодыхъ людей, обязанныхъ имъ истиннымъ человѣческимъ бытіемъ! Всякой занимался бы своимъ особеннымъ пишомцемъ и гордился бы его опличіемъ. Содержаніе ученика стоить въ годъ около 150 рублей: какое же другое удовольствіе можемъ купить столь дешево?

Нынѣшнее щастливое состояніе Россіи, мудрый духъ Правленія, спокойствіе сердець, веселыя лица, чувствительность Рускихъ къ добру, вселяющъ въ насъ охоту разсуждать о дѣлахъ общей пользы. Мы знаемъ старцевъ, которые, стоя на краю могилы, съ радостными слезами слушаютъ и говорятъ о надеждахъ челоуколюбія, о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ просвѣщенія, которыхъ имъ безъ сомнѣнія не дождашься. Такія великодушныя, безкорысныя чувства протгашельны для всякаго, еще не мерсваго душею. — Разныя обстоятельство измѣняли нашъ простой, доброй характеръ, и запящали его на время: видимъ людей,

углубленныхъ въ свою личность и холодныхъ для всего народнаго; но видимъ и Папріошовъ, въ которыхъ истинная Руская кровь еще пылаетъ: ихъ сердце всегда опирается на гласъ ошечества, когда онъ несетъся съ шрона.

г. 1803.

О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖѢ ВЪ ЦАР-
СТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Кровопрولیтіе, мятежи и бѣдспвіа со-
ставляющѣ главную и, къ несчастію,
любопынѣйшую часѣ всемірныхъ лѣ-
тописей; но Исторія нашего опечесства,
подобно другимъ описывая жестокія вой-
ны и гибельные раздоры, рѣдко упомина-
етъ о бунтахъ противъ Власшей закон-
ныхъ: что служило къ великой чести
народа Рускаго. Онѣ, кажется, всегда чув-
ствовало необходимость повиновенія и
истину, что своевольная управа граж-
данъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣд-
спвіе для государства. Такимъ образомъ
народъ Московскій великодушно переѣлъ
всѣ ужасы временъ Царя Ивана Василье-
вича, всѣ неистовства его Опричныхъ, ко-
торые, подобно шайкѣ разбойниковъ, зло-
дѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ
непріятельской. Граждане смиренно при-
носили жалобу, не находили защиты,
безмолвствовали — и только въ храмахъ
Царя Царей молили Небо со слезами

Сог. Кар. Т. VIII.

пронуть, смягчить жестокое сердце Иоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, представляеъ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изскупленіе народа... Я говорю о *первомъ* мяшежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Рускихъ писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтельное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянные извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достоверныя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ прогательною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ несчастію, Бо-

рисѣ Ивановичѣ Морозовѣ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Пашріарха Филарета, который былъ истиннымъ Геніемъ-храницелемъ и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонносѣями и пороками души слабой: завистію, корыстолюбіемъ и приспращіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Θεодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой полишки сего великаго челоуѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ онъ Двора многихъ знаменитыхъ Пашріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы (*), разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и приспращилъ его къ охотѣ, чѣобы онъ веселился онъ дѣлъ государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись шрудолубія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Го-

(*) Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакавъ родителей, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: шронъ дорога стоилъ его доброду сердцу.

сударь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшей сестрѣ, надѣясь шишломъ Царскаго свояка еще болѣе ушвердить права и власъ Царскаго Меншора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною; ихъ судяшъ жестоко, ибо судією бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтелию. Морозова уважали, но не шерпили: Бояре за его самовласіе, а народъ за разныя новыя подаши и ошкупы, тогда введенные. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя возвысить цѣну на соль и ошдашъ ее на ошкупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чисову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклеяемыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя (*), не могли бы

(*) За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клейменныхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова

произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ,

Илья Даниловичъ Милославской хоща издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись шестемъ Государя, осыпанный вдругъ его благодѣянiями и возведенный на степень Боярина, онъ старался обратишь милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныхъ. Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честью и пользою Милославскихъ. Сии люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ перемѣною судьбы своей не перемѣнились душою: хощли только наживаться и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не зная стыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и страха: ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственни-

не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо менѣ покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между шмѣ испоршилось множество рыбы отъ *недо-*
соленія.

комъ и покровишелемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Форшуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леоншій Плещеевъ и шуринъ его Траханіоновъ. Первый начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣришь рассказамъ о дѣлахъ сего человека (*). Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подѣспражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Траханіоновъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Траханіоновъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и ширански мучилъ работниковъ, которые смѣли усиленно требовать платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оспавалось умереть съ голоду. — Напрасно ушѣсненныя искали

(*) Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онѣ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, которые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость шѣмъ живѣе, что благодатное царствованіе Михаила приучило ихъ къ царству милосши и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, ошдѣленный ошѣмъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слышалъ народного вопля. Плещеевъ и Траханіоновъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палацахъ своего родственника Милославскаго (*). Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власши. Гроза висѣла надъ его головою; но онѣ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной перемѣны своего жребія.

(*) Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый.

Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирався передъ церквами, совѣщаясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, если бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могущъ ли Государи хотѣть народнаго утѣшенія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щастіе. Личное благо людей, самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть прошивно общему; только одинъ человекъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели — и сей человекъ есть Монархъ самодержавный. — Народныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Рускимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ оповратить мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію шучу отъ государя, въ безразсудной надѣждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослабленіе власишелей бываетъ всегда предпечю государственныхъ бѣдствій.

Сіи Бояре могли бы укропишь народъ опшавкою Плещеева и Траханіюшова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и своихъ родственниковъ явно признавъ недостойными чиновниками. Такія ничтожныя побужденія бывають для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ не лзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 году (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, опслушавъ шамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился. . . Граждане молили его бытъ опцемъ своего народа; рассказали все, что они терпѣли отъ судіи неправаднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на

(*) То есть, въ претій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

мѣсто сего жестокаго человѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слушалъ съ удивленіемъ и милосердіемъ ошвѣстивовалъ, что граждане могутъ бытъ покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно извѣдывалъ благодарность Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спаскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народъ не былъ пресупникомъ: онъ пожаловался только своему опцу и Монарху на судію недостойнаго; желалъ единственно отставки Плещеева: не требовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людяхъ, ему ненависныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи? ... Къ несчастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леоншія Плещеева, начали укоряя гражданъ мятежною дерзостію — даже бить ихъ, топтать лошадьми.... Тушъ искры бунта воспылали. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Спрашныи

вопль раздался на площади; камни посы-
 пались не чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ
 за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ
 до самыхъ палатъ Государевыхъ, и
 Спрѣльцы съ великимъ шумомъ могли
 ошановить его на ступеняхъ крыльца.
 Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голо-
 совъ пребывая, чтобы имъ выдали Пле-
 щеева. . . . Бояринъ Морозовъ выходилъ
 на Красное крыльцо, и говорилъ народу
 именемъ Монарха, что Царь общалъ имъ
 правосудіе и сдерживалъ слово свое. . . На-
 прасно; мясешники кричали ему: «намъ
 тебя надобно; мы хотимъ и швоей голо-
 вы!» . . . Едва онъ могъ спастись отъ ихъ
 злобы во дворецъ Государевъ. Они бро-
 сились въ Кремлевскій домъ Морозова;
 ошбили ворота; умершвили вѣрнаго слу-
 гу, который хотѣлъ имъ прошивиться,
 и ворвались въ горницу, гдѣ была супру-
 га Боярина. . . . Сія женщина, молодая и
 прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ
 неистовыхъ; но они не пронули ее и ска-
 зали: *благодари Бога, что Царица сестра
 твоя!* . . . Такимъ образомъ и въ самомъ
 бунтѣ народъ не забывалъ уваженія къ
 Царской фамиліи. . . . Въ нѣсколько ми-
 нутъ домъ Боярина былъ разграбленъ;
 сундуки, шкапы взломаны; богатые ков-
 ры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи
 и черныя лисицы изорваны на части;

мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабишело дерзнули даже прикоснуться и къ святынь образѣ и сняли съ нихъ богатые ризы; извѣстно, что въ старину сіи драгоценные оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ собольею опушкою: народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, обратился въ колодезь: Нѣмецкія и Фражскія вина лились изъ разбишыхъ бочекъ.

Мяшежники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: одни пошли къ Думному Дьяку Чисшову, ненавистному въ столицѣ за соляный ошкупъ; другіе къ Плещееву, Траханіошову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никии Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслись бѣгствомъ; но Чисшовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бун-

тѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онѣ спрясался (*): невѣрный слуга указалъ его мяшежникамъ, которые пирански умерщвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, зная лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человекомъ суровымъ и корыстополубивымъ: будучи при дворѣ знаменъ и силенъ, онѣ дѣлалъ великія неудовольствія Голшпинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можешь быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, гордый въ щастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думалъ уже не совѣщавъ Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасающъ ее люди недостойные власти — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управляя народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія... Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, извѣлялъ нерѣшимельность. Онѣ велѣлъ только запереть Кремлевскія ворота,

(*) Подъ ебниками, говоритъ Олеарій.

когда народъ разсѣлся по Кишаю и Бѣлому городу.

На другой день мяшежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собратся въ Кремль войску иностранному. Нѣсколько сошъ Нѣмцовъ, подѣ начальствомъ Офицеровъ своихъ, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ грубыми насмѣшками; но шущъ онѣ свободно далъ имъ дорогу и говорилъ ласково: *добрые Нѣмцы! не троньте насъ; а мы впредь будемъ жить съ вами дружно.* Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мяшежниковъ не дерзнулъ итти въ Кремль за ними, Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собралися вѣрные Бояре, готовые умереть за Царя и отечество. Знаиѣйшій между ими былъ Никиша Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родсвѣнникъ, человекъ умный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и новыхъ обычаевъ, которыми Папріархъ часто укорялъ его въ бесѣдахъ, но дружески и ласково: ибо всѣ знаиые и незнаиные любили сего имениаго Боярина. Царь, милосердый по своему харак-

шеру природному, и юностію лѣтъ расположенный къ средствамъ крошкимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ. . . Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую Боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу (*), кошерый, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію извѣялъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его общаніемъ разсмотрѣвъ ихъ жалобы, присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впади въ преступленіе; что Государь вѣрично даетъ имъ слово казнить всѣхъ народныхъ пришельцевъ, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ. . . Народъ опившествовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдемъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Траханіоновъ, не будутъ ему выданы и наказаны. . . Никиша Ивановичъ Романовъ изъ-

(*) Въ сей піесѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы историческою въ спрожайшемъ смыслѣ. Авторъ отъ слова до слова повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

являетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя кляшвенно, что Морозова и Траханіюшова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ пребуеетъ Плещеева. Бояринъ общаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль. . . .

Здѣсь Рускій Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтивъ, что оно было уже несогласно съ государственнымъ благомъ, которое въ такихъ несчастныхъ обстоятельствевахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣвъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Спрѣльцовъ и рошъ иностранцыя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, естли они не захошавъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леоншій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и другіе также, естли они будутъ пойманы. . . . Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего несчастнаго: палачъ велъ его;

судья уголовный держалъ въ рукѣ приго-
воръ къ смерти. Мяшежники не дали со-
вершишься законному обряду казни, и съ-
люшостию растерзали челоѡка, нѣкогда
для нихъ спрашнаго. . . . Въ то же время
Государь опсправилъ Князя Семена Пожар-
скаго въ слѣдѣ за Траханіоновымъ; его
догнали близъ монастыря Троицкаго, за-
ключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ
Земскаго Двора и казнили на площади
25 Іюня. — Сіи двѣ жершвы усмирили
народъ. Ему извѣстно было, что Моро-
зовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ
бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за ва-
ломъ — и хотѣли схватишь; но онъ ус-
какалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ
и тихонько пробрался во дворецъ; какъ
въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто.
Мяшежники, полагая, что сего Боярина
нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались
обѣщаніемъ Царя наказашъ его, когда онъ
будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю
благодарность за Его правосудіе, они ра-
зошлись по домамъ, и Москва отдохнула,
бывъ при дни жершвою мяшежа и спра-
ха. . . .

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣд-
ствіемъ иного роду. Въ 10 часовъ утра
возстановилась пишина въ городъ: въ
при часа вечера сдѣлался спрашный по-
жаръ на Дмитровкѣ и на Тверской,

который обратился въ пепелъ всѣ дома, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный пищевой домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ... Кишай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. Въспло того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безчувствѣ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма. . . . Олеарій, описывая пожаръ, рассказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говорилъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое шеченіе пламени. Вдругъ видяшъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащилъ за собою мертвое тѣло, и говорилъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; нѣтъ другимъ не лзя остановить пожара.* Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, шувъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь, который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію (*). Милославскій, спасенный отъ

(*) То есть, Стрѣльцовъ.

народной злобы достоинством Царскаго шесня, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ; помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патриархъ великъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ пишинѣ, миролюбіи и повиновеніи власнымъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Траханіюшова заняли чиновники достойные, извѣстные столицѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ извѣлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое, въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище, кошораго описаніе останеся навѣки прогашельнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно-Рускихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни — день былъ праздничный — Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и спалъ на возвышенномъ мѣстѣ (*) . . . Граждане со всѣхъ

(1) Оларій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

споронѣ шѣснились къ Нему, громогласно извѣляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринѣ Никиша Ивановичѣ Романовѣ-Юрьевѣ. Государь съ Ангельскою крошосцію сказалѣ купечеству и гражданству, что «Ему горесно было свѣдать все прешерпѣнное ими онѣ злых чиновниковѣ; что сіи недоспойные заслужили казнѣ, упошребляя во зло священную властѣ закона, кошорая перешла наконецѣ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заспунившіе мѣсто Плещеева и Траханіошова, будущѣ править и судить по уставу челоѣколюбія и справедливоспи; что самѣ Онѣ, не смощря на общую довѣренносѣ къ симѣ почшеннымѣ людямѣ, будещѣ неусыпнымѣ окомѣ смощрѣшѣ за всѣми частіями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожашся; что прежнія цѣна соли возспановляешся; что выгода и благоденствіе гражданѣ составляшѣ единственныя предметѣ Его попеченій, и что Онѣ всѣми дѣлами Своего царшпованія желаетѣ приобрѣсти имя Ему любезное: имя опца на роднаго» Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря Его за милосѣ и желая Ему здравія и долголѣшія, по обычаю Рускихъ. . . . Тушѣ великодушныя Царѣ

обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, «что не находя его совершенно правымъ, не находишь и во всемъ виноватымъ, и не требовавъ еще въ Свое царствование никакой жершвы отъ гражданъ, надѣешься, что они исполнятъ первую прозьбу Его и проспятъ сего Боярина, который — за что Онъ ручаешься — заслужишь впредь любовь и дружбу ихъ; что елики они не хотятъ видѣть Морозова въ Синклишѣ, то Онъ исключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣща, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человека, который былъ Ему впорымъ ошцомъ и наставникомъ» . . . Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онъ сосхавили неизвѣстно прогашельное заключеніе Его рѣчи — и самые шѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ неисповѣдныя мятежники въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: *да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои!* . . . Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ извѣдѣлъ народу Свою признательность; увѣщевалъ его бытъ крошкимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣ-

щаній и вѣрно исполнитѣ ихъ... Сѣ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Боярѣ и царедворцевѣ возвратился въ Кремль....

Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхищительно. Дерзну сказать, что сія минуша была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати-двулѣтняго царствованія Алексѣя Махайловича — минуша, въ которую Онъ спользительно доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова*: ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоценное спокойствіе! Жить единственно для счастья подданныхъ, быть истиннымъ опцемъ народнымъ — сіи обѣщанія, подтвержденные Царемъ въ минушу живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны и начертаны во глубинѣ Его сердца!... мысль плѣнительная!... Но для чего великая наука управлять государствомъ не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Ищорикъ спрогимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ

въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Опирая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Полишика, основанная на опытахъ и знаніи челоѳчества, предписывали Царю Алексѣю Михайловичу совѣмъ иные способы ушушить мяшежъ. Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія; она прощаетъ, но не проситъ — и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того (*) Государь отправился въ монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѳхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на

(*) Въ Лѣтописи о мятежахъ сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня; но число, въ ней означенное, можетъ быть опискою. Оларій, рассказывая достоверно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣшенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 числа Іюня. — Г. Голицковъ, положась на Ядро Россійской Исторіи, говоритъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ наказалъ смертію многихъ мятежниковъ: это несогласно ни съ другими вѣрными извѣстіями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ въ угодность имъ казнить Плещеева, Траханишова, — просить гражданъ, чтобы они не требовали головы Моро-

обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онѣ сдѣлался первымъ народнымъ благошворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, еслии дѣло его было право. Подобно Боярину Никишѣ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя также и покровителемъ иностранныхъ,

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царствовать Самъ Собой, часто присушествовать въ Совѣтѣ и входить во всѣ дѣла: ибо Онѣ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагаться на Бояръ, которые для особенныхъ, ничтожныхъ выгодъ своихъ могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щастіемъ Государя.

зова, и въ то же время казнить ихъ самихъ? Авторы Русскихъ записокъ мимоусердною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: такъ поступилъ и Хилковъ, или, лучше сказать, Переводчикъ его Миссиа, сочинитель Ядра Россійской Исторіи. Онѣ боялся унижить Алексѣя Михайловича излишнимъ милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить вѣромымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго Его именемъ злодѣю Разину! — Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не описанъ отъ втораго, бывшаго также въ царствованіе сего Монарха.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла
вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новѣ-
городѣ и Псковѣ доказалъ необходимость
мѣръ швердыхъ и сстрогихъ.

г. 1803.

О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНИИ НАРОД-
НАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

24 Января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи Наукъ въ Россіи. Сей щастливый Императоръ — ибо дѣлать добро миллионамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу Его. Многие Государи имѣли славу быть покровителями Наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательной, всеобъемлющій планъ народного ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую Академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый Университетъ, Великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая Университеты и Гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!* Новая, великая эпоха начинается опнынѣ

въ Исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бывають только личною славою Монарховъ, не опечесива, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистию, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавишься отъ имени варваровъ. Не одно народное славолубіе — хотя оно, вопреки коварнымъ лицамъ рабъ смиренія, есть душа Патриотизма — не одно народное славолубіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благошворныхъ намѣреній Правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, уменьшаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости и — однимъ словомъ — не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго Монарха. Александръ, пылая святою

ревностію ко щастію ввѣренныхъ Ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ Своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться Его челоѣколюбивыми успавами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полношѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего Монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи Его славныхъ и великихъ Предшесствениковъ. Имя Петра и Екатерины будуще вѣчно сіяетъ въ заглавіи Исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего Они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ Александръ, Который имѣетъ щастіе царствовать послѣ Нихъ, и въ девятомъ-надесять вѣкѣ. Небо оставило Ему славу и возможность увѣнчать Ихъ безсмертныя шворенія. Папріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ Университеты, въ Академіи, въ Гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: «въ Россіи уже *много* просвѣщенія, но еще не довольно; въ не-

«измѣримыхъ странахъ ея мы находили
 «милліоны жителей, осужденныхъ на вѣч-
 «ное невѣжество; они еще не умѣе сво-
 «ихъ предковъ и не имѣящихъ никакихъ
 «способовъ умножать свои идеи, на-
 «учаться опытами, успѣвать въ искус-
 «ствѣ жизни и благородныхъ наслажде-
 «ній.» Рускіе опившіеся вѣрили, что
 сей родъ людей по самымъ связямъ гра-
 жданскаго общества кажется осужден-
 нымъ на печальное варварство и невѣ-
 жество; но иностранцы звали насъ въ
 свои земли — и мы съ изумленіемъ ви-
 дѣли въ разныхъ государствахъ Европы
 земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но про-
 свѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію,
 вкусомъ, мирно и щасливо — тѣмъ ща-
 ссливѣе, чѣмъ они просвѣщенѣе (*); мы
 видѣли заведенныя въ деревняхъ школы
 и дѣтей поселянина, награждаемыхъ за
 прилѣжность къ ученью; видѣли въ хи-
 жинахъ (не опившихся, но опрят-
 ныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы;
 говорили съ земледѣльцами и слышали,
 что они благословляющъ скромную долю
 свою въ гражданскомъ обществѣ, счита-

(*) Можно поставить въ примѣръ Швейцарскихъ,
 многихъ Нѣмецкихъ (особливо Голштинскихъ)
 и Англійскихъ земледѣльцевъ, которые имѣя
 библіотеки, сами работаютъ и богаты.

гошъ себя не жертвами его, а благополучными подобно другимъ состояніямъ, копорыя всѣ должны прудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы опечесства и собственной. Рускіе Папріопы, убѣжденные очевидною истиною, что человекъ и въ хижинѣ и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а бытъ въ самомъ дѣлѣ человекомъ, вѣрили тогда, что опечесство наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣній отъ Трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ — и добродѣтельный Александръ, сѣдуя влеченію прекрасной души Своей, исполнилъ ихъ желаніе. — Предупредимъ гласъ потомства, судъ Историки и Европы, копорая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію; скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человеколюбивы, но что сей Уставъ народнаго просвѣщенія есть *сильнѣйшее* доказательство небесной благости Монарха, Копорый во *всѣхъ* Своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, *всѣхъ* равно любитъ и *всѣхъ* считаетъ людьми.

Теперь Дворянство Россійское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ опечесству; доказать, что мы достойны такого Монарха и нашихъ предковъ, и

что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависяшъ отчасти отъ патристической ревности Дворянъ: они безъ сомнѣнія извѣяшъ ее всѣми возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель; мы желали бы возвысить ее названіемъ *безкорыстной*; но Небу угодно было во всемъ соединить съ нею награду, какъ въ Морали, такъ и въ Политикѣ. *Дворянство никогда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага.* Можемъ вспомнить нашу Исторію: во времена бѣдствій Россіи, когда самозванцы и Поляки терзали ея внутренность, народъ извѣялъ удивительную привязанность къ Рускимъ Боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами — отъ того, что Бояре прогашельнымъ образомъ доказывали свою любовь къ отечеству, первые жертвовали имѣніемъ и жизнію, забывали самую фамилію вражду (которая была тогда во всей силѣ) и думали единственно о спасеніи Россіи. Нынѣ, благодаря Провидѣнію! времена спокойны, и мы не въ пегальной, но въ радостной одеждѣ можемъ служить отече-

честву или Александру (къ щастію ; великія имена Ихъ имѣющѣ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду Монарха, Котораго человекѣлюбивая Полипика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовольствованія приходящѣ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великою мыслию, тотъ безъ сомнѣнія живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его несчастіи; но о комъ изъ истинныхъ Дворянъ Рускихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратишь въ истину злословіе многихъ чужестранныхъ Писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій, и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которія согласны съ общимъ благомъ государства и съ челоѣколюбіемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ Лицеевъ, будущи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ,

испіннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть *важнѣйшій* въ глазахъ Философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми Метаматематиками въ свѣщѣ. *Исторія ума* представляетъ *два* главныхъ эпохи: изобрѣтеніе буквъ и шипографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое Правительствованіе еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе Морали, простой, ясной, испинно человеческой и гражданской (*). Дерзну сказать, что сочиненіе *нравственнаго Катихизиса* для приходскихъ училищъ достойно перваго Генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! — Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія — и

(*) См. 32 статью Устава.

мѣры крошкато понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше Правительство соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ Пастырей съ должностію сельскихъ учителей (*).

Главнымъ благодѣніемъ сего новаго Устава останется (какъ мы сказали) заведеніе сельскихъ школъ; но онъ представляетъ еще другія, великія пользы. Городскія школы, Гимназіи, Университеты, теперь умноженные числомъ, оживленные лучшимъ внутреннимъ образованіемъ, будутъ сильнѣе прежняго дѣйствовать на воспитаніе умовъ въ Россіи. Мысль ошдѣлится ученіе отъ другихъ частей государственныхъ, какъ систему особенную и цѣлую, есть мудрая и благодѣтельная мысль; ученые мѣста должны зависѣть только отъ ученыхъ — и Ректоръ, глава ихъ въ каждомъ округѣ, будучи самъ питомцемъ Наукъ, шѣмъ ревностнѣе и дѣйствительнѣе можетъ стараться объ ихъ успѣхѣ. Довѣренность, извѣляемая Монархомъ къ собранію Профессоровъ, которые избираютъ своего начальника и правятъ не только Университетомъ, но и всѣми окружными Гимназіями и другими школами, еще бо-

(*) Статѣя 33.

лѣе возвышаетъ сей истинно-благородный санъ. Лучшій способъ сдѣлать людей достойными уваженія есть уважать ихъ. Новыя выгоды и почести (право избранія есть великая), данныя ученому сословію, большее число Профессоровъ и другихъ людей, къ нему принадлежащихъ, ошныиъ твердо и надежно основываютъ его въ Россіи.

Должно замѣтить еще двѣ важныя, новыя идеи Устава. Великая Екатерина знала необходимость образованъ собственныхъ учителей для государства, которому назначено просвѣщиться — и мы имѣли уже нѣкоторыя педагогическія заведенія; но Кандидаты сего важнаго сословія людей рѣдко оставались въ ихъ званіи, находя въ другихъ болѣе личныхъ выгодахъ. Теперь мудрый Законодатель взялъ мѣры для отвращенія сего великаго зла: Кандидатъ педагогическій долженъ по крайней мѣрѣ 6 лѣтъ быть учителемъ, чшобы перейти въ другую службу (*). Ободренія, назначаемыя для шѣхъ, которые ошличаются въ сей должности, могутъ также имѣть весьма полезныя дѣйствія (**); сверхъ того всякой изъ нихъ по достоинству награждается пенсіею (***). Вторая великая идея есть

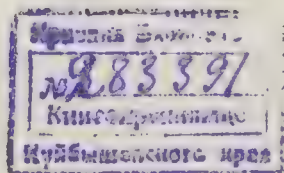
(*) Статья 40. (**) Статья 22. (***) Статья 23.

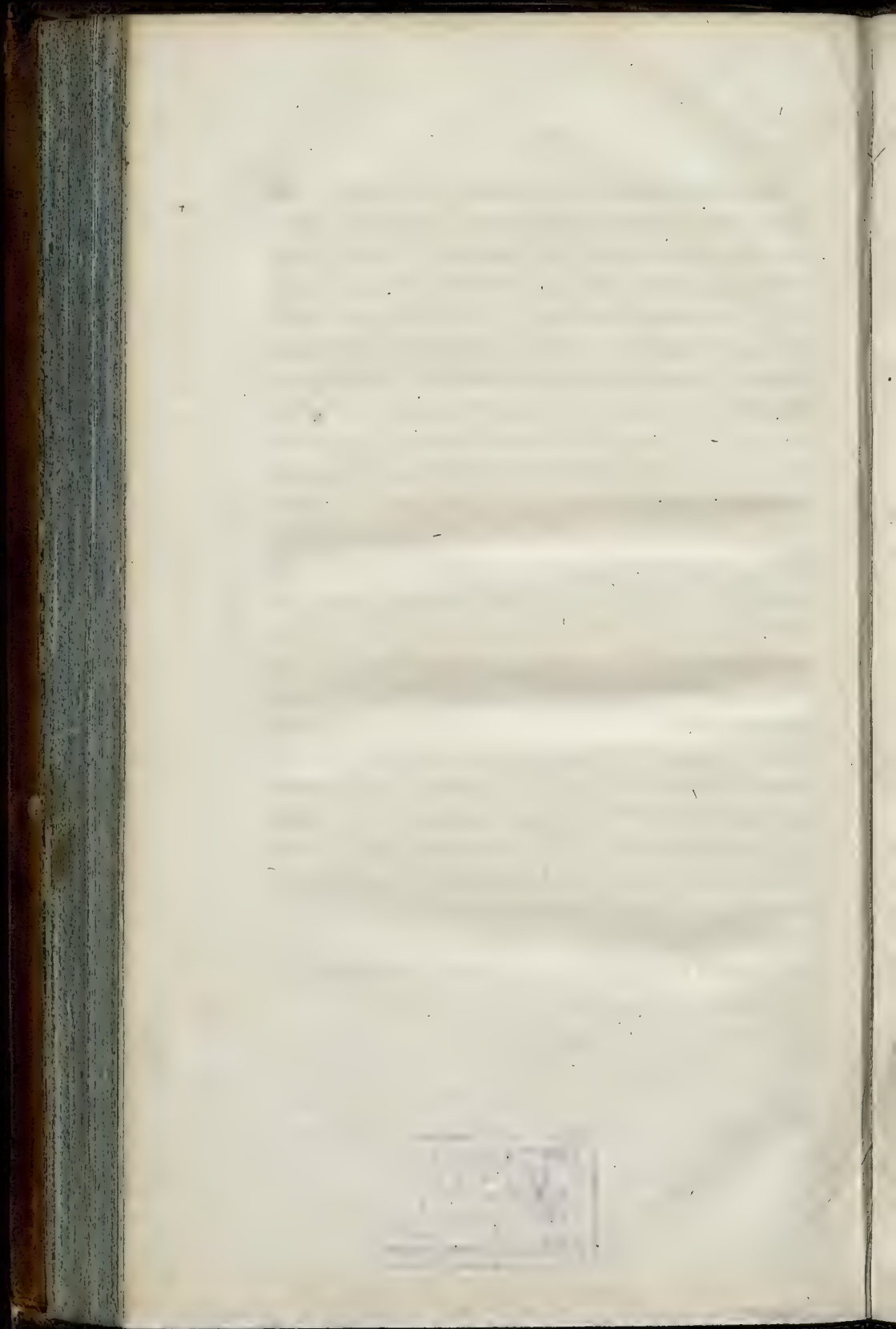
побудить къ законовѣдѣнію всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ гражданскую службу. Черезъ 5 лѣтъ никто уже не будетъ опредѣленъ къ должности, пребудущей Юридическихъ и другихъ познаній, не доказавъ, что онъ приобрѣлъ ихъ систематическимъ ученіемъ. Нужно ли описывать всѣ хорошія слѣдствія такого закона? Правосудіе есть душа государственнаго порядка: не говоря о томъ, что Науки вообще благодѣтельны для Морали, скажемъ, что не столько злое намѣреніе, сколько грубое невѣжество бываетъ причиною неправосудія.

Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и Государя ея, но и для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ долженъ гордиться Монархомъ, Который употребляетъ власъ единственно на то, чтобы возвысить достоинство человека въ неизмѣримой Державѣ своей. Если всѣ просвѣщенные земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на сію Имперію (въ которой шворческая сила человеколюбиваго Генія дѣйствуетъ нынѣ живѣе, нежели гдѣ нибудь), то не одно любопытство раядаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственныя жребіи ея зависятъ нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой. . . .

Здѣсь глубокомысленный, важный умъ долженъ обуздать нешерпѣливосшь добраго сердца, которое, пѣнясь намѣреніемъ, хочеть немедленныхъ плодовъ закона благодѣтельнаго. Нѣтъ, великія государственныя шворенія бывають медленны — такъ угодно Небу — и есѣли Россія въ одномъ смыслѣ удивляеть насъ своими быспрыми, щасливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь шрудны, неровны и неспоры шаги государствъ къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи *рожденія и новыхъ силъ*: надобны вѣки для полнаго образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ щасія, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ: въ немъ хранился вѣнецъ ихъ. — Довольно, что сей безсмершнй Уставъ для совершеннаго просвѣщенія Имперіи нашей шребуеть только — вѣрнаго исполненія; а можно ли сомнѣваться въ исполненіи того, что Монархъ Россіи повелѣваетъ Россіянамъ?
г. 1803.

КОНЕЦЪ ОСЬМАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМАГО ТОМА.

	Стран.
Историческое похвальное слово Екатерины II.	5
Великій мужъ Руской Грамматики.	134
О Тайной Канцеляріи.	146
О щасливѣйшемъ времени жизни.	155
Записки стараго Московскаго жителя.	161
О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ.	171
О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей.	219
О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алек- сѣя Михайловича.	229
О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи.	254

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ въ Осьмой Части.

Стран.	Сток.	Напечатано:	Читай:
77	18	опличала	опличила
78	28	божественная	(божественная
79	16	оплились	опличались
81	3	людности	людскости
82	29	Дворянина	Дворянина,
98	9	его	сего
142	14	въ высомы	св высомы
149	1	была	было
151	13	идушъ по большой часши	} идушъ
153	12	Императоръ!	
162	16	я старой	я, старой
165	22	въ диванами	св диванами
185	25	выражаніе	выраженіе
189	20	Que	Qui
219	15	не мудри,	ни мудри,
236	28	надѣждѣ,	надеждѣ,
242	17	за ними,	за ними.

6p. 600

